

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ LitRPG

КОСМОС ONLINE

ТАК-...МАРАТ

СЧАСТЛИВЧИК

Учебка ВКС «Колизеум»

Виртполигон: «Кубинка-дигитальная»

Саб-локация: «Тяжелый
авианесущий крейсер «Марат»

Группа: 13-я

Групп-лидер: Капрал Счастливчик

ДМИТРИЙ РУС КОМЭСК-13

КНИГА ПЕРВАЯ. КАДЕТ

59%
FREE

8%
FREE

20:38

SATURDAY
SEPTEMBER 15, 2018

Annotation

Ближайшее будущее. Неопознанный объект появился на орбите Земли и, не реагируя на попытки контакта, принялся щедро засеивать поверхность планеты бесценными артефактами. Выбирай: абсолютное здоровье, десять миллионов долларов либо семь лет тюрьмы согласно свежей поправке к законодательству. В «Ночь Звездопада» Павел со своими друзьями мечется по городу, бросаясь в круговерти скоротечных схваток с озверевшими обывателями и стремясь добыть один из артефактов. Однако так ли уж бескорыстна помощь неведомых инопланетян? Что ждет человека, сжавшего в руке драгоценный кристалл? Где он очнется уже завтра? А что, если, открыв глаза, первое, что он увидит, будет мерцающая надпись: «Загрузка локации: Виртполигон «Кубинка-дигитальная». Добро пожаловать, кадет! Теперь ты – истребитель!»

- [Дмитрий Рус](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глоссарий](#)
 - [А](#)
 - [Б](#)
 - [В](#)
 - [Г](#)

- [Д](#)
- [З](#)
- [И](#)
- [К](#)
- [Л](#)
- [Н](#)
- [О](#)
- [П](#)
- [Р](#)
- [С](#)
- [Т](#)
- [У](#)
- [Ф](#)
- [Х](#)
- [Ц](#)
- [Ч](#)
- [Ш](#)
- [Щ](#)
- [Ъ](#)
- [Ю](#)
- [Я](#)

Дмитрий Рус

Комэск-13. Книга 1. Кадет

© Рус Д., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

– Банг! Банг! Банг!

Хлесткие выстрелы травмата больно ударили по ушам и с легкостью перекрыли звуки жесткой драки. Толпа озверевших обывателей на мгновение отпрянула, оценивая новую угрозу и ощупывая себя на предмет незапланированных дырок.

Задача не такая простая, как кажется, – крови на искаженных ненавистью лицах хватало, как и скорчившихся на асфальте тел. Вяло копошащихся и абсолютно неподвижных – с пугающими черными лужами вокруг глупых голов.

Тусклый фонарь у заpleванного подъезда старой девятиэтажки давал достаточно света, чтобы разглядеть участников замеса.

Злая драка в формате «все против всех», не так давно сменившая статус на неджентльменское «все против наглых выскочек».

Четверо изрядно помятых парней в потертом и заляпанном кровью камуфляже против трех десятков разнокалиберных ловцов удачи. Сегодняшняя ночь выгнала на морозные улицы всех: обычных работяг и дворовую шпану с мутными глазами, непонятного возраста баб и лишенных внутренних тормозов девочек-подростков.

Ночь Звездопада...

Голубые искры вспыхивали над столицей раз в восемнадцать секунд, экономно засеивая город драгоценными артефактами. Десять миллионов долларов за штуку, абсолютное здоровье либо семь лет тюрьмы, согласно свежей поправке к законодательству.

Кто что выберет и кому как повезет...

– Пашка, в подъезд и на крышу, бегом! Мы прикроем!

Я в тысячный раз проклял нашу безумную идею заполучить инопланетный арт, беспомощно скрипнул зубами, но мгновенно повиновался, не желая делать жертву парней напрасной.

Тридцать секунд, вряд ли больше, и озверевшая толпа втопчет друзей в грязь бетонных ступеней. Настоящих друзей, таких больше не завести, их можно только потерять! Ребят, готовых прикрыть спину, подставиться под срок и густо умыться кровью. Только бы дать мне шанс на исцеление...

Колченогой уткой я рванул в темный зев парадного. Коленный сустав глухо стукнулся о мягкое крыло Сашкиной «Тойоты». Его хромированная гордость парила разбитым радиатором и беспомощно

звала на помощь распахнувшимся от удара капотом.

Нет, таранить толпу мы не стали, хотя это и был наиболее очевидный путь к результату. Но ведь не звери мы? Все имеет свою цену, в том числе – и максимальную...

Попытка заблокировать машиной подъезд не удалась, под колеса смело бросилась шустрая старуха, привычно отстаивая свое право на обслуживание вне очереди. Сашке пришлось резко перебрасывать руль вправо, спасая старческую плоть и безжалостно корежа автомобильную жесть о бетон монолитного здания.

Хрипя от натуги, харкая кровью и цепляясь непослушными руками за перила, я штурмовал первый пролет лестницы. Пальцы онемели и почти не слушались. Хотя я и берег спину как мог, но драка против толпы непредсказуема. Пока мы месились с мужиками, какая-то безумная тетка протиснулась вдоль стены и с первородной яростью приложила меня тяжелым костылем.

Искусственные позвонки, не так давно заменившие раздробленные кости, выдержали. А вот пучок тончайшего оптоволокна, худо-бедно дублирующего функции разорванных нервных волокон, явно пострадал.

Руки едва повиновались, дышалось пугающе тяжело, дешевые социальные протезы ног отказывались покорять невысокие ступени. Призрак паралича вновь замаячил на горизонте.

Я с трудом сглотнул вязкую соленую слюну и на ходу впечатал запястье в стену, вдребезги разбивая панически верещащий браслет медицинского мониторинга. Ладно бы он просто пищал, так ведь взывает, гад, ко всем службам спасения, заодно обкалывая пациента успокоительным и противошоковым, пытаюсь стабилизировать мое состояние до прибытия санитаров. Я у них на особом учете, как-никак три зарегистрированные попытки суицида. Очень уж это страшно – очнуться в госпитале неподвижным обрубок. И очень уж это больно – реанимация контуженного нервного столба...

Вот только мне сейчас ценна каждая капля адреналина! Меньше всего я стремлюсь к покою уютной койки стационара. На карту поставлено все! И не только мной, но и ребятами из поискового клуба «Эхо войны», дарящими мне сейчас драгоценные секунды форы. Кстати, именно на такое «эхо» я и напоролся во время своего последнего поиска.

Помню, как звякнула по металлу лопата, вышибая искру из ребристого бока ржавого боеприпаса, затем ослепительная вспышка и блаженная темнота...

Отброшенный взрывом обрубок человека был очень удобен

в транспортировке – на треть легче и почти в два раза короче, чем минутой ранее. Быть может, именно это и спасло мне жизнь – до ближайшей дороги ребята девять часов тащили носилки через лесной бурелом. Ну и медицина – куда же без нее. Как полевая – на содержимом аптечки мы не сэкономили, так и государственная, невесть зачем вернувшая на этот свет впавшего в кому пациента...

Лестничный пролет, словно штурм Эвереста. Зло кусаю разбитые в лепешку губы – месились обыватели всерьез, на убой и без дураков. На инвалидность и медицинские справки никто не смотрел – сегодня «травма» и морги соберут годовой урожай. Каждый из рвущихся к артефакту сражался за потенциальный особняк на Рублевке либо за гарантированное излечение от любых болезней и бонусные десятки лет жизни.

Луплю кулаком со сбитыми костяшками по обгорелой кнопке вызова лифта. Молю всех богов – пусть кабина окажется на первом этаже! Ждать времени нет, а путь пешком на своих ходулях я просто не осилю...

Боги благосклонно кивают – дребезжа несмазанным металлом, половинки дверей медленно ползут в стороны. Протискиваюсь вовнутрь, нервно давя на «девятый». Скорей, скорей! Падение звездочки на крышу этой убогой бетонной коробки наверняка засекли жители всех окрестных домов! Скоро тут будет настоящее столпотворение!

Бесконечный подъем позволил мне немного успокоить дыхание и протереть глаза от заливающей их крови. Рассечения кожи головы, они такие – раны пустяковые, а юшки – словно кабана зарезали.

Наконец лифт вздрогнул, устало вздохнул и неохотно захрустел створками из царапанного и облупленного железа. Пришлось ему помочь, рывком раздвигая двери и пятная их алыми отпечатками.

Снизу по лестнице уже гремели разноголосый мат и нарастающий топот – неужели смяли ребят?! Парни, выживите!

Из ведущего на крышу проема доносились явные звуки борьбы. Опередили, гады!

Штурмую очередной пролет, отбиваю плечо о косяк чердачной двери – шатает меня неслабо. Мысленно извиняюсь перед мирозданием, с трудом напяливаю кастет на непослушные пальцы правой руки. Шансы в драке надо хоть как-то уравнивать.

Мои девяносто кило тренированного спортивного тела не так давно усохли до полупарализованных шестидесяти. Вместо ног вставили спички, в позвоночнике раскаленная спица, руки – словно отлежал во сне.

В бой, Пашка, последний и решительный! Если проиграешь, можешь

смело шагать с парашюта – второго шанса, скорее всего, не будет. Звезда с неба падает в руки только однажды.

Вываливаюсь на крышу. Очередной метеор рассекает пространство напополам и освещает место локальной трагедии.

Двое грузных пивных мужиков топчут ногами худенькое тело, судорожно извивающееся на мокром рубероиде. Третий старательно ломает тонкие пальцы жертвы, добывая из грязного кулачка сверкающий кристалл артефакта.

Камень светился все ярче, постепенно меняя спектр и выходя на рабочий режим. Еще секунд десять – и он отдаст свою силу шустрому мелкому, навсегда превратившись в тривиальный искусственный бриллиант. Не копеечной стоимости, но отнюдь не волшебных свойств.

Мужик в дешевом турецком пуховике это понимал и оттого все больше зверел. Наконец, наступив тяжелым ботинком на хрупкую кисть, он принялся яростно лупить каблуком свободной ноги по намертво сжатому кулаку.

Жертва болезненно застонала, расплюснутые пальцы разжались, выпуская добычу на волю. Быстро тускнеющий кристалл покатился по крыше.

Мужик радостно взревел, привлекая к себе ненужное внимание, и по-собачьи, на четвереньках, рванулся за камнем.

Я метнулся навстречу и футбольным ударом углепластикового протеза в голову отправил его в нокаут. Минус один!

Неловко нагнувшись над артефактом, попытался было его поднять, как на меня обрушилось тело второго охотника за сокровищами. Сверкнувший нож вспорол штанину и звякнул о титановый шарнир колена. Это он зря...

Заваливаясь на нападающего, я выставил в падении локоть, максимально жестко вбивая его в толстый загривок.

Что-то хрустнуло, мужик обмяк. Очень надеюсь, что не убил...

Позади возня, чавкающие звуки раздираемой плоти и испуганно-бабские охи третьего добытчика.

Я оглянулся. Мелкая истоптанная фигура то ли девушки, то ли подростка, вновь ожила и теперь цепко висела на спине у мужика, раз за разом всаживая ему в бок острое горлышко разбитой бутылки. «Розочка» бликовала черной кровью, а последователь Индианы Джонса испуганно верещал и пытался стряхнуть с себя цепкую и смертельно опасную мелочь.

Безумие какое-то...

Вся эта ночь, этот неопознанный корабль, уже месяц висящий на орбите и молчаливо засеивающий поверхность Земли чудесными дарами. Мы теряем человеческий облик, режем друг друга, превращаясь в зверей, а Чужаки развлекаются, словно богатеи, бросающие горсти серебра в толпу нищих.

Твари! И мы, и они!

Впрочем, рефлексии и злость не мешали мне шустро работать локтями. Преодолев ползком последнюю пару метров, я загреб с крыши горсть мусора вместе с тускло пульсирующим артефактом.

Камень мгновенно ожил, теплые лучики ласково защекотали мою ладонь, сканируя нового владельца и готовясь к передаче Силы.

Я замер, еще не веря своему счастью и с трепетом ожидая всамделишного чуда. Как показала практика – ураганная регенерация, подаренная артом, способна не только вырастить новые нервные волокна, но и восстановить утраченные конечности. Никто не знает как – но оно работает!

Крыша вздрогнула, позади рухнуло тяжелое тело. Я встревоженно перевернулся на спину, крепко прижимая к груди камень и оглядываясь назад. Господи, за что?!

Наверное, когда-то это было девушкой. По крайней мере, на это намекали хрупкие плечи и бретельки лифчика, выглядывающие из разорванной футболки. А вот лица у существа не было...

Куртку с капюшоном сорвали в драке, широкий шарф грязным ошейником болтался на шее. На лбу – перекошенный обруч «Эхолота», позволяющий слепым хоть как-то ориентироваться в пространстве. Глаза – мутные бельма вареного белка. Чудом сохранившиеся слезные каналы вымывали мокрые дорожки среди пятен свежей крови. Ниже глаз – сплошное бугристое месиво глубоких шрамов от химического ожога. Вместо носа – темный провал, вместо рта – тонкая безгубая полоска.

Я вздрогнул и заелозил протезами по мокрому рубероиду, пытаюсь отползти подальше от чудом выжившего огарка человека.

Силы покинули девушку в шаге от меня. Беспомощно застонав, она протянула руку с изломанными пальцами. Окровавленная щель рта приоткрылась, оголив неожиданно белые и красивые зубы.

Едва слышный измученный голос безнадежно прошептал:

– Дай мне... Пожалуйста... Я не могу так больше жить...

Я закрыл глаза и беззвучно взвыл! Отпихнуть ее ногой, а затем, счастливо урча, свернуться калачиком вокруг артефакта, чувствуя, как вливается в меня заемное здоровье? Где граница, где та грань,

переступив которую, жизнь потеряет смысл, а я – право называться человеком?

Кристалл пульсировал все ярче. Новоявленные гуру собирательства рекомендовали изолировать его в контейнере для перепродажи либо проглотить в случае риска потери. Одно движение – и я уже ничего не смогу изменить. А уж карму как-нибудь отмою, дурное дело не хитрое, оправдывать свои поступки мы приучены с детства...

Тяжело вздохнув, тоскливо покосился на парапет крыши – эту ночь я тоже не переживу...

Кряхтя, уселся, протянул камень заплаканной и окровавленной маске.

– Держи... И будь счастлива. Не потратить вторую жизнь на глупости...

Девушка недоверчиво склонила голову к одному плечу, затем к другому. Да она просто не видит ничего! Обруч «эхолота» внешне цел, но это не значит, что нежная электронная требуха осталась неповрежденной.

Я с тревогой покосился на все ускоряющуюся пульсацию арта. Прислушался к шуму с лестничной клетке и, уже откровенно нервничая, прокричал:

– Да скорее же!

Рванулся всем телом к девушке и впечатал в ее нелепо растопыренные пальцы свою ладонь с раскаленным артефактом!

– Ах!

Словно ударом тока нас обоих выгнуло дугой! Мышцы свело судорогой, рукопожатие стало литым. Тонкие девичьи пальцы затрещали у меня в руке. Девушка болезненно закричала, а я как зачарованный смотрел на просвечивающуюся плоть. Кристалл сиял, как сверхновая звезда, и не нашим жалким ладоням скрывать его свет!

Вспышка! Разряд электрошокера! Артефакт слил энергию в одном запредельном импульсе, раскидывая нас в стороны, словно прижатые друг к другу однополярные полюса магнита.

Девушка недоверчиво щупала свою ладонь, водя пальцем по затухающему рисунку кристалла с 57 гранями. Видела она его, что ли?

Я же косился на точно такой же рисунок у себя на ладони.

Как так?! Неужели артефакт одарил нас двоих?

– Обоим, да? – тихо спросила девушка.

Да уж, у слепцов все чувства развиты на порядок лучше, чем у зрячих...

– Похоже, что так... Тебя как хоть зовут?

– Лина... – прошептала незнакомка, тревожно прислушиваясь

к многочисленному топоту на лестнице.

– Павел, – ответил я, косясь туда же.

Сейчас нас забьют. Тупо от разочарования. Хотя...

Я посмотрел на крупный бриллиант, лежащий у наших ног. Двести пятьдесят шесть каратов идеальной чистоты. Полмиллиона баксов. Неплохие были бы подъемные для старта новой жизни...

Взяв в руку камень, дождался, когда первые запыхавшиеся обыватели покажутся в дверях. Криво улыбнулся, демонстративно покатал драгоценность по ладони и метнул ее в зев дверного пролета, аккуратно между ног у загонщиков.

– Ловите!

Яростный мат, счастливый вскрик и звуки частых ударов сообщили нам, что диверсия прошла успешно. С трудом поднявшись на ноги, я протянул руку девушке:

– Пошли. Попробуем спуститься через соседний подъезд.

Тяжело опираясь друг на друга, пошатываясь под собственным весом и порывами ночного ветра, мы успели сделать едва ли десяток шагов.

В небе загрохотали лопасти вертолета, ослепительный луч прожектора поймал нас овальным пятном, из пустоты резво посыпались фигуры в матово-черной броне.

Усиленный динамиками голос грозно прорычал:

– Мордой в землю! Работает спецназ!

* * *

Туго стянутые наручниками руки уже отекали, яркий свет настольной лампы выбивал слезы из глаз. Шоу в лучших традициях Лубянки. Скоростная обработка тысяч задержанных имела свою специфику и требовала дешевых киношных спецэффектов.

Впрочем, я не обольщался. Контора и статья серьезные, не сломают с наскока – возьмутся за дело всерьез, сплетут из меня все, что им угодно – хоть коврик прикроватный.

Рядом раздраженно вышагивал усталый следователь. Видать, немало я подгадил его ведомству, используя драгоценный артефакт. У них ведь, наверное, за второй молодостью стоит номерная спецочередь с мигалками.

Правительство спешно готовило население к «Ночи Звездопада». Со всех медиаканалов обывателям внушали важность сдачи кристаллов властям. Мол: «в повышенной регенерации и творческом долголетии

срочно нуждаются академики, космонавты, разведчики, видные государственные деятели и прочие заслуженные герои».

Может, оно и так, хотя терзают меня смутные сомнения. У нас в стране одних только долларовых миллионеров тысяч триста. Плюс топовые чиновники и их родственники, да целые полки армейских и ведомственных генералов. И всем им хочется жить долго и здорово.

А ведь всего на всех не хватит! По опыту других стран, нам достанется примерно один артефакт на тысячу душ населения.

Чем ближе к границам России подлетал неопознанный корабль с инопланетными дарами, тем истеричней становился тон дикторов центрального ТВ.

Превентивная национализация кристаллов и предупреждение об их потенциальной опасности лишь обозлили народ. Объявление премии в сто тысяч рублей за каждый сданный камень окончательно убедило людей – арты надо хомячить!

Следователь наматывал круги по кабинету и вещал, а я осторожно прислушивался к своему организму. Температура была явно выше нормы, особо покаленные места и вовсе припекали. Однако со сбитых костяшек уже осыпалась засохшая корочка крови, оголив свежую розовую кожу. Чем бы ни была инопланетная заманушка – но она работала!

– ...итак, у вас сейчас есть три опции! Первое – добровольно подписать двадцатилетний контракт на службу в интересах Родины. Стране нужны люди с повышенной выживаемостью!

Я покосился на свои протезы, сиротливо выглядывающие из-под грязных задравшихся штанин. Затем посмотрел на следака и вопросительно поднял бровь.

Тот лишь отмахнулся.

– Отрастет! И не делайте такое удивленное лицо – за тем и шли! Значит, далее, опция номер два! Вы можете дать согласие на череду медицинских экспериментов по изучению инопланетного феномена. Не стоит волноваться, ничего смертельного, по крайней мере – для вашего нового тела...

Я нахмурился – что-то не воодушевляет. Как и «ать-два» сроком на двадцать лет. Нет, я и сам мечтал пойти в летное училище, стать боевым пилотом и рассекать небесную гладь на истребителе пятого поколения. Но кто ж мне теперь даст?! Превратят в диверсанта какого-нибудь либо спасателя, способного продержаться четверть часа в активной зоне реактора. Стремно мне че-то...

– Ну и третье! – Тут следователь хищно улыбнулся, и у меня

окончательно засосало под ложечкой. – Главный приз – честно заработанный срок на спецзоне! Признаюсь сразу – от медицинских экспериментов он вас не убережет! Вангую без хрустального шара – туберкулез вы подхватите уже через месяц, а по выздоровлении обязательно надышитесь парами ртути, ну или что там у наших ученых следующее по списку?

– Это незаконно... – безнадежно выдохнул я.

Настроение следователя мгновенно переменялось. Резко приблизившись, он зашипел прямо мне в лицо:

– А о чем ты думал, когда закон нарушал и Родину через хрен кидал?! Один раз не леголас? Ты хоть представляешь, КАКИЕ люди сейчас реально погибают без волшебной таблетки?! Да ты ногтя их не стоишь! Информацию о том, что они сделали для страны, лишь через полсотни лет можно будет осторожно извлечь из секретных архивов!

Я набычился и уперто стиснул зубы. Не знаю, как там заслуженные пенсионеры, но изуродованная девчонка на крыше спальной девятиэтажки также имела право на свой крохотный кусочек счастья!

Следователь внимательно смотрел в мои глаза, затем чуть смягчился.

– Понимаю, парень ты не самый плохой. Бывший спортсмен, поисковик, за что тебе мой реальный поклон. Не куришь, мозги в наличии, собирал пакет документов на подачу в «летку»... Только поэтому с тобой говорю именно я и именно здесь. Поверь, сегодняшняя ночь еще возродит легенды о кровавой гэбне. На самом высоком уровне было принято решение об абсолютной нетерпимости к сокрытию или частному использованию инопланетных артефактов. Уж лучше бы ты его попытался продать, там мимо наших сетей хрен прошмыгнешь...

Я тяжело вздохнул, затем безнадежно поинтересовался:

– А личные предпочтения к роду службы будут учитываться?

Следователь весело подмигнул.

– Будут, обязательно будут! Учтем все, вплоть до подростковых эротических фантазий. Не дрейфь, юноша! Ты у нас еще в космос полетишь!

Пророк гребаный... Кто бы знал, что в космос я полечу гораздо раньше, чем предполагала могущественная контора...

Глава 2

– Банг-банг!

Сквозь ватную завесу донесся резкий дуплет выстрелов и чавкающие звуки пробиваемой плоти.

Дежавю?

Я вяло трепыхнулся, пытаюсь вернуть контроль над телом. Ощущение – словно лежишь на ринге после тяжелой плюхи нокаута. Отмороженные конечности сопротивлялись. Отклик нулевой, удалось лишь оглушено мотнуть головой.

Мама, милая, только не это! Снова парализован? Второй круг ада я уже не осилю – откушу, как самурай, язык и истеку кровью, незаметно сглатывая горячую жижу, дабы враги не заметили попытку суицида.

Хм, враги? Что за движняк и суета вокруг?

Меня грубо кантовали, вытаскивая из какого-то узкого объема, переполненного острыми, неэргономичными углами и блоками разогретой электроники.

Затем легко ухватили под руки и, протащив с десятков метров, бросили на холодный пол. Боль от стальной хватки и жжение разбившихся всмятку губ немного очистили разум.

С хлюпаньем втянул в легкие воздух – пахло озоном, скотобойней и свежей кровью. Звон в ушах притих, расширяя спектр получаемой информации.

Гудение и дрожь механизмов, усталые вздохи пневматики и натужное сопение сервоприводов, эхо многочисленных шагов – тяжелых, с подрагиванием пола, и почти невесомых, узнаваемых скорее по шороху и движению воздуха.

– Лут номер 13–733. Женщина, биологический возраст – пятьдесят семь, репродуктивные возможности – ограничены. Боевой потенциал – одиннадцать единиц. Рарность генома – сомнительна, многочисленные повреждения цепочек ДНК...

Идеальный девичий голос монотонно вещал где-то вдалеке. Его легко перекрыли раздраженные командирские интонации. Сталь и рокот дремлющего вулкана – в исполнении женщины:

– Шлак! На разборку и в биореактор!

– Банг-банг! – вновь коротко рывкает не опознаваемый на слух ствол.

Шелест шагов. На этот раз ближе...

– Лут номер 13–734. Мужчина, биологический возраст – семьдесят четыре, репродуктивные возможности – отсутствуют. Чистота генома – 91 %. Боевой потенциал – пять единиц...

– Мусор! В реактор!

Старческое:

– Постойте! Я ценный специалист, владею навыками...

– Банг-банг! – торопливый монолог обрывает на полуслове.

Идеальный голос подтверждает:

– Дампы долговременной памяти и мышечных нагрузок сняты со всех доставленных разумных. Уникальность знаний – единица в минус четырнадцатой степени.

– Мужлан брехливый, – с удовольствием констатирует командирша.

Шаги...

Я натужно борюсь с парализованным телом. Умирать вот так – безвольной тушей, уткнувшись носом в лужу собственной крови, – очень не хочется... Отец, до последнего дня будучи птенцом генерала Маргелова, учил: «Сбит с ног, сражайся на коленях!»

Как ни странно, первыми откликнулись именно ноги. Самые настоящие, из плоти и крови – уж тормозящий отзыв сенсорного оптоволокна я легко отличу от ощущения затекших мышц. Неужели гребаный артефакт отрастил-таки мне оторванные конечности?

Не помню, ничего не помню...

С трудом переворачиваюсь на бок, поджимаю колени к животу, на минуту замираю в позе эмбриона. В венах бурлит жуткий коктейль – эндорфин и серотонин плечом к плечу бьются с картизолово-адреналиновой армией. Счастье от обретенного здоровья конфликтовало с тревожностью ситуации.

Чувство опасности пульсировало в такт тяжелым шагам. Встать, нужно встать!

– Лут номер 13–735. Мужчина, биологический возраст – тридцать четыре, репродуктивные возможности – максимальны. Чистота генома – 98,4 %. Боевой потенциал – двадцать девять единиц...

– Хотя что-то... На редкость неудачная прибыла партия. Тринадцатая, что и говорить... Сплошной мусор, как и весь этот идиотский хроноэксперимент... В пилотскую группу его! И спуска не давать! Ишь, волосатый какой, а болт-то, болт! Девчата в «учебке» будут довольны... Настройки аппаратуры перепроверяли? Мы точно не забросили дюжину «пробойников» к австралопитекам?

– Э-э, красавица, зачем больно делать, да?! Я сам встану!

– Уймись, мясо!

– Хлоп-хлоп! – негромко прошелестел очередной образчик неизвестного оружия, и нечто крупное рухнуло на землю.

Я, наконец, смог открыть глаза. Сердце натужно бухало, гоня густую кровь по венам. Зрение плыло, слизистые были крепко пересушены, приходилось моргать, как контуженный пулеметчик.

Голова оказалась направлена удачно – на неторопливо подходящую группу, ведущую столь странные беседы и выглядящую не менее экстравагантно...

Девушка-лаборант, в куцем халатике медсестры из фильма для взрослых. Правая часть черепа выбрита, оголяя сложный металлический узор. То ли украшение, то ли приборы или фантастические интерфейсы. Взгляд отсутствующий и направлен в пустоту. Пухлые губки постоянно шевелятся, монотонно зачитывая нечто видимое только ей.

Женщина-воин, исполинских размеров и гипертрофированных пропорций. Упакована в футуристического вида стальной экзоскелет, отчего два с лишним метра ее роста приобретают и вовсе пугающие очертания. Броня щедро украшена внешними модулями вооружения – за спиной воительницы спарка стволов, над головой настороженно кружит небольшой спутник, больше всего похожий на миниатюрную Звезду Смерти. Выглядит все это внушительно опасно.

Пара сопровождающих ее телохранительниц. Тела укутаны в зеркально-черные скафандры, однако забрала шлемов откинута – чуть грубоватые, но все же женские лица явственно различимы. В руках – странного вида оружие. Какие-то короткоствольные автоматки, в богатом электронном обвесе, с активными зонтиками персональных силовых полей.

Впрочем, декораций из постановок фильма о будущем вокруг хватало. Стройными рядами теснились сотни капсул зализанных очертаний. Суетившиеся вокруг техники вскрывали их одну за другой, деловито извлекая оттуда беспомощных землян. Амбалы-грузчики, все в тех же силовых скелетах, бесцеремонно волокли людей на сортировку, выкладывая на холодном полу чудовищную линию из вяло копошащихся тел.

Вдоль этой линии и вышагивала роковая четверка, мгновенно принимающая и исполняющая приговоры.

– Деформация личности при переброске...

– Банг-банг!

– Мужчина, идеальный геном, мутация сексуальной ориентации,

репродуктивные функции – атрофированы. Ха, прямо как наши мальчики «аристо»!

– Курс принудительной гормонотерапии и на «дойку». По исчерпанию ресурса – в биореактор. Следующий!

Сновали автоматические тележки, развозя трупы и редких везунчиков. Жадно сёрбал кровью приплюснутый диск пылесоса-уборщика, дорвавшегося до халявной органики.

Встать... Нужно встать...

Конечности скручивало болью – нервные окончания медленно размораживались, отходя от шока и посылая в мозг полный хаос сигналов. Господи, как же больно-то...

Я не понаслышке знаком с фантомными болями – оторванные ноги частенько чесались и ныли, однако сейчас ступни и колени «радовали» полным спектром пыточных ощущений – от «испанского сапога» до иголок под ногти.

Рядом кто-то едва слышно застонал. Память среагировала мгновенно – грязная крыша девятиэтажки, хрупкая фигура на мокром бетоне и яростно топчущийся по ней пьяный здоровяк.

Перефокусирую зрение. На расстоянии вытянутой руки лежит вызывающе красивая девушка, до крови закусившая губу и сотрясаемая приступами судорог. Одежды на ней нет, как и на всех нас, но мне не до эротики – в расстрельной яме все бесполые и ловеласов нет.

Девушку гнет дугой, однако ее тонкие пальцы спешно ощупывает собственное лицо, привычно скользя по отсутствующим дорожкам глубоких химических ожогов.

– Лина?.. – мой голос сипит, связки будто заржавели за тысячи лет безмолвия.

Длинные ресницы с повисшими на них капельками слез распахнулись, и на меня взглянули затуманенные болью глаза.

Глубина, глубина – я не твой... Целая вселенная во взгляде!

Ее глаза близоруко сощурились, потрескавшиеся губы шевельнулись:

– Павел?

Я как мог улыбнулся – узнала! Судя по падению лицом вниз и луже натекающей крови – зрелище так себе. Но... ободряю, чем могу...

– Он самый! Ты как?

Девушка на мгновение прикрыла глаза, затем облизала пересохшие губы:

– Откровенно плохо... Хотя лицо мне все же отшлифовало – магия как она есть! Где мы?!

Я уже начал приходить в себя. Об этом заявил трепыхнувшийся в глубине души мачо. Игнорировать литые полушария упругой груди становилось все тяжелее. Да и татуировка эта задорная, да еще на столь интересном месте...

– Выглядишь потрясающе! Артефакт явно пошел тебе на пользу!

Девушка скосила глаза на свое тело, затем зло оскалилась и с трудом подтянула идеальные коленки к животу:

– Мужики... Всем вам только одного и надо... Ненавижу тварей!

Злость придала ей сил – Лина одним рывком перекатилась на другой бок, открывая моему взгляду ямочки на пояснице и бархатную беззащитную шею.

Зацепил я, видать, огромный скелет в ее личном шкафу. Кто и почему сжег кислотой лицо такой красавицы? Отчего такая ненависть к противоположному полу?

М-да, сломали девчонке психику, достанется теперь кому-то такой вот сюрприз – внешность «Мисс фитнес», а начинка – из учебников карательной психиатрии...

Шаги приближаются...

Пол подрагивает под поступью женщины-мастодонта. Внешний экзоскелет явно весит далеко за сотню кгэ и отнюдь не пытается замаскировать лязг стали по бетону. Чеканный доминирующий шаг – всем бежать-дрожать-бояться, идет главная самка этого логова!

Зло хриплю – девчонка смогла, и я смогу! Похрустываю суставами, сражаюсь с бесчинством нервных импульсов, привычно давяю боль волей – практика у меня богатая, а тренировки были долгими. Медленно, сантиметр за сантиметром, переворачиваюсь на живот. Поджимаю под себя ноги, выпрямляю спину. Сижу! Полуослепший от вогнанной в позвоночник раскаленной спицы, но ведь сижу!

Уже совсем близко гроыхает суровое эхо вердиктов:

– Годен. В группу «Зет» – тяжелую пехоту! Дополнительная метка – донор класса «Б».

– В топку! Полный шлак!

– Банг-банг!

– Мясо протухшее! И как только эти старперы добрались до ценных кристаллов углерода?! Ведь по всем расчетам бриллианты должны были достаться сильнейшим особям расы? Налицо грубая ошибка в выборе временного потока! Общество уже слишком развито – социальный статус значит больше, чем личная альфа-самцовость... В реактор его!

– Банг-банг!

– А этого будет жалко потерять на втором вылете... Туша какая, истинный медведь! В лупанарий его, на племя! Путь вольные горожанки порадуются элитному мясу...

– Хлоп-хлоп! Хм, двойная доза нейротика, а он еще дергается! Хлоп!

– Условно годен. В «тяжи»!

– Хлоп-хлоп!

Пружина напряжения сжималась все больше. Краем сознания я с удивлением понял, что часть бушующих во мне эмоций – заемная. Источник найти было просто – внутренний компас четко указал на Лину.

Я просто ЗНАЛ, где она сейчас находится и ЧТО ощущает. Ломающая тело боль и готовность драться до конца – срывая ногти о чужую плоть. Плюс – толика бесконечной радости и тень вселенской тоски – вновь обретенное зрение накачивало кровь гормонами, а рассосавшие спайки шрамов перестали стягивать лицо мертвой маской. Сейчас бы жить да жить!

Меня пробила дрожь – такой связи не бывает даже у близнецов! Ощущение своего, родного, насквозь понятного и близкого переполняло душу.

Чувствую себя идеальной парой. Мужчина – как сосуд, который женщина наполняет собой. Стенки сосуда – пресловутая каменная стена, укрывающая половинку от невзгод. Внутри – пушистый мурчащий котенок, дарящий счастье и уют.

За свое я готов порвать кого угодно! Голыми руками! Будь то танк или псевдобаба в коконе стальной брони.

Ноги распрямляются, и вот я уже стою в полный рост. Кожу на загривке сводит мурашками. Была бы шерсть – стояла бы дыбом. Верхняя губа рефлекторно приподнимается, демонстрируя не бог весть какие клыки. Сведенные судорогами мышцы пляшут и подрагивают, словно на подиуме шоу качков. Инопланетный артефакт не только подлатал организм, но и привел его к идеальному состоянию. Жировая прослойка безжалостно вытоплена, пресс выпирает буграми, пластины грудных мышц надежно прикрывают уязвимое сердце.

Группа вершителей судеб подходит совсем близко и останавливается напротив Лины. Командирша мазнула по мне одобрителем сальным взглядом, но порядок осмотра не нарушила.

Стриптизерша в коротком халатике вновь поплыла взглядом и принялась зачитывать данные:

– Лут номер 13–776. Женщина, биологический возраст – двадцать два, репродуктивные возможности – пиковые. Чистота генома – три девятки.

Боевой потенциал – ого! – сорок единиц... Вполне достаточно для самостоятельного поступления в колониальные войска, а при должной подготовке – смогла бы пробиться сквозь конкурс в Имперское Планетарное!

Гренадерша задумчиво качнулась с носка на пятку. Бетон застонал под стальными подошвами, крошась, словно под гнетом танковой гусеницы.

– Ну и зачем ты нам, такая красивая? В пехоту? Или на развод? Пусть рождает нам мальчиков каждые семь месяцев, раз геном не испорчен боевой химией, будь она неладна!

Уловив, как яростно раздулись мои ноздри, она понимающе улыбнулась и мстительно озвучила свое решение:

– В «Инкубатор» ее! На племя!

Мы с Линой рванулись одновременно. Задача по синхронизации действий не стояла – чувствовали друг друга как сиамские близнецы. Девушка атаковала с двух рук.левой – в горло ближайшей телохранительницы, правой – стремительный хват за пистолет в открытой набедренной кобуре.

Я взял на себя командиршу. Сокрушающий правый в челюсть и таранящий удар плечом в центр тяжести, в надежде сбить мастодонта на пол.

План был дохленький, а реализация и вовсе – комична.

Лину еще в воздухе подловили едва слышной очередью из парализатора. Идеально выверенная траектория броска сломалась, на землю девушка рухнула уже скрюченной тушкой с горящими ненавистью глазами.

Мой кулак великанша приняла на ладонь и нежно сжала, ломая пальцы и треща суставы. Отчаянную попытку удара левой пресекать не стала. Перед ее лицом на мгновение вспыхнуло защитное поле, тормозя приближающийся высокоскоростной объект. Руку отсушило болью, костяшки кулака перекосило и вывернуло уродливыми шишками – словно от безумного удара по танковой башне.

Командирша ухватила меня свободной рукой за горло и приподняла в воздух, рассматривая, как породистого котенка, которого ей подарили на день рождения. С умилением прошептала:

– Злой, царапучий! 13-777... Я назову тебя – Счастливчик! Юлия Минор, зачитай «сопроводилровку».

Медсестра кивнула, хищно трепыхнула ноздрями, но отвела голодный взгляд от моих причиндалов и вновь уставилась в никуда:

– Лут номер 13–777. Мужчина, биологический возраст – двадцать четыре, репродуктивные возможности – пиковые, экстра-бонус от долгого воздержания. Чистота генома – 99,7 %. Боевой потенциал – шестьдесят две единицы! Рекомендация тактического ИскИна – в пилотскую группу.

Гренадерша ухмыльнулась:

– Несомненно! Ведь «ястребки» базируются всего в трехстах километрах от нас... Ну что, Счастливчик, не забудешь тетушку Корнелию Прайм? Будешь заглядывать на огонек? Ну, а для закрепления условного рефлекса – сегодня на ночь доставьте этого котенка ко мне! Я с ним поиграюсь...

– Госпожа подполковник, у нас проблема с последней парой! – Голос медсестры полыхнул беспокойством. – Нештатное срабатывание «пробойника». Псевдо-ИИ прибора не смог определить более достойную кандидатуру и разделил колонию нановормов на две части. Одна досталась Счастливчику, вторая – семьсот семьдесят шестой...

– И что?! – раздраженно поморщилась командирша, с сожалением опуская меня на пол. Я захрипел, пытаюсь вдохнуть и бережно прижимая к груди поломанные руки.

– Уполовиненной колонии не хватило объема рабочего тела для выстраивания полноценной антенны переброса. ИИ нашел спорное решение – объединил часть ресурсов двух разумных. Помехи хронопотока неизбежно перемешали их тонкие тела – теперь они связаны в психодиапазоне. Проще говоря – их души срослись. Сдохнет или надолго удалится один – неминуемо умрет и второй.

Корнелия раздраженно чертыхнулась:

– Сама знаешь – девка пилотом быть не может. Навигатором, оружейником или суперкарго – куда ни шло. Но не пилотом истребителя! Гормональный и эмоциональный фон, устойчивость к перегрузкам, скорость реакции и болевой порог, многозадачность и работа в коллективе... Да десяток причин! А места для балласта в легком «Яке» нет! Не цеплять же ее на внешнюю подвеску? Сдохнет через минуту... А может... хм... Может, сформировать из них экипаж тяжелого истребителя? Техники у нас навалом – автоматические заводы выдают ее на-гора регулярно, по гребаному графику предвоенного времени, утвержденному полтора века назад. Только вот летать на ней некому!

– В целях экономии мужского генома ведение боев на двухместных машинах запрещено, приказ МО за номером 51221, от 2715 года...

Гренадерша отмахнулась:

– Комету им в дышло! Самец на борту будет только один, вторым

номером полетит эта драная кошка! Боевого потенциала ей хватит! Какой у нее шанс пережить установку импланта?

– Пилотского: две тысячных процента. Штурмана: сорок процентов. Оператора вооружения: семьдесят три. Дополнительный офицерский модуль – минус шестьдесят процентов при текущих кондициях тела. Требуется разгон, оптимизация и модернизация плоти носителя.

Командирша раздраженно покосилась на ворочающегося рядом со мной седого старика благородной наружности, затем молниеносно извлекла из крепежа на груди кургузый пистолет с толстым стволом и одним оглушительным: «Данг!» – разнесла несчастному череп.

– Зачем ей о-модуль?! – коротко спросила Корнелия, не затрудняясь сформулировать вопрос яснее.

Юлия поняла.

– Приказом ИскИна «Ганнибал» и. о. Министра Обороны Солнечной экипажи тяжелых истребителей могут формироваться исключительно из офицеров.

Гренадерша вздохнула и присела рядом со мной на корточки. Едва слышно гудели сервомоторы экзоскелета, дрожал горячий воздух около решетки теплообменника, настороженно крутили электронными носами внешние сенсоры.

Я попробовал отползти подальше, но Корнелия легко дотянулась до меня и погладила по волосам:

– Видит Юнона, я сделала что смогла. Приказ маразматика «Ганнибала» не отменить. Некому, передохли все, кто в звании выше полковника... Чертов вирус...

Командирша резко встала, махнула рукой группе сопровождения:

– На принудительную модернизацию! Обоих! И пусть этот криворукий лепила постарается, иначе вместо гладкого Счастливчика я буду трахать его морщинистую задницу!

Затем повернулась ко мне:

– Выживи, котенок...

Глава 3

Подчиняясь прямому приказу, нами занялась одна из телохранительниц. Возгордиться оказанной честью я не успел, а вот пожалел практически сразу.

Черная фигура с опущенным забралом, криво зеркалящая окружающее пространство глянцевым покрытием брони, шагнула вперед и, ухватив меня за плечо, одним движением зашвырнула на услужливо подлетевшую платформу. Хрустнувшая ключица полыхнула болью, а мозг обогатился крупницей знаний: нападать с кулаками на человека в бронескафе – верх идиотизма...

Невидимые жгуты силовых захватов спеленали меня по рукам и ногам, безжалостно деформируя сломанные кости и вновь отправляя в блаженную темноту.

Судя по всему, спасительное забвение было недолгим, в себя я пришел в том же месте и в тех же декорациях. Глаза застилали неподконтрольные слезы, зубы со скрипом крошили эмаль. Уроды! Да я же загнусь так от болевого шока!

Словно подслушав мои мысли, платформа-транспорт тревожно пискнула. Над головой развернулся полупрозрачный экран медицинского мониторинга. Вращающаяся на нем мужская фигура светилась желтыми и оранжевыми маркерами повреждений.

Мудрый механизм на мгновение задумался, ставя диагноз и подбирая оптимальную схему лечения для выполнения поставленной задачи – доставки организма в точку «Икс». Затем довольно прозвенел колокольчиками и вколол мне в загривок нечто леденящее, но действенное. Боль ушла, измученное тело потеряло чувствительность, легкая эйфория захлестнула мозг.

Я блаженно выдохнул и засмеялся:

– Отличная тележка! Сама везет, фиксирует, кантует и не дает сдохнуть! Нам бы такие!

– Утихни! – оглушительно рявкнул усиленный динамиками голос.

Я как мог вывернул шею – следом за вереницей из пары носилок вышагивала грозная фигура в полированной броне.

– Не оборачиваться! – На этот раз приказ сопровождался чувствительным разрядом в многострадальный позвоночник.

Тело выгнуло дугой, силовые захваты среагировали на попытку побега

и скачком увеличили мощность. Меня рывком впечатало в ложемент, выдавливая кислород из легких и перекрывая кровоток в конечностях.

Я захрипел, одновременно задыхаясь и корчась от дуги разрядника. Феерические ощущения! Противошоковый коктейль работал – боли не было, мозг буянил тихим весельем, а тело танцевало джигу и медленно сползало в беспамятство.

Конвоирша заржала низким прокуренным голосом – шутка казарменного уровня пришлось ей по вкусу. Однако задачу доставить меня живьем никто не отменял. Дистанционная команда – и тележка ослабила хватку и вроде даже вновь ширнула меня какой-то химической дрянью.

Похоже, что носилки многопрофильные – не только и не столько медицинские, сколько арестантские...

Как там Лина? Наша духовная связь крепла с каждой минутой, намертво сшивая души кевларовыми нитями. Увиденная мельком картинка довольно четко всплыла в памяти. Вторая тележка, идущая в кильватере строя, парализованное тело девушки, небрежно прихваченное силовыми жгутами поперек груди и бедер. Рассеченная бровь кровит, голова жестко зафиксирована, красные капли собираются лужицей в глазнице.

Твари...

Да где же мы, что происходит? Запихнула-таки нас гэбня в закрытый НИИ, где после одного из экспериментов погрузили в анабиоз, заморозку, криосон – называйте как хотите? Или тестируют на психологическую устойчивость, помещая в стрессовую ситуацию попаданца классического? А может, реально перенос в будущее? Фантастический антураж вокруг, воинственный бабский коллектив в комплекте с пугающими датами и римскими именами?

Очень уж реально расплескивало по полу вскипевшие мозги, да и осколки изувеченных кистей немим укором маячили перед глазами. Калечили меня всерьез, без дураков и снисхождения.

Больше я не улыбался и не шутил. Пользуясь просветлением рассудка, тарачил глаза по сторонам, анализируя увиденное и услышанное.

Знание чужого языка меня не удивило. Если уж артефакт смог отрастить мне конечности и сформировать внутри тела портативную машину времени, то запись нескольких мегабайт информации в мозг выглядит совсем уж тривиальной задачей.

Думал я по-прежнему на великом и могучем, но вот при попытке заговорить первой на язык ложилась чужая речь. Горло уже саднило от нужды извлекать непривычные звуки. «Интерлингв» – услужливо подсказал напичканный чужими знаниями разум.

Хм, так мне не только лингвистический словарь закачали, а еще и толковый? Я зашарил глазами вокруг, проверяя теорию и выискивая незнакомые предметы.

Уродливые нашлапки на потолке – колонии нанитов! Каких конкретно? А вот без понятия, специальных знаний мне не дали, лишь общие понятия. Вертятся в голове словоформы – террорульи, контрабордажные, диверсионные, МЧСные... Репликаторы, станции подпитки и подзарядки... Чужих якорей в голове немерено, но кто есть что – не опознаю даже под дулом ИМПа.

ИМП! Короткоствольный автоматик в руках моей конвоирши был не чем иным, как персональным импульсником, что бы это ни значило! ТТХ и принцип работы не назову, но силуэт вместе с маркером-понятием – вполне узнаваем!

Бедная моя головушка, крепко же в тебе поковырялись!

Вздвогнув от нехороших подозрений, я попытался прошептать малый боцманский загиб. Фух, работает! Не отняли у меня родную речь!

Летающая платформа неспешно лавировала по коридорам базы, иногда сигналила и попискивая – предупреждая о своем присутствии или требуя освободить полосу движения.

На нас косились. Персонала в коридорах хватало – научники, военные и прочий непонятный люд. Заемные знания пасовали – виды форм, нашивок и погон сливались в пестрый хоровод. Хрен я отличу униформу местного техника-ассенизатора от пилотского комбинезона. Как и попавший к нам хрен поймет, где генерал, где ряженный казачок, а где швейцар у дверей ресторана...

Помимо остальных забот крепко напрягало то, что все встречные были женского пола. Разного возраста, разной степени изношенности и мужиковатости – но бабы! И на мою распятую тушку косились столь жадно, что мне становилось откровенно стремно. Я чувствовал себя словно девственница, которую ведут обнаженной сквозь расположение первого грузинского горно-пехотного полка.

Где все мужики?! Алё?! Может, все это – просто съемки фильма для озабоченных мальчиков? Реализация мечтаний инфантильных менеджеров? Нет, не верю! Вокруг явно не декорации, а реальная работающая техника. Тележки с антигравитами, невидимые жгуты, тяжелая броня, сидящая на ладных фигурках, словно вторая кожа.

Встречные – не актеры второго плана, а живые люди. От строя возвращающихся с пробежки девчонок в звездном камуфляже четко пахло разогретыми женскими телами. Сальные взгляды без притворства имели

меня во всех позах, а дурман феромонов будил во мне первичные инстинкты.

Свою тележку я уже не только опасался и ненавидел, но где-то даже полюбил. Трижды ей пришлось прикрывать мое брненное тело направленными пологими силовыми полями, а однажды, при встрече с группой особо борзых воительниц, грозно рявкнуть сиреной и хлестнуть по наглым рукам дугой разрядника.

Медицинский блок опознавался легко. Красный крест и змея, лакающая спирт из рюмки, однозначно идентифицировали очередной сектор базы. Кто бы мог подумать, что эмблема российских медиков сохранится через века?!

Тележка на секунду замерла, опознаваясь перед камерами систем безопасности. Шустрый обмен кодами доступа – и массивная дверь отъехала в сторону, а настороженная турель под потолком перевела спарку стволов на более приоритетную цель.

Мелькание дверей, перезвон снующих туда-сюда платформ и прочей роботизированной нечисти. Ленивая суэта персонала. Тут на меня внимания не обращают. Видать, девчата-медики видят мужиков почаше, чем двухметровые пехотинцы, накачанные синтетическими гормонами по самые брови.

Колонна притормаживает перед табличкой «Зал модернизации № 1», игнорирует зло полыхающий маркер: «Не входить! Идет операция!» – пробивает голубоватый защитный полог и влетает вовнутрь.

К тому моменту мне уже стало откровенно хреново – четко отмеренная доза анестезии прекращала свой чудотворный эффект. Изломанное тело жаловалось на боль разморозившимся нервам, а те услужливо передавали просьбы в мозг.

Сквозь полуобморочную завесу пробился раздраженный голос:

– Какого черта ты притащила сюда это мясо?! Базовую имплантацию проводит ваш тупоголовый ИИ! Не мешайте творить истинно разумному!

Мужской голос! Оторвавшись от широкой палитры внутренних ощущений, я открыл глаза и мутным взглядом нащупал говорившего. Так и есть – мужик. Сухонький, лет пятидесяти, такой себе нервный пенсионер профессорского вида. На правом виске – золотой шунт разъема. Левый глаз – демонстративно искусственный, наблюдающий за реальностью во всех доступных диапазонах – от рентгеновского до ультразвукового.

За спиной у мужчины сверкал огнями прозрачный саркофаг с полуразобраным телом человека. Пол не определить – лицо аккуратно

срезано и завернуто куда-то к затылку. Над открытой взгляду плотью шустро перебирали тонкими пальцами автоматические манипуляторы, то и дело вспыхивали спицы лазерного скальпеля, 3D-принтер заботливо наносил армирующую сетку металлического покрытия на обнаженные ребра.

Сопровождающая нас воительница безразлично пожала плечами и закинула парализатор в крепление на бедре – свою миссию по доставке она посчитала выполненной.

Принимая эстафету по охране особо опасных объектов, под потолком шевельнулся ствол стационарно оборонной турели. Секундная пауза на выбор приоритетной цели, и тонкое жало импульсника уставилось мне в переносицу. Лестно...

– Приказ Корнелии Прайм. Установка двух офицерских имплантов: пилотского и мастер-оружейника. Плюс – дополнительные модули, повышающие шансы на положительную реабилитацию объектов. В сопроводительном листе полная инфа и текст завизированного приказа.

Мне показалось или в ее голосе проскочили завистливые нотки? Хорошо быть бесправным рабом, на полном государственном пансионе? Так заключенным в тюрьмах бесплатно лечат зубы и обеспечивают довольно сносные условия для жизни. Вольному же человеку за все приходится платить из своего кармана.

Что, воительница, не тянут твои накопления на офицерский имплант? А может, и выслуга лет не позволяет?

– Даже так? – Док заинтересованно склонил голову и соизволил подняться из-за операторского пульта.

Ход операции над разобранным на компоненты несчастным не прервался. Наоборот, лишившись присмотра, автодок радостно сверкнул огнями и еще быстрее заработал манипуляторами, спешно разбирая позвоночник пациента на отдельные элементы.

Подойдя к тележке, доктор смахнул с висящего в воздухе экрана какую-то пиктограмму и развернул ее уже на своем планшете. Бледное лицо затворника озарилось нехорошей улыбкой:

– «...максимальный приоритет на выживание...» – во как! Когда уже Корнелия научится правильно формулировать приказы? Как была сержантом из «тяжей», так ею и осталась... Я ведь под это дело могу пересадить их мозги в планетарный узел обороны – будут пахать на сто четыре процента, обсчитывая орбиты околоземного мусора и таблицы стрельбы для артиллерии вспомогательного калибра... Но ведь живые!

Доктор засмеялся, затем потрепал меня по щеке, заглядывая

в слезящиеся глаза:

– Эй, ты! Хочешь быть частичкой могущественного разума?.. Не понял?!

Док отшатнулся и раздраженно повернулся к сопровождающей:

– Почему он в сознании? Правила перемещения диких хронообъектов по территории базы для кого написаны? Он же до сих пор без страховки и внешнего управляющего контура! А тележки все глючные, генератор силового поля сбоит через раз!

Воительница кивнула на диагност носилок:

– Многочисленные повреждения конечностей и медикаментозная блокада позвоночного столба. Нулевая степень опасности. Но если ты, Док, записался в бюрократы, то не проблема...

Фигура в броне демонстративно извлекла из крепежа полицейский нейротик и задумчиво повела стволом, выцеливая наиболее уязвимые места на моем теле.

Док возмущенно замахал руками:

– Куда?! Отставить! Дуболомы! Кто потом будет токсин из его организма выводить?! Все, брысь отсюда, пехота безмозглая, сам разберусь!

Девушка хмыкнула, но послушно повернулась спиной и зашагала к выходу. Однако последнее слово не преминула оставить за собой.

– Корнелия Прайм передавала персональный привет и обещала непременно заглянуть в гости, если ее приказ не будет выполнен и этот самец сдохнет!

Медик явственно вздрогнул, гладко выбритую щеку стянуло в нервном спазме. Его сухая рука, украшенная то ли светящейся татуировкой, то ли сеткой вживленного оптоволокну, зашарила по нагрудному карману комбинезона. Секундная заминка, извлечение баллончика ингалятора без маркировки и длинный «пшик» в жадно расширившуюся ноздрю.

Оборачивался к ухмыляющейся воительнице уже не трусливый заяц, а разгневанный лев. Неведомое ширево действовало почти мгновенно.

– Пошла вон! Сгною в сифилитическом изоляторе! Накачаю эстрогеном, подниму «р-потенциал» – спишу в свиноматки, на племенной развод! Будешь рожать, пока брюхо шрамами не покроется или на мальчика не сподобишься, что вряд ли! Вон!!!

Побледневшая и явно струхнувшая конвоирша вытянулась по стойке смирно, уставным жестом ударила себя кулаком по груди и спешно нырнула в полог дверного проема.

Док счастливо заржал:

– Боятся, твари икс-хромосомные!

Уловив мой направленный на ингалятор взгляд, он спешно упрятал его в карман, затем доверительно подмигнул и заговорщицки понизил голос:

– «Берсерк-6», боевой коктейль из аптечки ББС. Знатная дурь, начисто сшибает тормоза! Только если потом не залечь на полчаса в регкапсулу – то так тряхнет отходняком, что паническая атака покажется детской сказкой на ночь... Ну а что делать? Нас семнадцать мужиков на всю базу! Не сможешь себя поставить – будут клеить постоянно, щипать за задницу, а то и вовсе затащат в казарму к тяжелой пехоте, накачают стимуляторами и будут трахать до полного отмирания детородного органа! Инспектора Квинтуса Серва разыскали только на четвертый день – девки прятали его в резервной каптерке, под стопками одноразовых гигиенических вкладышей для ББС. Хорошо хоть упаковывали предварительно в обесточенный бронескаф, подгузников-то там было – на целый батальон!

Помахав ладошкой у меня перед лицом, медик вновь заржал.

– Эй, как там тебя, Счастливчик? Какое дурацкое имя... Ты бы хотел сдохнуть под прессом бабского исподнего? Хм... Скучный ты собеседник... Ну, что там у нас на мониторе? А... Болевой импульс в красной зоне! И импланта нет, погасить химию организма нечем. Хреново, да? Ничего, терпи, бесправный, надсмотрщиком будешь!

Повернув голову в сторону, он четко произнес:

– Провизор, три куба смеси номер 741, из моего личного каталога!

Приятный, но не живой женский голос мгновенно отреагировал:

– Принято. Три куба, 741, «приватный список». Приступаю к синтезу смеси, готовность через семь... шесть... пять секунд... Формула нестабильна, рекомендованное окно использования: две минуты...

– Заткнись! Знаю... – Док вслепую протянул руку к окошку раздатчика, откуда на его ладонь выпал тускло светящийся шприц инъектора.

Медик ласково улыбнулся и прижал дозатор к моему плечу. Длинный «пши-и-и-к», нарастающая боль в мышце, быстро сменяющаяся абсолютным бесчувствием. Слух резко просел, в голове запорхали разноцветные бабочки, ласково обмахивая крыльями мой усталый мозг.

Док заворковал, словно наркодилер, нахваливающий первую бесплатную дозу:

– «Эвакуатор» такого не вколет, нет у него синтезатора! Стандартный полевой набор и легкая «дурь». А вот мой коктейльчик... м-м-м! Полное расслабление, снятие стресса и активизация разума! Чувствуешь, да?! Тело – как при глубоком наркозе, хоть ковер плети из нервной ткани!

А мозги – кипят идеями! Главное тут – не перегореть, м-да... И чем ты мне приглянулся? Ведь двадцать кредитов за дозу! Ну, если ты, конечно, не главный медик базы, ха-ха!

Я бы кивнул или ответил матом, но плоть реально ушла в кому. Зрение, правда, обострилось, а мозги четко анализировали входящий поток инфы – мимику, жесты, интонации.

Вот Док на секунду задумался, нервно прикусил губу, а потом решительно скомандовал в потолок:

– Полная герметизация помещения, визирую личной сигнатурой! Идет операция класса «А».

Полог на двери уплотнился и из голубого стал багровым. Громче загудели кондиционеры, вспыхнул дополнительный свет. Стены комнаты потекли, меняя дизайн и аппаратную начинку операционной. Из технических ниш выскользнули и замерли в готовности медицинские сервы.

Док повернулся ко мне и подмигнул:

– Морфпластик! Одно из последних изобретений полноценного человечества. В формуле аккумулирующей смеси шесть процентов нанитов. Полсотни кредов за кубический дециметр! Впрочем, мы в армии, тут достаточно лишь написать грамотную заявку. Куда бабе тягаться с гением мужского разума, да? Эх, был бы жив наш суперкарго Аппий Квинтус... Как мы с ним сражались за каждую позицию! Это же собрание поэм было, а не служебные записки! Издать, что ли, отдельной книгой и жить припеваючи на роялти? Эх, мечты, мечты...

Я на секунду тоскливо прикрыл глаза – полубезумный шовинист-медик, любитель забористой ширки – вот портрет моего оперирующего хирурга. Полный пипец...

Док тем временем рухнул тощей задницей в податливое эргономичное кресло, развел руки широко в стороны, разворачивая полупрозрачные панели проекторных экранов. Длинные ловкие пальцы забегали по тоуч-интерфейсам. Как и многие одинокие люди, он продолжал бубнить в полголоса:

– А мы по старинке, ручками все, ручками... И никаких следов в логах персонального импланта. Дурочкам из СБ даже такую простенькую двухходовку не осилить, хе-хе...

Док работал слишком быстро – я едва успевал выхватывать из текста отдельные слова и обрывки фраз. «Складской учет»... «Закрытый фонд»... «Экспериментальные модели»... В животе неприятно похолодело – что творит этот псевдоученый?! Мне обычный пилотский гаджет надо!

Ну, пусть офицерский, с двумя лейтенантскими звездочками! Летать я и вправду хочу, это всяко лучше, чем на таинственную «дойку» или на корм биореактору...

– ...задача у нас какая? Обеспечить максимальную выживаемость! Бюджет и средства не оговорены, только цель! А это что значит? Значит, пришло время творческой импровизации! Когда еще такой шанс выпадет? Я вам покажу, чем отличается «гомо сапиенс» от «сапиенс артификалис»! Это вам не стандартные пехотные импланты вшивать по дюжине за сутки! Автохирурги гребаные! Вживил модуль и нанофабрику, зашприцевал пять литров базовых нанитов – и сразу: «ИИ-доктор высшей категории»! Да я пока первую операцию провел – двенадцать лет учился! У самого Мания Прайма, между прочим, мир его праху...

Невидимые захваты перегрузили мое тело в прозрачное нутро хирургического бокса. Над головой заелозил сканер, тонкие роботизированные лапки замелькали вокруг, вставляя иголки капельниц, готовя операционное поле и совершая десятки непонятных мне манипуляций. На крышке саркофага замигали отблески голубых и зеленых лазеров.

Док строго посмотрел на меня:

– Ты моргай там пореже! Тебе сейчас лазер череп вскрывает, погрешность измеряется в ангстремах, но микросотрясения нам ни к чему! Я б тебя совсем вырубил, но для тонкой оптимизации нужны живые реакции мозга. С дефолтными настройками пусть ИИ-Пирогофф работает. Истинный художник полагается только на интуицию! Хе-хе...

Смысл слов доходил до меня с трудом – запах паленой кости и шипенье рассекаемой лазером плоти гипнотизировали и сводили с ума. На лицо опустилась прозрачная маска, в легкие потекла смесь, богатая кислородом и какой-то успокаивающей химией.

Уже через минуту стало значительно легче, голос Дока вновь пробился сквозь барабанную дробь в ушах.

– ...так, отсортируем по годам... Хм... И откуда у нас такая цаца? Даже драйверов нет. Трофейное, что ли, или в седую старину прислали на сертификацию? Эй, соколик, ты что предпочитаешь? Экспериментальный имплант для высшего флотского комсостава производства Российской Империи, индекс надежности «альфа-прим»! Правда, вот апробация практически нулевая... Или мажорский «Волант-9», для изнеженных деток аристо, насосавших себе на внутрисистемную яхту? Сдохнуть при установке он тебе, конечно, не даст, но и истребитель из тебя получится аховый – сгоришь в первом же бою... Мне вот и то, и то

нравится, ни разу с ними не работал, а приказ высшей категории позволяет брать со складов все, что посчитаю нужным! М-м-м... Соблазн!

Док вскочил с кресла и нервно заходил по комнате, задумчиво теребя себя за костлявый подбородок.

Я же лежал молча, с тихим фатализмом наблюдая в отражении зеркальных поверхностей, как автохирург бережно пластуется мою тушку. Тело вскрыто размашистым икс-образным разрезом – от плеч к пяткам. Кожа растянута зажимами, мышцы аккуратно разбираются по пучкам и разводятся в стороны, оголяя белоснежные кости, узлы сухожилий и бьющиеся сумасшедшим пульсом вены. Организм хоть и не чувствует боли, но происходящее ему явно не нравится.

Рядом вздохнул безумный профессор:

– Эх, Корнелия, Корнелия... Мне моя задница, конечно, дорога, но наука – важнее! Ну-с, что там наворотили эти имперцы? Ого! Ковровская лаборатория, партия «три нуля», спецзаказ для «Высшего Командного» на Рязани-Звездной! Лихо... Серийник-то по базе хоть пробивается? Ай да молодцы! Как там говорил легендарный ИИ-Мордор? «РИ-коммунизм – это прежде всего контроль и учет!» Что у нас в сопроводиловке? Минорная спецификация и операционные кроки, формула нанитов для синтезатора... Святой Асклепий! Двенадцать кило наномассы, да еще такой чистоты и плотности! Богато жили варвары, пока через них Рой не прошел... Ладно, что у нас максимально близкое по характеристикам? «Звездная пыль» на алмазной кристаллической решетке? М-да, мечтать не вредно... Хм, а разукomплектую-ка я пару адмиральских имплант-комплектов! Все равно уже шестьдесят лет как валяются без толку. Компенсирую качество количеством. Так даже интересней! Внесем в закрытый цикл проекта свежую новаторскую идею!

Автохирург, все это время подсушивавший потоком теплого воздуха мои невольно текущие слезы, устал бороться со слабостью человеческого организма и раздраженно брызнул на слизистую какую-то медикаментозную дрянь. Веки мгновенно парализовало, а глазное яблоко покрылось плотной прозрачной пленкой, как у легендарных драконов...

Док отбарабанил по экрану длинный список команд и заказов, затем долго препирался с различными потоками хозяйственных ИИ. Бухгалтерским, складским, курьерской службы и не поймешь какими еще. Пару раз даже лично куда-то звонил, используя разрешительную визу Корнелии как бронебойный аргумент. Даму боялись настолько, что легко шли на мелкие административные нарушения, извлекая из запыленных хранилищ запрашиваемые реагенты и срывая печати с номерных ячеек

хранения.

Представляю такой приказ в грозном тридцать девятом году. «Выдать подателю сего все, что потребуется для выполнения поставленной задачи!» И подпись: «комиссар ГБ Л. П. Берия». Ну или там: «Г. К. Жуков» – тоже, говорят, был дядька крутого нрава. К стенке прислонял на раз-два...

Мой разум время от времени плыл, пытаюсь сбежать в спасительную пустоту от ужасов вивисекции по живому. Однако умная техника зорко следила за состоянием разобранного на ремкомплект существа. Чуть что – и маска наполнялась бодрящим туманом с резким запахом. Мозг получал чувствительную оплеуху, глаза поневоле наводили резкость, а уши вновь улавливали негромкое бормотание.

– ...двойной слой композита на кости и демпферную подушку в черепную коробку. Синтезатор гормонов и кардиоводитель – упрячем поближе к основным сосудам, автомед «последнего шанса» – туда же. Ты у меня ускорение в тридцать «же» выдержишь, как и пулю в сердце... Ну, по крайней мере – должен выдержать, хе-хе... Что там у нас с бюджетом? М-да... Триста тысяч кредитов... Эй, вьюноша, гордись! Твоя начинка уже стоит как дом в пригороде Нового Рима! Однако наглость должна иметь свои границы, дальше напрягать лабораторные фонды нельзя, так ведь и под трибунал залететь можно... М-м-м... Выпустить тебя недоделком? А вдруг и вправду сдохнешь к утру? Знаешь, полежи-ка ты пока в распакованном виде, а лучше – поспи часиков двадцать. Ну, а я займусь твоей напарницей. Очень, очень интересный случай. В мой бестиарий заглянули сиамские разнополые души, ну кто бы мог подумать? Весело вам будет вместе. Вряд ли долго, но однозначно весело... Хм, а что, если нам пойти по пути «пробойника» и объединить индивидуальные ресурсы двух персоналий в единое ядро? Вы ведь все равно друг от друга никуда не денетесь... Какая нетривиальная задача! Ну-с, приступим!

Лина парила в персональном коконе нулевой гравитации. Шевелить можно было только глазами – чем она усиленно и занималась, изучая окружающее пространство сквозь розоватую взвесь «околоплодных вод». Дышать приходилось по-младенчески – в жидкой среде. Комфорта это не добавляло, наоборот, будило старую фобию, заработанную еще на морском отдыхе. Закрутило ее однажды волной, утаскивая вглубь и крепко прикладывая о камни галечного пляжа. Может, и утопило бы, да повезло – спасатель на вышке совмещал приятное с полезным: жадно следил за ладной фигуркой симпатичной купальщицы...

Постоперационный бокс не баловал обилием впечатлений. Стерильное

помещение со стойкой дежурного медсерва плюс четыре цилиндра дорогуших регкапсул. Причем не армейский вариант – с урезанным до предела функционалом, а вполне себе полноценные системы «Эскулап-9.2». Достойное украшение планетарного госпиталя средней руки.

Лина сама не знала, откуда в ее голове всплывали нужные знания. Однако ничему не удивлялась. После того как безумный доктор выдернул ее из глубин блаженного беспомыслия, она успела разглядеть немало. Например, то, как работал автохирург над мозгом Павла, напыляя блоки долговременной памяти на внутреннюю поверхность вскрытого черепа парня.

Павел... Спаситель, собрат по несчастью и пожизненно навязанный спутник. В первого можно было влюбиться, второго – пожалеть, третьего – возненавидеть.

Умение любить давно сгорело вместе с испаряемой кислотой плотью. Жалеть получалось только себя.

А ненависти хватит на целый полк мужиков. Ведь именно от них пришла эта боль и уродство...

И что теперь делать?

Монитор ее автодока время от времени раздраженно попискивал, удаляя из кокона лишний объем соленой влаги. Набухающие на ресницах слезы нарушали тонкий химический баланс «околоплодных вод».

Лина смахнула ресницами очередную каплю и вновь перевела взгляд на обнаженную фигуру парня, парящего в соседней капсуле. Вот как дальше жить в этом дурацком искусственном тандеме?

По скупым обмолвкам Дока, в регкапсулах мы с Линой провели неделю. Выписали нас одновременно с остальными «попаданцами» нашей несчастливой тринадцатой группы. Синхронизация объяснялась просто – персональные регенераторы достались только нам. Остальные восстанавливались «по старинке» – плавая в вязком киселе рекреативного геля. Дешево и сердито, включая стандартный процент послеоперационной смертности. Так наша группа потеряла еще одного человека...

Мы же боролись за жизнь. Мой организм отторгал щедрые дары медиков и раз за разом впадал в кому или уходил за грань клинической смерти. Продвинутая аппаратура откачивала плоть, но с огромным трудом удерживала душу. Именно душу – по нынешним понятиям это практически такой же орган, как и любой другой. Со всеми ее болезнями, отмираниями и даже пересадками...

Меня спас якорь в виде Лины. Случайно разорвать астральную связь не так-то просто, а тащить *за грань* невинную душу я не хотел и не мог. К тому же девушка очень болезненно реагировала на каждую из моих смертей. Даже будучи погруженной в искусственный сон, она вздрагивала, просила остаться и едва заметно плакала. Терять кусочек себя – бесконечно страшно...

Маятник сжимался, высшие планы бытия отторгали бракованную душу, и меня вновь отбрасывало в физический мир, прямиком в ментальные объятия Лины. Мы смущались, словно оказывались случайно прижатыми в транспорте друг к другу, когда на ней – легчайшее летнее платье, а на тебе – лишь легкие шорты. И не отвернуться, и глаз не отвести. Остается лишь краснеть, смущаясь, желать – больше чем бессмертия, и влюбляться – беспощадно и навсегда...

Из тысячи человек нас осталось семьдесят три. Куда делись остальные – думать не хотелось, да и не было особых сил. Надеюсь, что большинство все же выжило, хотя подстегнутое повышенной температурой воображение рисовало коптящие трубы крематория... тьфу... биореактора...

Пошатываясь, мы брели по коридорам базы, словно колонна военнопленных, шаркающая по улицам взятого на меч города. Конвоиры и наши серые безликие комбинезоны удачно дополняли картину.

Как в старые добрые времена, на запястье вновь белел жгут медицинского монитора. Импланты еще не вышли на режим, и наше состояние приходилось отслеживать внешними девайсами.

Передо мной вышагивал невысокий плотный паренек, один из немногих, кто сохранил живой блеск в глазах. Он жадно крутил головой, цепляясь взглядом за любые технические приبلуды и вполголоса проговаривая их названия и спецификации. Иногда он смешно морщил лоб, натываясь на что-то незнакомое и непонятное.

Несмотря на внутреннюю помятость организма и неясные перспективы будущего, мы с Линкой были настроены оптимистично.

Во-первых – ноги и глаза! Тому, кто не сползал с инвалидной коляски и не переваливал обрубок своего тела в ванную – не понять! Ну а тихое счастье Лины я впитывал всеми фибрами обостренных чувств! Видеть! Просто видеть все вокруг! Как это потрясающе!

Хотите осознать? Завяжите себе глаза черной повязкой на сутки, а лучше – на неделю. И попробуйте пожить без одного органа чувств. Узнаете о себе много нового и научитесь ценить и беречь собственное здоровье. Оно ведь не навсегда нам подарено и может подвести буквально

сегодня. Хлоп – и тьма! Навсегда...

В широком ангаре нас построили в одну шеренгу. Народ настороженно крутил головами, оценивая обстановку и товарищей по несчастью. Жесткая выборка сделала свое дело – вокруг хватало откровенно тревожных персонажей. Резких, агрессивных и, главное, не глупых. Сложно нам будет ужиться вместе...

Лязгающий звук шагов заранее предупредил о визите высокого, в буквальном смысле, начальства.

Корнелия Прайм! Подполковник, за какие-то грехи задвинутая на должность командира научной базы Флота, проводящей довольно успешные эксперименты в рамках проекта «Хронос». Информация, может, и секретная, но имеющий уши – услышит. Дисциплина в женском коллективе крепко хромала на все четыре лапы. Трепались даже караульные на постах! И это при внушающей ужас личности Корнелии. Боюсь представить, что творится в рядовых гарнизонах...

Подполковник брезгливо осмотрела наше разнокалиберное воинство. Возраст – от семнадцати до пятидесяти, рост и вес – любые, на каждые восемь мужиков одна женщина.

Сплюнув на стерильный пол, Корнелия заговорила, давя басами и инфразвуком сквозь внешние динамики.

– «Тринадцатая»! Вы оправдываете свою никчемность! Коэффициент шлака – девяносто три процента! Пожалейте биореактор! Емкости с протоплазмой забиты под крышку! Впрочем, вы сами себе деревянные роботы... В виртучебке таким составом будет очень непросто. Боги – они на стороне больших батальонов. А у вас – полурота! Взвод «тяжей», взвод пилотов и россыпь бесполезной мелочи в нагрузку. Крейсер в аварийном режиме вам на голову, «тринадцатые»! Визируйте завещание цифровой подписью! А причем, откуда у вас собственность? Вы сами с потрохами принадлежите государству, да еще и с солидным долгом на лицевом счете. В среднем – по сто тысяч кредитов на уродливое небритое рыло! А некоторые и вовсе умудрились напихать в свое никчемное тело столько тонкой нанотроники, что светит им чугунный болт в космической окалине, а не дембель в ближайшие сто лет! Впрочем, в этом есть и свои плюсы...

Корнелия многообещающе посмотрела на меня. Сетка шрамов на ее лице сложилось в подобие улыбки, зрачок правого глаза расширился в цифровом «зуме» и асинхронно зашарил по моему телу, смакуя наиболее вкусные места.

Я вздрогнул и попытался затеряться в складках собственного

комбинезона. Лина мгновенно сѣмпатила мои чувства, грозно расширила ноздри и даже чуть качнулась вперед, стремясь прикрыть от плотоядного взгляда. Девушку штормило из крайности в крайность – от чистой незамутненной ярости до неосознанной, но сильнейшей тяги – обнять, прижаться и мурчать счастливым котиком.

Подполковник иронично ухмыльнулась. Ее забавляла агрессия хомячков. Личное нежелание грызунов быть обтисканными заботило ее меньше всего.

Подойдя ко мне поближе, она шепнула на пол ангара:

– Счастливчик. Не думай, что, отлежавшись в регкапсуле, ты срулил на форсаже от ласковой тетушки Корнелии. Чтоб каждую увольнительную был у меня – четко, как антенна дальней связи! Ну а я подкреплю это дело приказом по инстанции, ха-ха!

Заржав, она махнула в сторону пузатого транспорта с мощными атмосферными дюзами и рудиментарными крылышками.

– На посадку, члены ходячие! «Колизеум», конечно, не самая престижная учебка ВКС, ну да и вы не аристо в третьем поколении. Учитесь, как должно флотскому составу, и будьте так любезны – героически сдохнете в первом же бою! Быть может, тогда всю эту гребаную лавочку прикроют, а меня отправят в регуляры... Чао, деревянные!

Глава 4

Земля. Россия. Кремль. Отрывок совсекретного доклада:

«...последняя активность корабля-сеятеля наблюдалась 18 апреля. Закончив выброску артефактов над территорией Японии, НЛО завис на геостационарной орбите над Тихим океаном.

Спустя шестьдесят четыре часа с борта корабля был выдан кодированный радиосигнал в нестандартном для нас диапазоне частот.

Сразу же после этого все носители инопланетного артефакта мгновенно потеряли разум. В случае когда кристалл еще не был привязан к конкретному владельцу, то он так же разряжался в едином импульсе, трансформируясь в тривиальный бриллиант и превращая ближайшего к себе человека в пускающее слюни растение. Дистанция захвата – до ста двадцати метров.

Так, батальон охраны спецхранилища номер пятьдесят два потерял более семидесяти процентов личного состава.

Все медицинские тесты показывают нулевую активность мозга. Экстрасенсы и истинные церковники на редкость синхронны – по их словам, у всех пострадавших отсутствует тонкое астральное тело – душа...»

Внутри трюма мы оказались предоставлены сами себе. Лишь на секунду к нам заглянула разбитная деваха в легком комбезе летного состава и с выбритыми полосками на голове, сверкающими золотыми шунтами нейроимплантов.

Пугая хищной улыбкой, она продемонстрировала нам принцип работы ремней безопасности на широких и жестких откидных креслах, рассчитанных на бойца в тяжелом ББС. Ее руки мелькали неуловимо быстро и словно жили своей жизнью, успевая ловко щелкать застегивками и скользить горячими ладошками по нашим телам.

Казалось бы, всего две минуты ароматного урагана, а облапанной оказалась добрая половина мужского состава «чертовой дюжины». Парни лишь ошеломленно переглядывались, смущенно пряча друг от друга глаза. Наблюдающие со стороны девчата группы едва сдерживали истерическое хихиканье и украдкой вытирали слезы. Первый смех после переноса...

Напоследок предупредив, что «полет будет жестким», пилотесса порекомендовала нам «не шалить» и многозначительно ткнула пальцем

в настороженную спарку противобордажной турели под потолком.

Я понимающе кивнул. Пара импульсников может за несколько секунд насытить объем трюма сотнями мягких травматических боллов, укладывая всех буйных на палубу с повреждениями легких и средних степеней.

Вообще, заемная ассоциативная память постепенно размораживала нейронные связи и все щедрее снабжала информацией. К примеру, контур шатла я довольно уверенно опознал как «многоцелевой десантный бот, класса «Хомяк». Многочисленные слоты на броне и короткие рудиментарные крылья, или на летном жаргоне – «щеки», предназначенные не для атмосферных полетов, а для навешивания стандартных оружейных модулей, меняющих конфигурацию кораблика от «тяжелого штурмовика» до неподвижной башни «стационарного узла обороны».

Набирая мощь, сдержанно заревели маневровые движки. Дрожь вибрации передалась с внешнего прочного корпуса на армированную скорлупу пассажирской капсулы. Народ засуетился, спешно занимая места вдоль стен и клацая замками ремней. Бот приподнялся на силовых захватах ангара и едва заметно качнулся, выводимый в проем ворот невидимыми жгутами магнитных полей. Тревожно рывкнула сирена, предупреждая о чем-то стремном и прощаясь с лузерами, не успевшими пристегнуться, а затем шатл резко рванулся в небо!

Семь десятков глоток хекнуло в унисон – ускорение в невесть сколько «же» словно ударом тяжелого копыта вышибло из легких воздух. Повторно вдохнуть не удавалось – все тот же конь-тяжеловоз мурчащим котенком устроился на груди, выдавливая глаза из орбит и проверяя прочность нашего реберного каркаса.

Дружно запищали браслеты на руках хроно-попаданцев, в запястье кольнула крохотная иголка персонального инъектора. На фоне закритичных перегрузок в аварийном режиме активировался спящий имплант. На периферии зрения замигали контрольные таблицы и длинные столбики прогоночных тестов. Умное устройство определило степень и источник угрозы и разродилось сложным визуальным алгоритмом объемной связки: *«предсказание события – рекомендуемые варианты действия – вероятный вектор исхода»*.

Пилотам повезло. То ли закончилась фаза набора высоты, то ли одернула служба полетного контроля, однако перегрузка резко спала, и шатл плавно заскользил по маршруту, больше не пытаясь поразить нас фигурами высшего пилотажа. Повезло же девушкам в том смысле, что суть выдаваемых имплантом решений по нейтрализации угрозы своему носителю была далека от гуманных.

Относительно безобидные варианты: «генерация и отправка рапорта о нарушении полетного режима при транспортировке незащищенных нон-комбатантов» или «наложение (устного/письменного/с занесением в учетку) (взыскания/наказания) в рамках вилки разницы званий» перемежались более агрессивными: «вскрыть переборку в помеченном маркером месте и разъединить оптоволоконную гребенку энергоконтроллера». Либо «лишить сознания соседа слева и, прикрывшись его телом от огня ИМП-К-1х2, вскрыть шлюз доступа в пилотский отсек. Скрипт перебора кодов прилагается. Несущая частота опознавания – обнаружена»...

После исчезновения угрозы имплант еще несколько секунд мониторил окружающую обстановку, затем раздраженно мигнул текущими статусами модулей и отключился. Я едва успел ухватить краем сознания кусок системного лога:

...Фильтры крови. Статус: ОК. Ресурс: 99 %. Нагрузка: 27 %.

...Нанофабрика. Статус: ОК. Ресурс: 96 %. Нагрузка: 99 %. Запасы рабочего тела: 72 %.

...Нейросеть. Статус: Приживание завершено на 14 %. Ресурс: 100 %. Нагрузка: 0 %.

...Дубль нервной системы. Статус: Проращивание завершено на 9 %. Ресурс: 100 %. Нагрузка: 0 %.

...Блок ПЗУ. Статус: ступенчатая разархивация данных. Ресурс: 99 %. Нагрузка: 46 %.

...Блок ОЗУ. Статус: Желтый. Не проходит селф-тест ЕК81ХХЗ, требуется вмешательство техника. Ресурс: 99 %. Нагрузка: 3 %...

Пока я переваривал увиденное и осознавал степень киборгизации собственного организма, народ вокруг потихоньку приходил в себя. Послышался сдавленный мат и крепкие мужские проклятия в адрес летунов. Немногочисленные девушки-попаданки – а набралось их едва ли с десятков, старавшийся держаться вместе, – в выражениях так же не стеснялись.

– Руки бы наманикюренные этим сукам поотрывать... – прошептала сидящая справа Лина.

Мешковатый комбинезон удачно маскировал изгибы спортивного тела и лишний раз спасал нас от яростных вспышек женской агрессии. Стоило лишь девушке засечь оценивающий взгляд, как ее голубые глаза переполнялись холодной плазмой и желанием испепелить похотливого мужлана.

Меня поневоле накрывало отдачей, и я уже откровенно подзадолбался испытывать на себе нелогичный бабский гормональный шторм. Руки начинали подрагивать, а разум подзуживал влить хук с левой, дабы погасить этот фонтан. Теперь уже Лина ловила мои эмоции, и в зависимости от положения Сириуса в созвездии Девы могла возмущенно раздуть ноздри либо виновато потупить и захлопать ресницами подозрительно заблестевших глазок.

Вот такой вот чувственный пинг-понг. Прав был Док – жить нам предстоит весело...

В трюме на секунду полыхнула вспышка силового щита. Это выбравшийся из кресла красавец-грузин растопырил было пальцы веером и попытался вломиться в пилотскую кабину и разобраться с дерзкими пилотессами.

Спарка огонь открывать не стала, лишь брезгливо отбросила наглеца упругим щитом. Впрочем, отмахнулись от него довольно жестко. Отлетевшее от пинка тело впечаталось в закрытую аппарель и беззвучно сползло на палубу. Нокаут...

На посадку заходили резко, но отнюдь не противозенитным маневром. Желудок взбрыкнул, рот наполнился кислой желчью. Пищевод был стерилен – всю неделю мы питались исключительно внутривенно.

Касание опор о поверхность практически неощутимо. Кресла десанта крепятся к внутреннему бронированному кокону, дабы сберечь нежный груз в случае близких подрывов и аварийных посадок. Девчата нас явно пожалели. В режиме десантирования шатл падает с ускорением свободного падения, а то и вовсе вколачивая себя в атмосферу маршевыми движками, и тормозит лишь на последних сотнях метров крутой траектории.

Пандус распахнулся стремительно, сирена зло рявкнула, мигнула красным маячком и подстегнула нас инфразвуковым всплеском. На выгрузку, мясо!

«Тринадцатая» ломанулась наружу. Мне пришлось укрыть спиной Лину, дабы особо нервные товарищи не затоптали ненароком моего мастера-оружейника. Торопыги разлетались, как кегли. Я и раньше был парнем не мелким, а сейчас и вовсе тянул далеко за сотню кило. Армированные кости, искусственные суставы, многочисленные модули и ведро сверхтяжелых наноботов – сплошные редкоземы из нижней части таблицы Менделеева – все это дело добавило организму пару пудов высокотехнологичных сплавов.

С болезненным «ой, мама!» от меня отрикошетил очередной слепец – тот самый невысокий паренек, что вышагивал передо мной в строю и чуть

было не свернул себе шею, рассматривая технические диковинки. С трудом удержавшись от желания дать пинка под пухлый зад, я ухватил упитанного пацана за шкуру и хорошенько встряхнул его в воздухе:

– Глаза разуй! Куда ломишься?!

Парень нервно оглянулся на полосующий толпу звуковой излучатель.

– Так страшно же... Как дало в голову – забыл, как маму звать...

Я указал подбородком на затор у шлюза. Снаружи доносился довольный женский смех – очередной бабский батальон скрашивал серые служебные будни плоскими шутками над новичками.

– Не лезь, затопчут. Да и гордость имей. Становись впереди, по мне эта хрень что-то стесняется лупить. Как самого-то зовут – не забыл?

Пацан наморщил конопатый нос.

– Не! Макар я! В технари записали... Сказали, покрутить истребителям хвосты пару лет, пройти курс персональной гормонотерапии, затем год «дойки», а потом, может, и самому летать разрешат! А «дойка» – это что? У меня в голове каша какая-то... Четко знаю, что на жаргоне летной палубы так называют принудительный слив остатков БК и отходов реактора из накопителей. Однако чую какой-то подвох... Мне что, год в «горячей» зоне сидеть? За что?!

Я переглянулся с Линой и качнул головой:

– Вряд ли Макарка, вряд ли... Ну поглядим еще, может, и не попадешь ты на свою ферму... Судя по искусственному звездопаду, народу с Земли натырили знатно. А иди-ка к нам техником? Я успел мельком глянуть на статьи навязанной «профы» – на тяжелый истребитель полагается персональный технарь. Это на «ястребки» идет один «крутильщик гаек» на звено, а за офицерским экипажем закрепляется своя нянька.

Паренек – а ему вряд ли можно было дать больше шестнадцати – возмущенно вскинулся:

– Какие гайки?! Этим сервоботы занимаются, причем я одновременно могу «рулить» сразу тремя! Ну... если они, конечно, однотипные...

Тут он осекся на полуслове, когда сквозь завесу зарождающейся профессиональной деформации до него дошел смысл сделанного предложения. Глаза Макара загорелись надеждой:

– На «тяж»?! Конечно, хочу! А какой у вас?! «Оса»? А может, «Шмель»? Лучше бы «Шмель»! Там помимо пассивных полей есть еще и активные щиты! Вектор силы у них, правда, маловат, и энергии жрут – мама не горюй, но ведь вещь! Выживаемость выше на треть, чем у машин однотипных классов! Ремонтопригодность, универсальность! Да что говорить! Верфи «Волга-Дон космический» – этим все сказано! Знак

качества!

Я вновь покосился на Лину. Девушка улыбнулась и удовлетворенно кивнула. Во-первых, парень не косился на нее сальными глазами. А во-вторых, похоже, что процесс разархивации данных из ПЗУ лег на благодатную почву – техником он станет отличным! Я вот из его торопливой речи мало что понял...

В очистившемся проеме грузового люка появилась грозная фигура в легкой полевой броне и глухом тактическом шлеме. Усиленный динамиками голос рявкнул:

– Вам что, личное приглашение от Диктатора надо?! Движки на форсаж, построение через семь секунд, время пошло!

В качестве аргумента в руках девушки затрещал искрами жезл шокового разрядника.

Не сговариваясь, мы рванулись на выход. Судя по смачному шлепку и очередному «ой, мама!», Макарке вновь прилетело по мягкому месту.

Толпа щурящихся на ярком солнце попаданцев перетаптывалась на огромной равнине взлетного поля. Камуфлированная бетонная нашлепка радиусом в пару километров темнела стеклянными подпалинами плазменных выхлопов. Доводилось кому-то садиться или взлетать на маршевом движении, без услужливой поддержки силовых полей стартовых катапульт.

Вокруг «тринадцатой», словно пастушьи овчарки, крутился десяток девушек-сержантов. Формируя из толпы строй, воительницы не скупались на пинки и не экономили заряды шокеров. Линия постепенно выравнивалась, мазохистов и особо тупых в нашей группе не наблюдалось.

Над головами ненавязчиво барражировал шар ударного дрона-беспилотника. Эдакая мелочь – с футбольный мяч размером, а дури в нем – хватит на уверенное подавление современной стрелковой роты...

Мы юркнули в хвост колонны, за что удосужились недовольного взгляда от стоящего в стороне... хм... Терминатора? Старший офицер этого балагана когда-то был мужчиной. Сейчас от него остались лишь голова и огрызок позвоночного столба. Все остальное ему заменяли сталь и высокопрочные композиты, демонстративно выставленные напоказ. Оружейная сбруя одеждой не являлась, и солнце всю резвилось на блестящих поверхностях искусственного тела.

Киборг явно считал наши с Линой данные и повелительно махнул в сторону правого фланга построения:

– Вы, двое! В голову колонны, марш!

Пришлось занять указанное место, причем я вновь уловил чей-то

обозленный взгляд. На этот раз от бывшего правофлангового – здоровенного и угрюмого мужика. Хм, кто-то уже спешит сделать карьеру?

Набычившись, не менее зло зыркнул в ответ. Не хрен мне тут спину сверлить, недовольство свое показывать! Терпилы остались на Земле либо кормят биореактор.

– «Тринадцатая», смирно! – рывкнула стоящая в стороне девушка, украшенная снующими по телу татуировками. Легкая тога-разлетайка не скрывала соблазнительного тела. Однако бегающий по коже спектральный узор мгновенно ломал мозг и отбивал всякое желание разглядывать сочную плоть.

Ментальный посыл команды был столь силен, что строй моментально вытянулся в струнку! До хруста позвонков, до лезущих от усердия глаз из орбит!

– Пси-мод... – прохрипел кто-то из бойцов второго ряда.

Там стоял наш «шлак» и «довесок», как ехидно выразилась Корнелия Прайм.

Медики и суперкарго, погонщики ботов поддержки и операторы тяжелого вооружения, технари всех сортов и бог весть кто еще, сохранившие репродуктивные функции и избежавшие попадания в отбраковку. Как с грустью выразился один из братьев по несчастью, бывший программист, а ныне ки-мод, рядовой тяжелой пехоты: «Условно годен для разбавки генома». Ему дали год отсрочки для пополнения спермобанка Пятого Рима, а затем ИИ взвесит сумму баллов на учетной карте и решит: а нужен ли такой балласт армии?

– Вольно! – негромко отмахнулся от нас киборг.

Стальные руки чужой воли мгновенно ослабили хватку. Строй мелко задрожал и захрипел на разные голоса. Терминатор презрительно улыбнулся одной половинкой рта и вновь заговорил:

– Приветствую вас в «Колизее» – виртучилище ВКС! Я, капитан Луций Романофф, являюсь куратором эксперимента «Хронос» в стенах данного учебного заведения. Следующие пятнадцать лет вы проведете именно здесь! Без десяти тысяч часов налета и серебряной звездочки вирт-аса – вы отсюда не выйдете!.. Разве что – в виде топливного брикета...

Народ ошеломленно загомонил, переглядываясь и ища поддержки у соседей. Пятнадцать лет учебы?! Да кое-кого из присутствующих к тому времени уже спишут на пенсию или действительно скормят биореактору!

Луций вновь криво усмехнулся:

– Расслабьте ягодицы, теплокровные! В реале пройдет меньше года – время в вирте разогнано в шестнадцать раз! Точнее – в шестнадцать целых

и три в периоде. И не спрашивайте, почему коэффициент именно такой – в нашем секторе пространства теорию временных струн понимает лишь десяток ИскИнов да пара-тройка старцев от науки.

Народ облегченно выдохнул и вновь уставился на киборга. Мы и сами теперь не совсем люди – железа в наших телах ощутимая доля. Однако между ки-модом и полноценным киборгом – пропасть. Причем гораздо большая, чем между бананом и человеком – у тех хоть ДНК совпадает на пятьдесят процентов...

Я с удивлением прислушался к себе. Оказывается, вместе с абстрактными понятиями языка мне передались и эмоциональные окрасы образов. Не знаю, чьи знания заложили в мою голову, однако их первоначальный носитель откровенно недолюбливал терминаторов, опасался женщин в броне и истово боготворил истребители.

Капитан продолжал вещать. Легких у него явно не сохранилось, как и потребности открывать рот для извлечения звуков. Так что сейчас над космодромом лязгала сталью резкая речь из внешних динамиков.

– ...проведенная над вами альфа-модернизация практически бесполезна без должного единения с психомоторикой организма и слияния разума с функционалом и возможностями импланта. По сути, в вас заложено лишь зерно, которое вам еще предстоит вырастить. Бережно и очень кропотливо, удобряя его своей кровью и поливая потом! Степень личного «разгона» упирается исключительно в вашу веру и трудолюбие! Решите в уме тысячу интегралов – и наниты укрепят образовавшиеся нейронные цепочки, промаркируют их адресами-указателями и занесут в рабочую таблицу ресурсов. После этого данный сектор мозга станет доступен для текущих и фоновых задач, а ваши интеллектуальные и мнемонические способности возрастут!

Киборг осторожно постучал себя стальным пальцем по фиолетовой бронепластине виска, украшенной насечкой периферийного радара.

– Стреляйте, нарабатывайте снайперский скилл – один раз усвоенное и приобретенное уже никогда не забудется и всегда будет под рукой, складывая параметры раскачанных характеристик и умений. Точность, владение данным видом оружия, восприятие, модификаторы от личностных связей «достижение-вера» – все это скажется на результатах выстрела! Летайте, спите в ББС, тягайте в качалке килотонны железа! Имплант не позволит вашим усилиям пропасть зря! Простимулирует должные участки мышц, размягчит, а затем укрепит связки, закрепит тактические наработки!

Кто-то из молодых парней в строю довольно потер руки. Практически

игровая система прокачки умений пришлась юным кадетам по вкусу. Я задумчиво приподнял бровь – играть мне доводилось, а после вынужденного переселения в инвалидное кресло – даже больше, чем нужно. Угробленные в симуляторах годы – мое стратегическое преимущество?

– Раньше полноценный «разгон» бойца отнимал у нас не меньше десяти лет. Десять лет жесткого, выводящего за грань возможностей тренинга! Миллионы кредитов, кубометры боеприпасов, тысячи часов моторесурса и время, драгоценное время жизни! Самые продуктивные и бесстрашные годы! Когда ты еще веришь в собственное бессмертие, когда семья не приковывает к планете орбитальным лифтом, а деньги нужны только на легальные нарки и девчат из лупанария...

Вновь оживление в наших рядах. Прошло почти тысячелетие, однако базовые ценности безбашенных прожигателей жизни все те же... Многие из нас начинают утро сразу с тройной дозы наркотика – кофе с ложкой коньяка и сигаретой. Ну а девушки... Да как же без них?!

Рядом возмущенно фыркнула Лина, а я спешно отвел глаза от точеного силуэта стоящей около киборга воительницы, демонстративно похлопывающей себя стеком по бедру. Хм, разве это по уставу – носить белый шелковый китель, столь нагло просвечивающийся на солнце?

– Виртуал решил большинство из этих проблем! Год реала, и большинство из вас станет ветеранами сетевых баталий! Вирт практически неотличим от реальности и прощает многие ошибки, даже летальные!

Кто-то из особо смелых или глупых протянул руку вверх, желая задать вопрос. Я скосил глаза на безумца – обычный щуплый парнишка, еще не избавившийся от привычки близоруко щуриться.

Луций хмыкнул, однако благосклонно кивнул.

– Спрашивай.

Юноша поправил несуществующие очки, поморщился на прозвучавшее в спину «ботаник!» и, чуть картавя, выдал заумное:

– Не кажется ли вам, что за пятнадцать лет игрового бессмертия мы приобретем пагубную самоуверенность и полностью лишимся чувства самосохранения?! Нет, если вам нужны камикадзе, слепо таранящие на истребителе вражескую Звезду Смерти, тогда, конечно, да...

Киборг резко отмахнулся ладонью, прерывая философствующего парня. Кстати, вопрос оказался толковым, поэтому в ожидании ответа я насторожил уши.

– Сомнения понятны. Нет, не кажется! По двум причинам. Первое –

смерть в вирте отнюдь не рядовое событие, и к тому же очень болезненна. Нет, не так. ОЧЕНЬ болезненна! И второе. Умирать в реале все-таки можно. Не всегда и довольно-таки дорого, но можно. Демонстрирую...

Из-за спины Люция, над его правым плечом, мгновенным неуловимым движением поднялась турель с лазерным излучателем. Свист накачки практически совпал с коротким зеленым росчерком, упершимся в голову Ботаника.

– Бум!!! – мгновенно вскипевшая кровь разнесла череп, как попадание разрывной пули в спелый арбуз.

– Стоять!!! – яростный вопль-команда псионика парализовала наши конечности и приморозила к бетону поля.

Мы стояли под жарким солнцем, ошеломленные и заляпанные серо-бурым месивом. Ближних соседей Ботаника рвало желчью, прямо в не предназначенной для этого стойке «смирно».

Турель на плече киборга повела линзой ствола, выискивая зародыши бунта. На мгновение и я заглянул в зеркальный зрачок, разглядев там собственное испуганное отражение. А вот у Лины нервы оказались крепче моих. Ее поддержку я ощутил практически сразу – успокаивающий шепот на ментальном канале помог побороть судорогу мышц и вдохнуть полной грудью, успокаиваясь и уже уверенней глядя на брезгливо скривившегося куратора. Презирает он наше блюющее войнство...

Наконец, излучатель разочарованно сложился в транспортное положение и с тихим щелчком занял свое место за спиной капитана.

Люций жадно втянул ноздрями запахи крови и паленой плоти. Широко улыбнулся, на этот раз от души.

– Не сцать, салаги! Сдохнуть на Пятом Риме довольно сложно. Ставлю линкор «Ямато» против одноместного «Комара» – душа вашего умника уже отловлена эффекторами Реинкарнационной Службы. Образец генома у них есть, а единичный клон каждого военнослужащего выращивается заранее и плавает в ожидании своего часа в утробе матки-накопителя. Изымут, отмоют, зальют дамп памяти личности – а с вас его сняли в момент прибытия, пересадят с кристалла душу. И вуаля! Минус сорок килотонн денег за все удовольствие, но ведь живой! Ну, а начинка тела имплантами – за счет государства. Как-никак вы его собственность и карающий меч. А об остроте своего меча Новый Рим привык заботиться со всем тщанием. Тем более – сейчас, когда споры Роя нет-нет да проклеваются...

Мы медленно приходили в себя. Бессмертие? Кривоватое и дорогое, но все ж таки оно?

– ...кстати о деньгах. Начинаете вы кисло, с нехилым долгом на личном счету. Впрочем, радуйтесь, что на вас нет семейных кредитов. Большинство из нас расплачиваются по займам, сделанным еще нашими прапрадедами, да лишат боги их славного посмертия! Курсантская зарплата – три сотни в месяц. Хватит, чтобы десяток раз поужинать в ресторане. Впрочем, обычно ужинать вас будут девчата из старших курсов. При погружении в вирт ставка утраивается. Так что в сумме вытянете около штуки в месяц. А это уже неплохо, сродни окладу разнорабочей из трущоб после обязательной социальной школы-двухлетки. Одна лишь разница – расходов у вас никаких, полный пансион!

Я не удержался и осуждающе качнул головой. Нехило Луций опустил Ботаника на деньги. Ему эта демонстрашка бессмертия обойдется в четыре года беспорочной службы...

– ...по окончании учебы плата резко возрастает. Коэффициент насчитывает бухгалтерский ИскИн ВКС. В учет идет все – звание, выслуга, боевые, эффективность, трофеи и космос знает что еще. Разница в окладах двух пехотинцев одного отделения может достигать существенных величин. В том числе – в разы. Главное помните! Служба – это Долг! Флот – это Семья! Гибель – Честь! Следуйте этим правилам, и ваша учетка запестрит наградами и поощрениями!

Киборг выдержал паузу, подчеркивая важность сказанного. Затем продолжил:

– Ну а сейчас – сутки на отдых-знакомство-адаптацию, затем – пробное погружение в вирт и последующий глубокий нырок на всю дистанцию первого семестра. Две недели реала, или двести дней симулятора, считайте, кому как удобно. После – сервер ставится на паузу, а курсанты получают трехсуточный отпуск. Отгуляете, потешите блуд – если, конечно, силы останутся. Семья-то с вас и в капсулах сжеживать будут. Впрочем, это уже вторично...

Луций вытянул манипулятор и указал на виднеющиеся вдали строения:

– Группа, напра-во! К месту постоянной дислокации, бегом – марш!

Глава 5

Футуристического вида казарма вполне соответствовала временной эпохе. Больше всего она напоминала капсульный отель в современном аэропорту. Длинное помещение с пружинящим стерильно-белым полом и разлинеенной «взлеткой» центрального прохода для построений личного состава.

На торце – стойки с личным оружием, прикрытые мыльной пленкой силового поля. В основном импульсники плюс несколько легких рейлганов, исполняющих функции взводных пулеметов. Рядом, словно парадные доспехи в нишах древнего замка, раскорячились в нулевой готовности пара ББСов среднего класса. Поза скафандров несколько фривольна – спиной и нагнувшись, подставляя оператору откинутую пластину внутреннего доступа. В случае нужды можно облачиться за считанные секунды.

Я довольно слабо представляю себе энерговооруженность бронескафа, но в том, что один штурмовик в ББС способен раскатать танковый батальон двадцать первого века, даже не сомневаюсь. Технологическая пропасть – словно между тем же панцером и тремя десятками королевских мушкетеров.

По сторонам арсенальной пирамиды – прозрачные пластиковые пеналы в три этажа.

Капсулы номерные, завязанные на владельца. Внутри узкое ложе с вязким гравитационным матрасом, конфигурируемая мебель для дневного отдыха и самоподготовки. Довольно аскетично, даже по меркам моей московской однушки, – крохотный столик, низкое полулежачее кресло, экранные голопроекторы и ажурная нашлапка простенького медийного центра.

Как пользоваться техникой, нам не объяснили – тащившая службу дневальная с блудливыми влажными глазами и многообещающей улыбкой уверенно заявила: времени на развлечения не будет. А если и появится свободная минутка – то добро пожаловать этажом выше, в распоряжение доблестных курсанток потока «пси-снайперов», прослуживших чуть меньше чем «до фуя» – три года вирта и пять месяцев реала.

И не стоит выкобениваться и жаловаться по инстанции! Мы «долговые рабы без гражданства», а не напыщенные аристо. Должны радоваться и приветственно вилять к-хм... ну пусть будет – хвостом, отвечая на ласку будущей элиты космопехоты! Да если мы хотим знать, лично у нее,

доблестного сержанта Ливии Круз, две дюжины вирт-выходов «в поле»! Полторы тысячи подтвержденных целей на учетке, из них восемь – легкие боты пехотной поддержки, разобранные соло при помощи древней баллистической винтовки!

Стоя чуть в стороне, за пределами радиуса пассивной чуйки ветерана сетевых батальонов, я улыбался: девчонка... Ей ведь лет семнадцать, вряд ли больше.

Ливия продолжала вещать, жарко убеждая нас в насущной необходимости отдаться именно их отряду.

Ведь по результатам неофициальной лотереи и внутренней таблицы о рангах учебки наша группа досталась именно их доблестной «седьмой» роте! Предыдущих «государственных закупок» подмяли под себя старшие курсы, что есть жуткая несправедливость, ибо достойней «псиоников поля боя» нет и быть не может!

Наши парни ходили как пришибленные – персональные аптечки щедро щиряли успокоительным, спасая от истерик и вывихов сознания. Причем крышу сносил не столько сам факт попаданства в будущее – да фиг бы с ним! Перенос скрашивался немалыми бонусами – большинству из нас крепко подлатали здоровье, да и обещанные суперспособности грели воспитанные Голливудом души.

Плюс потенциальная статусность и нужность, величина заработков и туманные обещалки вернуть всех желающих домой после выплаты долгов и отработки стандартного срока контракта. Все это смазывало первичный шок переноса. Но вот деформация базовых половых инстинктов тяжелым нокаутом лупила по мозгам.

Нас зажимали по углам, хватали за задницы, настойчиво приглашали в «капсулу номер 7–114», дабы полюбоваться коллекцией минералов с Новей-4 или послушать мурчание контрабандного белого пухана. Судя по многозначительным ухмылкам, данная процедура несла некий сакральный смысл.

Наблюдателю от СИБ, той самой легкомысленно одетой девице-пси-моду, довольно быстро надоел густой туман флюидов, расплзшийся по двум казармам, а также ритмичные ахи и охи, несущиеся из затемненных капсул.

Последовал спущенный через медиков приказ на персональные автодоки, и очередной укол в запястье опустил наше либидо на позорные полшестого. Слитный разнополюсый вопль ярости пронесся по северному крылу учебки.

Однако предприимчивых девушек из седьмой роты медикаментозная

блокада задержала ненадолго. Теперь при «случайных» встречах в технических коридорах и в общей душевой нам мельком демонстрировали зажатые в кулаке две пилюли – красную и синюю.

Те, кто повелся и попробовал, возвращались не скоро. На все расспросы парни измученно мотали головами и по-братски делились опытом: «Если уж решился – то хотя бы синюю бери, красная – та вообще жесть». Впрочем, послушавшиеся советов амигос появлялись к вечеру с точно такими же лицами и давали абсолютно противоположные рекомендации.

Наблюдая творящийся вокруг бардак, я косился на безглаголиво кривящую губы Лину и лишь тяжело вздыхал. Я не ханжа, да и живую бабу не держал в руках уже года два, не меньше. Тестостерон бурлил в крови и пытался рулить мозгами. К тому же провоцировали нас умело...

Мужики бы в такой ситуации сверкали голым торсом, расправляли плечи и незаметно напрягали бицепсы. Так вот, курсантки-пси-снайперы действовали еще более прямолинейно – мелькающее вокруг количество обнаженной плоти превышало все разумные рамки.

Тем более что девчата научились кое-чему и по основной специальности. В пси-диапазоне ощутимо поддавливало. Желание завилать хвостиком и поползти следом за очередной девахой, решившей зачем-то срезать путь к солярию через нашу казарму, просто зашкаливало.

Лина бесилась, то и дело зло огрызалась и требовала от меня прекратить пускать слюни. Ее, мол, «тошнит от моих грязных мыслей, и если я продолжу фапать на упругие попки снайперш, то ее гарантированно вырвет мне на спину»...

От греха подальше я укрылся в своем пластиковом боксе и остаток вечера провел в сражениях с интерфейсом «умного дома» капсулы. Ощущал себя дикарем, которому вручили пульт ДУ от домашнего кинотеатра и сообщили, что с его помощью можно смотреть «живые картинки».

Управление трехканальное – ментальное, пси и голосовое с эффектом визуализации – для инвалидов разума. Пришлось согласиться с собственной ущербностью и вступить с интерфейсом в диалог. Нечто из анекдотической серии: «Телефона-телефона, чукча кушать хочет...»

Каких-то результатов я все же добился – функция сухой очистки помещения долго упиралась, отказывая активироваться при находящемся внутри операторе, но я таки продавил волевое решение, перетаскив тревожно мигающий красный маркер «паразитного заражения» на зеленый контур человека и подтвердил наличие не регистрируемых системой

средств индивидуальной защиты...

Млин! Это я сейчас такой умный, а вот когда щелкнул магнитный замок капсулы и с потолка выдвинулась форсунка дезинфектора – струхнул не на шутку. Колотясь, как муха об стекло, я стал пассивным свидетелем практически равной битвы. Бокс довольно успешно пытался меня отравить, а аптечка – реанимировать и откачать.

Не знаю, кто бы победил. Наверное, тот, у кого бы позже закончился запас реагентов. Однако процесс был нештатно прерван все той же встревоженной дневальной, почуявшей своим прокачанным разумом эманации смерти на подконтрольной ей территории. Самоубиться и попасть на сорок тонн энергокредитов, не получилось. Судя по всему, я теперь крепко обязан симпатяшке Ливии... Судя по ее жадному взгляду, оплату она готова принять здесь и сейчас, причем обязательно натурой. М-да...

Появившийся следом седой и сморщенный мужчина-техник, скрипящий дешевыми кибер-имплантами, безостановочно кашляющий и жалующийся на дороговизну легочных фильтров для старенького дыхательного аппарата «Митсуми Эйр», долго и удивленно качал головой, уважительно косясь в мою сторону и ставя программную заплатку на ловко обойденную «защиту от дурака».

В десять вечера невидимые динамики рывкнули бравурным маршем отбоя. Девчата из «семерки» спешно рассосались, несмотря на дикий голод и тоску в глазах – дисциплина оказалась сильней полового инстинкта, что напрягло. Какими розгами их тут воспитывают?

Нужды в построении и перекличке не было – система и так прекрасно знала местонахождение каждого бойца. В нас врезали столько железа, что было бы глупо надеяться на отсутствие простейшего трекера.

Прессовать новобранцев также не стали – может, боялись перегнуть палку и сломать хрупкую психику «не добровольцев». Ведь, несмотря на медикаментозное прикрытие и прошедшую неделю дремоты в гелевой ванне, уровень стрессовых гормонов в организме зашкаливал. Зачем подвергать излишней нагрузке фильтры крови? Ресурс имплантов не вечен, а имущество казенное.

А может, расслабляют наши инстинктивно сжатые булки своими лживыми улыбками, а сами держат за спиной кулак со свинчаткой? Несмело раздвинешь губы в ответ – и мигом прилетит кастетом по хрупким зубам!

Народ неохотно расползлся по капсулам под резкие звуки системного марша Пятого Рима. Наиболее задумчивые получили добавочное ускорение

шокером от вездесущих сержантов. Команды должны исполняться на одних рефлексах!

Спальный бокс встретил меня равнодушным таймером отсчета: *«До принудительной функции сна осталось: 9... 8... 7...»*

Я едва успел рухнуть на койку, как свет в казарме притух до дежурного, а слащавый мужской баритон «умного дома» интимно шепнул на ухо: *«Во славу Рима! Приятного сна! Пробуждение через 7:99:99... 7:99:98...»*

Будильник обманул. Из сна меня вышибло тревожным алармом активировавшегося импланта. Зрение вновь рябило цветными маркерами интерфейсов, слух обострился, а дублирующий контур надпочечников спешно накачивал кровь адреналином и кортизолом.

Ложе ощутимо вздрогнуло, сквозь почти абсолютную звукоизоляцию пробился отголосок хлесткого взрыва. Ложе ощутимо тряхнуло, над головой погасла тусклая полоска ночника, мгновенно активировались красные лампы аварийного освещения. За прозрачным пластиком мелькали цветные росчерки лазерной дискотеки, весело полыхало совсем близкое пламя, беззвучно бились о стекло запекаемые в капсулах люди...

По оголенным нервам ударили эмоции проснувшейся Лины – паника, страх и яркая – как Солнце – боль! Словно раскаленная спица вошла в позвоночник – от копчика и до затылка. Я захрипел и заскрежетал зубами, совершенно не замечая, как пережевываю попавший под раздачу язык. Заемная боль была сильнее...

Удар босой пятки по пластине у выхода – откройся, тварь! Натужный вой движка, дым горелой изоляции и дрожащая надпись в воздухе: *«Неисправность точки выхода. Каналы связи со службами спасения и ремонта – недоступны или заблокированы. Активирован аварийный протокол. Примите меры к защите от воздействия окружающей среды. Температура: +51°C, уровень CO₂: 6 %, ведется огневой контакт с применением легкого баллистического и плазменного оружия. Разгерметизация через: 3... 2... 1...»*

– Бум!!!

Вышибные заряды отстрелили неожиданно толстую крышку люка. В темный проем сразу же ворвался едкий дым, животные вопли убиваемых людей и мало на что похожие звуки современного боя. Запоздалый свист разогнанных до 5000 метров в секунду боллов импульсника, сдержанный рев перегретой плазмы и хлопки пакетных дробовиков штурмовых комплексов.

Нет, это не я такой умный! Это имплант раскладывал на отдельные ноты симфонию хаоса, засекая отсечки выстрелов, подсвечивая вероятные силуэты противников и уровень их вооружения. А заодно размечая цветными пятнами опасные сектора и оптимальные векторы движения к ближайшему укрытию.

Одна беда – чайник я полный. Системные логи мелькали, как при зажатом скролле. Графические глифы статусов водопадом извергались в правом верхнем углу и складывались в пухлые колоды на периферии зрения. Объемная решетка карты зоны БД крутилась и окрашивалась непонятными мне маркерами, словно сошедший с ума кубик Рубика.

Быть может, когда-нибудь я и смогу разобраться в интерфейсах высокотехнологичного боя, но сейчас я даже не мог отключить перекрывающие обзор сообщения.

Активность моей капсулы привлекла внимание неизвестного врага.

– Так-так-так-так! – задробила скороговорка разрушаемого пластика, и спальный бокс украсился перфорируемым узором крохотных отверстий.

– *«Ручной пехотный рейлган, калибр одна десятая дюйма, тип боеприпаса: с вероятностью в 86 % – керамические боллы».* Комментарии импланта иррационально спокойны. Еще один вектор движения окрашивается тревожным красным. Колода глиф, отображающих неподдавленные огневые средства противника, пополнились очередной картой.

Приступ чужой боли вновь сгибает меня пополам. Я хриплю, щедро пятнаю пол кровью изо рта, но не закрываюсь от эмоций Лины. Чувствую – я не просто зеркалю, а *принимаю на себя* часть ее физический ощущений. Пусть ей будет легче.

Лина пытается закрываться – она не желает отдавать боль. Секундная радость: «Я ей не безразличен!» – разрушается короткими мыслепоказаниями от девушки: «Два инвалида – бесполезны! Сохрани подвижность – убей врагов!»

«Обнаружена союзная цель – раненый комбатант. По возможности – оказать первую помощь. В случае отсутствия эвакуатора и риска захвата противником – эвтаннировать. Опционально-рекомендуемо: вооружиться за счет выбывшего из строя бойца».

Долго крутить головой не приходится. Интерфейс услужливо подсвечивает зеленым уполовиненный контур фигуры. Полоска хитов цели пугающе коротка и окрашена в темно-оранжевый цвет – состояние раненого критическое.

В безумстве происходящего появляется хоть какая-то цель. Кашляя, бросаюсь сквозь дым. На ходу, неожиданно для себя, успеваю среагировать на подсказку так-сети: следуя вспыхнувшей дорожке рекомендуемого вектора движения, я рефлекторно ныряю под алый росчерк предсказанной плоскости угрозы.

Прошедшая над головой клякса разогретой до сверхтемператур плазмы в бессильной ярости сжигает волосы на затылке. Неуклюже кувыркаюсь и распластываюсь в прыжке, уходя от очередного пунктирного росчерка.

Пролезть в щель между боллами высокоскоростной очереди не получается – в мясо бедра впиваются две злые кобры. Имплант помечает поврежденную конечность желтым и заботливо подсказывает: *«Двойное ранение, уровень повреждений: легкий. Приняты меры к блокаде, остановке кровотечения и обеспечению работоспособности. Нагрузка на системы регенерации: 58 %»*.

Скольжение по залитому кровью полу прекращается вместе с моим полубезумным смехом. Действие боевого коктейля накладывается на противошоковые и обезболивающие препараты – меня реально *шатает* в ментальном плане.

Психику отрезвляет вид ползущей по взлетке дневальной. Узнать ее трудно – глаза поневоле съезжают с перекошенного лица на длинный шлейф мокрой требухи, тянущийся за обрубком человека. Ног и таза у девушки нет – тело разорвано пополам, жизнь поддерживается исключительно за счет резервов импланта.

Творение человеческих рук, по гениальности близкое к божественному озарению, латает поврежденные сосуды, компенсирует кровопотерю, стимулирует работу сердечной мышцы, накачивает организм генерируемыми на лету препаратами.

Беспомощно замираю – абсолютно не понимаю, чем можно помочь при таких травмах. Кровь вроде не брызжет, а кроме кустарной перевязки и доброго слова, других медикаментов у меня нет.

Ловлю взгляд девушки – зрачки расширены до переделов радужки. Вцепляюсь в испачканные красным пальцы, глупо бормочу:

– Ты... ты это... держись!

Дневальная криво усмехается:

– Это ты... держись... А я уже все – отстрелялась... Террор-группа Роя, будь он трижды проклят! Проклюнулось где-то проклятое семя... Сколько лет прошло – а они все просыпаются... Слушай, курсант!

Дыхание девушки стало прерывистым, на губах показалась черная маслянистая пена – верный признак повреждения внутреннего улья

нанитов.

– ...окажи честь – подари легкую смерть! Я могу остановить сердце, а храмовый жрец очистит грех самоубийства, но... Плохо это... Да и не стоит оставлять техноразумным свои мозги в неповрежденном состоянии, мало ли что они с ними учудят...

Вторая рука пси-снайперши дернулась, подтягивая за ремень так и не брошенный импульсник. Уцепившись за ствол разгонного блока, она подтолкнула ИМП к моим ногам.

– ...помоги уйти! Стань братом по крови!

Я бездумно ухватился за эргономическое цевье. Оружие зло завибрировало в руках и высветило запрещающую надпись на сенсорной панели:

– *Не авторизированный пользователь! Предоставлен гостевой доступ к системам прицеливания, расходникам и внешнему обвесу. Опция ведения огня и полная разборка – заблокированы!*

Имплант подключился к диалогу сумасшедшей электроники:

– *Персонализированный ИМП «Скорпион» в модификации «Псионик-плюс». Калибр: 1 мм, скорострельность: переменная, до 1800 выстрелов в минуту. Состояние: Хорошее.*

– *Программный взлом: Невозможен! Отсутствует модуль «Брутфорса».*

– *Аппаратный взлом: Невозможен! Отсутствует инструментарий и навыки мастер-оружейника.*

– *Мимикрия: Невозможна! Отсутствует блок «Хамелеона».*

– *Рекомендации: для получения доступа используйте методы вербальной коммуникации и социальной инженерии.*

Я облегченно выдохнул – убивать девчонку не придется. Следующий вдох вновь вывернул легкие наружу – задымление усиливалось, температура в помещении росла, волосы от жара начали потрескивать.

Сплюнув тягучую слюну, я заозирался, выискивая безопасное место, куда можно оттащить обрубок умирающего человека. Снайпершу колотило ознобом, глаза метались по клубам дыма, потрескавшиеся губы торопливо шептали слова молитвы.

Крики вокруг подутихли, стрельба практически сошла на нет. Время от времени слышались одиночные хлопки, словно шла фаза добивания подранков. Не нравится мне все это...

Эмоции Лины доносились из дальнего угла казармы – полыхало там сильнее всего, девушка давила страхом и тупой ожоговой болью – какой-то

из пары имплантов купировал пиковые всплески физических ощущений.

Я сосредоточился и попытался послать максимально успокаивающие мысли. *Сейчас, милая, потерпи минутку. Вот пристрою одну калеку и сползаю за тобой. А скоро и вовсе примчится кавалерия и поимеет всех плохишей!* Тут в носу незаметно не поковыряться – везде понатыканы системы наблюдения. Что уж говорить о затяжном боеконтакте?!

Ухватившись за эвакуационную петлю на комбезе, я поволок дневальную к оружейке. Силовое поле потеряло свой лоск и блеск, но все еще теплилось. Быть может, оно признает нас за своих и пропустит вовнутрь? Если нет – впихну девчонку в ББС. Сам им воспользоваться не смогу – нет доступа и умения, но дневальную броней прикроет. А будут благосклонны боги – активируется аптечка и поддержит в снайперше жизнь.

От моих неуклюжих рывков – весу даже в уполовиненной девушке хватало, а технологичный обвес боевого комбеза не баловал аэродинамическими формами – раненая очнулась.

Поводив вокруг осознанным взглядом, она разглядела в моей руке бесполезный импульсник и, поморщившись от боли, неожиданно четко проговорила:

– ИМП-7381901 – внимание! Код – «09», под ответственность сержанта Ливии Круз!

Сенсорный экран едва заметно мигнул зеленым:

– Все блокировки сняты. Готовность к применению. Заряд батареи: 92 %. Выберите тип боеприпаса. Доступно: травматические боллы – 250 штук, керамический БП – 150 штук, вольфрамовый БП – 100 штук.

– «Звездочки» – устало шепнула девушка. Держалась она явно из последних сил.

– «Керамика» выбрана. Рекомендация по фильтру целей – класс бронирования не выше 2-го!

– Нам хватит... Лупи в голову! – это уже ко мне.

Я быстро замотал головой – суицидница гребаная! Забросил ИМП за спину и вновь потащил снайпершу к оружейке.

Приходилось торопиться – в дыму мелькнул черный силуэт чего-то массивного и пугающего на уровне природных рефлексов. Имплант не смог обвести контур неизвестного, лишь горестно подытожил: «Противодействие направленными помехами. Фиксирую работу активного модуля маскировки».

– Ну и дурак... – шепнул девичий голос за спиной, а затем характерно щелкнул активатор взрывателя и тоненько взвыл акустический аларм.

Резко обернувшись, я уперся взглядом в наливающийся алым стержень плазменной гранаты. Девушка рывком запихнула судорожно сжатый кулак под интегрированный бронежилет комбеза. Нитка ее побелевших губ искривилась. Мысленно она была уже ТАМ, однако все же выделила секунду на заботливое:

– Беги, красавчик, беги...

Я рванулся вперед, уже понимая, что не успеваю. Имплант меланхолично окрасил пятиметровый круг как радиус сплошного поражения для незащищенных целей.

Красная... Оранжевая... Желтая зона!

– Бум!!!

Ударная волна подтолкнула в спину, отправляя обугливающееся тело в полет. Вспухнувшее плазменное облако дотянулось-таки жадными протуберанцами, последовательно сжигая одежду, кожный и мышечный покровы.

На некогда белый пол я рухнул в абсолютно безнадежном состоянии. Всепоглощающая боль! Вершина, исполинский пик теоретически возможных для человека страданий заполнили мой разум. Кричать? Да что вы! Кричать можно, когда есть силы для вдоха. А если ты можешь дышать, то разве ж это боль?!

Где-то в дальнем углу синхронно мычала Лина. Эхо моей боли накрыло ее с головой. Пыхтел имплант, истерично тыкала иглами аптечка, спешно накачивая тело летальными дозами препаратов. Главное – удержаться на грани здесь и сейчас! Потом прилетит эвакобот, забросят тушку в автодок, тот разберет плоть по волокнам и тщательно очистит и реанимирует каждую клетку. Потом... Если, конечно, начальство посчитает такие траты рациональными...

Медицина временно помогла, а подрагивающий под тяжелыми шагами пол заставил отвлечься от внутренних ощущений и перевести взгляд на приближающегося врага.

Техноразумный...

Интерфейс подсказал:

– *Штурмовик Роя. Имперская классификация: легкий бот пехотной поддержки класса «Крыса». Масса: 740 кг. Вооружение: спаренный курсовой рейлган калибром 3 мм. Лаунчер ГСС. Фростер ближнего боя. Возможно наличие пассивного щита.*

Глядя на нависшую надо мной бронированную морду и выдвигающийся из отсека под грудной пластиной гибкий щуп, я крепко пожалел, что не остался рядом с подорвавшейся снайпершей.

Движением кисти я приподнял зажатый в руке импульсник и втопил гашетку до упора. Оценив истеричность нажатия, ИМП выдал максимальную скорострельность, за пять секунд сливая БК в полторы сотни боллов.

Отпрянувший под убийственной струей монстр укутался всполохами силового щита. Хрупкие керамические снаряды как нельзя кстати подходили для перегрузки пассивного поля. Последняя отсечка очереди прошла уже сквозь погасшую пленку и расплескалась о бронированную грудь монстра.

– *Смена БК. Экстренный ситуативный втовыбор: Вольфрамовые сердечники.*

Сервисная надпись меня не отвлекла. Я тупо давил на гашетку, парализованный отголосками боли и собственным ужасом.

Бронебойные иглы, способные навывлет прошить робоплатформу, щедро отперфорировали псевдоразумную «Крысу». Повреждений системообразующим модулям было нанесено достаточно для того, чтобы тварь вздрогнула всей своей тушей и, судорожно рванувшись вперед, рухнула на мои многострадальные ноги.

Я лишь крикнул от фантомной боли. Медикаментозная блокада была абсолютной.

– *Смена БК. Безальтернативный выбор: Травматические боллы. Правый короб БК пуст, перезарядитесь!*

Пол вновь завибрировал под дробью тяжелых шагов. Настала моя пора криво усмехаться и подносить раскаленный ствол ко рту. Губы зашипели, лопааясь от жара.

Имплант поддержал мое решение.

– *Фиксирую несущую частоту Службы Реинкарнации. Счастливого перерождения, боец!*

Прости, Лина...

– Банг-банг-банг!

Тьма...

Тьма...

Тьма...

И отблески системных логов:

– *Тестовый прогон персонального виртмодуля завершен. Статус систем: Зеленый.*

– *Степень погружения: Альфа Плюс.*

– *Глубина погружения: Альфа.*

– *Личностная подстройка: Выполнена.*

- Результаты экзаменационного боя занесены в учетную карту (УК).
- Получено баллов: 118. Из них бонусных: за лучший результат группы и не предусмотренное сценарием уничтожение бота: 102.
- Внимание! Набрано необходимое количество баллов для присвоения очередного звания: Капрал. Устанавливаем связь с младшим потоком ИИ «Ганнибал». Получено подтверждение, новый ранг утвержден.
- Поздравляем с первой нашивкой! Многих тебе колец, капрал!
- Выгрузка сознания из персонального сектора виртпространства, подключение к общему кластеру учебки.
- Загрузка локального саб-уровня: «Зал инструктажа».

Картинка мигнула, и я очутился в ослепительно белом стерильном помещении. Рядом со мной материализовались остальные одnogруппники – кашляющие, хекающие, раздирающие ногтями грудь, с удивлением косящиеся на вновь отросшие руки, ноги или кому там что оторвало.

Зал загрохотал усиленным голосом ки-мода:

- Поздравляю с завершением пробного погружения! Ваша группа занесена в топ-таблицу учебки: худший результат года, рукожопы!

Глава 6

Гомон стих. Народ медленно и заторможено заозирался, вживаясь в новую реальность и постепенно сбрасывая цепкие воспоминания пережитого кошмара. Десятки взглядов с переполняющими их эмоциями. Ужас, боль, ярость... Предполагаю, что каждому из попаданцев досталась своя порция плазмы и злого пламени.

Между рядами пробежались сержанты, отвешивая чувствительные оплеухи и приводя в сознание тех, кого слишком глубоко зацепила виртуальная смерть. Стоящий невдалеке Макар испуганно пялился на собственные руки, на глазах вскипающие волдырями глубоких ожогов.

Девушка-сержант лишь отмахнулась:

– Стигматы! Само пройдет... В строй, ракообразное!

Я потряс головой, сбрасывая серую пелену посмертия. Ужас накатывающего небытия медленно отпускал, возвращая способность трезво мыслить. Сознание протестовало – какие, к черту, игры?! Виртуальность оказалась неотличимой от реала! Вот разве что боль – слишком уж красочна и всепоглощающа. В реальности мне такого испытать не довелось...

Внимание привлекла таблица рекордов первого курса. Как и обещано – «тринадцатая» занимала гордое последнее место. Мы набрали меньше двух тысяч очков за игровой ивент. Отставание от ближайшей девичьей команды более чем в два раза.

Мысленно оценил результат боя группы – похоже, что моя рекордная сотка баллов не особо исправила ситуацию. Все же нас тут семь десятков. Экстра-поинты размазались по толпе тонким незаметным слоем – по одному добавочному очку на пару кривых рук.

Факт известный – личным героизмом войны не выигрываются. Основную боевую работу тянет безликая усредненная масса. Статистика истребителей безжалостна – три вылета, затем – если повезет, – нарисуешь одну звездочку на фюзеляже. А потом и тебя ссадят с неба, и усталые друзья дадут над фанерной пирамидкой жидкий прощальный салют из личного оружия.

Хотя... Может, все проще? Не такие уж мы и рукожопы? Просто подобрали местные психологи некий шаблон давления, занижающий наше ЧСВ и провоцирующий на максимальное усердие в учебе. Кому охота быть лузером, да еще в жизненно важном вопросе? Небось в эпоху дуэлей

владению шпагой учились добровольно и со всем тщанием...

Киборг продолжил вещать:

– Все вкусили прелести «игрушечной» смерти? Мазохистов, желающих умереть еще разок-другой, больше нет?! А то ведь могу подкрутить уровень восприятия боли! С текущих двухсот процентов до пыточных трехсот пятидесяти... Добровольцев нет? То-то, долбоклюи! Я вас научу за жизнь держаться! Запомните – солдаты ВКС не имеют персональных ликвидаторов! Решение о групповой эвтаназии принимает корабельный ИскИн – он и подрывает реактор! Бойцы же сражаются до конца, зачастую под тиканье таймера обратного отсчета. А бывает и так, что из вернувшегося на автопилоте истребителя вынимают одну лишь пропеченную голову в так-шлеме, с тянущимся за ним шлейфом проводов жизнеобеспечения. Остальное – в фарш и пепел, я сам тому примером...

Капитан на секунду замолчал, вспоминая былое, а я взглянул на него по-новому. Вот, значит, откуда столько железа в его организме! А почему ж тогда не пересадили спасенный разум в клона? Вроде как по нынешним временам это рядовая операция?

Киборг ответил на незаданный, но вполне предсказуемый вопрос:

– Службы Реинкарнации тогда еще не было. А сейчас уже привык. К тому же внешний и полный ка-обвес гораздо дешевле и во многом функциональней нежной электроники имплантов. Да и не любит душа излишней ки-модификации, истончается оболочка, шанс на успешное слияние с каждым годом все ниже... Но и вы не обольщайтесь! Флотские у нас на особом счету, хе-хе... Это планетарники могут позволить себедохнуть хоть по три раза на дню – были бы тела в запасе. Антенные поля СР на обоих полюсах Пятого Рима отловят душу с гарантией! А вот в ВКС все по-другому... Кадеты, какова средняя дистанция боеконтакта в космосе?

Нужное знание уже распаковалось и усвоилось в моей голове. Отвечаю:

– Порядка пяти тысяч километров!

Капитан ухмыляется, демонстрируя оружие последнего шанса – алмазные резаки вместо зубов.

– Это верно, но лишь для истребителей. Основные силы Флота сходятся в клинче бесконечно редко. И чаще всего, если дело дошло до героической рукопашки, то за этим лежит чья-то огромная ошибка...

Киборг зло оскалился, затем резко повернулся к одному из бойцов:

– Что такое «точка Юпитера»?

Парень вытянулся в струнку и отрапортовал. Четко, но с нарастающим

удивлением в собственных глазах:

– Максимальная дистанция, на которой мы можем достать противника, имеющего нулевую относительную скорость!

– А точнее?

– Сто пятьдесят тысяч кмэ для тяжелых ПКР. И в два раза дальше – для многоцелевых ракет, но МКР используются исключительно для ударов по крупным планетарным целям и орбитальным сооружениям. Стационарные узлы обороны, верфи, заводы нулевого цикла и далее, по списку.

Капитан кивнул.

– Отлично! А теперь – внимание! Далеко не всегда с соединением ВКС окажется судно-госпитальер. А если и будет плестись в конце строя, развесив на полгоризонта уши рефлекторов и скрывая свою драгоценную тушку за тенью тяжелых кораблей, то истребителям до этого дела нет. Ведь для того, чтобы на дистанции в тысячу кмэ уловить четырехграммовую физическую составляющую души, требуется ровно столько же метров антенных полей. Тысяча! Причем связь – линейная! Уйдет москитный флот на перехват или прикрытие штурмовиков – никто и не почешется увеличить на два порядка площадь приемной поверхности. Да и виданое ли это дело – платиновая решетка на сто квадратных километров! И вся эта роскошь ради пары эскадрилий смертников? Даже не надейтесь! Сами, все сами! Работа на Флоте в целом и пилотов в частности – высокорисковая. За это мы и получаем тройной коэффициент к зарплате, трофеям и баллам на послужной карте!

Бойцы «тринадцатой» потрясенно молчали. Безопасная и почетная профа, со стрелялками за государственный счет и гарантированным воскрешением, вдруг превратилась в плацкартный билет на тот свет.

– Не сцать, теплокровные! – киборг был полон веселья. – Впереди еще пятнадцать лет вирта. Затем рутина ближнего космоса, с его пугливыми пиратами и вялым трепыханием осколков былых империй. Рой знатно прошелся по заселенному человечеством сектору пространства, щедро засеяв спорами биотерминатора каждый булыжник диаметром больше сотни кмэ. На момент четвертой, финальной, эпидем-вспышки мужчин сохранилось меньше полутора процентов. Спустя три поколения с трудом довели до шести. Бабскому геному также досталось – шанс зачать и выносить пацана стремится к статистической погрешности. Десять в минус девятой степени... Видели бы вы, как радостно и бережно встречали вернувшиеся корабли службы Дальней Разведки! Три-четыре сотни мужиков за раз!

Капитан замолчал, а я поднял руку, желая задать мучающий меня вопрос. Конечно, после демонстрашки, с выстрелом в излишне инициативную голову, нарываться было страшновато. Но мы вроде как в вирте? Или нет?..

Дождавшись утвердительного кивка, вытягиваюсь в струнку:

– Начиная с какого момента мы находимся в виртуале? Какие события в нашей памяти истинные, а какие – сценарные?

Бойцы «тринадцатой» притихли, переваривая вопрос и осознавая иллюзорность бытия.

Киборг поощрительно осклабился, бриллианты клыков засверкали на солнце.

– Хороший вопрос, капрал!

Вновь ропот в строю. Удивленный, где-то даже завистливый.

– Да-да, в этой куче навоза система намыла целых три засохших кизяка. Хотя, как по мне, имел место явный технический сбой – техники сейчас всю нагружают виртсервер аппаратными тестами и апают прошивку нейрохаба. Хоть какая-то от вас польза – на пару микрон обновим учебное железо за счет Минобороны... Впрочем, мне откровенно понравилось, как хрупкая девица бодро эвтанировала половину собственной команды, включая непосредственного командира по экипажу...

Стоящая рядом Лина густо покраснела. Поймав мой удивленный взгляд, шепнула по мыслесвязи – это у нее получалось куда лучше чем у меня.

– Я с Ливией Круз поговорила... Она мне объяснила, почему нельзя живым попадать в плен к техноразумным. А ты... тебя рухнувшей стеной привалило! Одно плечо да голова торчали! Что?! Надо было бросить? Ты там как хрен на срамном месте маячил, а имплант уже верещал о приближении пары штурмовых ботов!

– Ну ты и приложила кирпичом... – подначил я оправдывающуюся девушку.

– Арматуриной! – поправила Лина, а потом осеклась и раздраженно рявкнула на ментальном канале: – Да иди ты! Придурок! – По мозгам ощутимо прилетело – болью прострелило от виска и до глаза. Ох, ё! Не об этом ли говорил Док? Жить нам будет весело, хотя и не долго...

Капитан тем временем продолжал.

– Канонически правильно поступил капрал Илья. Эвтанировал раненого бойца, проявил смекалку – следуя инструкция импланта, произвел неполную разборку неавторизованного ИМПа и нештатно подорвал

рабочую батарею. Тем самым уничтожил собственное тело и нанес легкие повреждения «Крысе». Отлично, капрал!

Здоровенный мужик – давнишний конкурент на первое место в строю – хмуро кивнул.

– Ну а конкретно по вопросу – нет, узнать не можете! Эта информация закрыта. Забудьте об играх раз и навсегда. Живите так, как в последний раз. Все всерьез и по-взрослому. Теряя друзей – плачьте. Бейтесь – даже упав на колени. Умирая – прощайтесь навсегда.

Люди молчали – впитывая и проникаясь короткими, но пробирающими до самых пят установками. Даже девочки-сержанты подтянулись по стойке «смирно». В их глазах сверкала гордость и торжество. Они – часть Флота! Бескомпромиссного, готового к исполнению долга и самопожертвованию. Плоть от плоти! Элита элит!

Выдержав необходимую паузу, капитан заговорил вновь. Голос его был предельно серьезен.

– Ваш первый семестр начнется прямо сейчас! Группа, слушай вводную! Кстати, исторически правдивую... Силы Второго Объединенного Флота Большого Содружества дали генеральное сражение Девятому Крылу Роя около системы РИ Грумбридж. Военные историки до сих пор не пришли к единому мнению в оценках результатов битвы – был ли оправдан размен всего москитного флота на одиночный Масс-Сеятель Роя? Прорыв клина эсминцев к супертяжелому карго-носителю – это героизм или глупость? Канлодка «Елена», протаранившая крейсер ПКО техноразумных – это технический сбой или самопожертвование? В общем, вопросов много, только вот задать их некому. Остатки Второго Флота отошли в глубь системы и прижались к Новому Севастополю, то ли надеясь отсидеться под зонтиком планетарной обороны, то ли пытаясь прикрыть семьсот миллионов гражданского населения...

За спиной раздался сдавленный хрип и треск рвущейся ткани. Поневоле оглянувшись, я увидел здоровяка Илью, раздирающего ворот ставшего вдруг тесным комбинезона. Крымчанин он, что ли? Зацепила его судьба Нового Севастополя?

– ...стоит признаться, что шанс у Флота был. Однако именно в этом сражении техноразумные впервые применили тяжелые стелс-торпеды с начинкой из нановормов. На подходе к цели боеголовки разделялись на десятки независимых цист, бомбардирующих туши линейных кораблей и броню орбитальных крепостей. Внешние противобордажные кластеры тогда еще не применялись, как и контрдиверсионные ульи типов «Баньши» и «Домовой». Так что техновирол легко инфильтровался во внутренние

объемы, уверенно осваивая линии коммуникаций и системные узлы. Грумбридж, с его парой тераформированных планет, главной базой флота РИ и крупнейшими в обитаемом космосе верфями, был обречен...

Капитан прервался, затем махнул рукой и жестом фокусника извлек из воздуха обгорелый бланк. Голос его зазвенел стальными нотками.

– «Тринадцатая»! Слушай боевую задачу! Являясь частью дублирующего экипажа авианесущего крейсера «Марат», вы были приписаны к седьмой палубе, сводной группе борьбы за живучесть. В сражении крейсер получил тяжелые повреждения, вывалился из строя и сейчас дрейфует на нестабильной орбите вокруг Нового Севастополя. Через два года он войдет в плотные слои атмосферы, где и сгорит, на радость немногим выжившим аборигенам. Будучи ранены в начальной фазе боя, вы были помещены в стазис-капсулы, где и провели последние семь лет, вплоть до полного усыхания элементов резервных батарей. Цель первого и второго курсов – пробиться к летным палубам и покинуть обреченный носитель до его схода с орбиты. Корпус судна находится в аварийном состоянии, плотно заселен паразитной ксенофауной, сервами и боевыми ботами, зараженными вирусом псевдоинтеллекта, агрессивными группами разумных, сражающихся за скудные ресурсы. Учтите – невыполнение задачи приведет к начислению штрафных баллов на УК! Успех добавит вам весомых бонусов. Все, удачи вам, «тринадцатая»! Не подведите меня...

Свет в зале начал гаснуть, невидимая коса прошла над полом, отсекая бойцам сухожилия и отбирая контроль над конечностями. Тела валились мягко и нарочито медленно, словно после пропущенного хлесткого удара в подбородок. Хлоп! И в глазах пустота...

Катамаран опрокинуть гораздо сложнее, чем одинокое судно. Мы с Линой продержались лишней десяток секунд, мысленно цепляясь друг за друга и сопротивляясь попыткам погасить наш разум. Наградой был внимательный и задумчивый взгляд капитана.

Тьма...

– *Выгрузка из сознания локального саб-уровня: «Зал инструктажа».*

– *Подключение к внешнему нейрогейту. Авторизация через имплант-хаб... Сгенерирован разовый ключ динамического пароля. Связка «прием-отзыв» – корректна. Право доступа к армейскому виртполигону – получено!*

– *Подтвердите разрешение на установку ментального блока «Правила общего пользования виртполигоном «Кубинка-дигитальная».*

Цифровая подпись гипновнушения соответствует стандарту ISSO-9734777.

– Запуск скрипта: «Внешнее управление»...

– Спасибо, что подтвердили установку м-блока. Помните, оружие, созданное руками объединенного человечества, призвано служить делу его защиты и процветания!

– Завершение работы скрипта: «Внешнее управление»...

– Текущая саб-локация: «Тяжелый авианесущий крейсер «Марат».

Техническо-эксплуатационные характеристики ТК «Марат», проект «Диана» (авианесущая модификация, заказ ВКС РИ), верфи «Астероидсیتی, Одесса».

Тип корпуса: стержень, усиленный силовой каркас.

Длина (максимальная): 2900 метров.

Диаметр (максимальный): 410 метров (94 обитаемые и технические палубы + трюмный объем).

Полезное тяговое усилие: в норме – 2,1 Мт, в режиме форсажа – 3,3 Мт. Дальность плазменного факела в боевом режиме (одноразовые фокусирующие сопла входят в базовую поставку) – 14 000 км.

Автономность: 600 суток при наполнении топливных танков на 95 % и загрузке трюмов на 25 % внутреннего объема.

Дальность хода: 10 прыжков в гипере на дистанцию до 300 световых лет.

Тип прыжкового двигателя: гравитационный пробойник «Укор-3».

Тип двигательной установки: плазменный, смешанного типа «Торнадо Мк-21».

Энерговооруженность: два универсальных реакторных блока (термоядерные) «Сияние-М2». Мощность каждого: 40к Мвт.

Гравивооруженность: Гравикомпенсатор «Сизиф», генерация стабилизирующего поля до 75 Мт.

Максимальное ускорение: 4,5 G.

Экипаж: минимальная численность для сохранения контроля над судном: 411 человек. Рекомендуемая: 1920. Максимальная (в расчете на полную автономность и индекс обитаемости 0,7): 4400.

Летная палуба: 8 стартовых столов. Ангара на 72 машины. Из них истребителей: 32 (4 эскадрильи), штурмовиков: 16 (2 эскадрильи), торпедоносцев: 16, специализированных: 8. Авиакрыло: 380 человек летного состава и группы техобеспечения.

Пехотная и контрбордажная секция: казармы и арсеналы из расчета на роту тяжелой пехоты со средствами усиления. Личный состав: 250

бойцов и операторов систем вооружения, 150 легких ботов, 50 средних.

Грузоподъемность: не предназначен для спуска в гравитационные колодцы.

Вооружение: главный калибр – 2 туннельных ускорителя калибром 320 мм, объем боевого погреба: 144 кубометра. 16 пусковых шахт для тяжелых ПКР, БК на четыре полных залпа.

Системы активной обороны: 48 кластеров КАО «Немезида», 36 ЗРК «Пилум», пакетные стартеры малокалиберных ГСС и ГСР, 12 арткомплексов ПКО калибром 40 мм. Лазерные, плазменные и импульсные автоматические турели – в ассортименте.

Силовые щиты: двухслойный пассивный «Тор-2х8», активный «Лепесток».

Дополнительные комплексы: РЭБ «Сияние», РЭМ «Тишина».

Бронебойный набор: модульный композит 160–450 мм.

Мелькнули и погасли ТТХ крейсера. Всплыла и тревожно запульсировала подсказка текущего момента:

– ТАК «Марат». Статус: KIA. Потерянно 16 % массы конструкции. Разгерметизация 21 % внутреннего объема. Усредненный индекс обитаемости: 0,34 %...

Угнетенный электроникой разум привели в себя ощутимой ментальной оплеухой.

– ...внеплановое пробуждение оператора. Запас энергии резервной батареи: 5,00 %. Статус организма – ограниченно здоров. Условные хитпоинты: 41/70.

Отмахнувшись от окошка текущего статуса, я огляделся по сторонам.

Лежу в мягком брюхе капсулы. Крышка бокса подрагивает и бессильно гудит сервоприводами – сквозь мутный пластик различима оплавившаяся балка, навалившаяся на стазис-модуль.

Мгновенно нахлынувшая волна паники заставляет упереться руками в прозрачный гроб и напрячь все силы. Последних явно с избытком – крышка легко поддается, а стальная рельса с грохотом валится на пол. Хотя, судя по бодрому звону, корабельная сталь гораздо ближе к титану или алюминию, но никак не чугуну.

Снаружи влажно – до капли с потолка, и холодно – до мгновенно проклюнувшихся мурашек. Потрявоженный воздух клубится облаками фосфоресцирующих спор. Другого освещения в зале нет. Жмурюсь от назойливой зеленой пыли и натужно кашляю. Условия вне стерильного

нутра капсулы – ниже плинтуса. Дышать тяжело, глаза уже начинают слезиться, ночевка внутри этого холодильника может стать летальной.

Подтверждая невеселые мысли, выскакивает очередное системное сообщение:

– *Урон от агрессивной среды: –1 (40/70). При текущем индексе обитаемости помещения вы будете терять одну единицу хитов каждые 18 минут. Покиньте дискомфортную зону либо озаботьтесь средствами индивидуальной защиты.*

Следом ругнулся имплант:

– *Общая нагрузка на системы очистки организма: 62 %. Гарантированная работоспособность расходников до планового ТО – 1712 часов.*

Я качнул головой – даже не хочется думать, сколько бы я продержался внутри этого полумертвого крейсера без помощи своего комсоставовского ки-модуля класса «альфа-прим». Хотя и так перспективы невеселые – судя по приговору, жить мне осталось часов двенадцать...

Надо шевелиться, хоть и трудно это!

Память тела зла – все еще ноет простреленное бедро, чешется обгоревшая спина, с трудом слушаются раздавленные техноразумным ступни. Что это – заторможенная реакция мозга или посмертные дебафы, дабы мы не расслаблялись и не пользовались мнимым бессмертием как читом?

Закусив от боли губу, перекинул ноги через низенький бортик капсулы и прыгнул на палубу. Голые ступни ушли по щиколотки во влажный ковер разноцветного мха. Водичка, конечно, мартовская, но мягенько.

Первый же шаг в сторону заставил меня выругаться и запрыгать на одной ноге. Интерфейс моргнул алым и злорадно списал с меня две единицы хитов колотого урона.

Зашипев от боли – двести процентов чувствительности хороши только для виртуального секса – я осторожно извлек из распоротой пятки длинный шип рваного металла.

Кровь на глазах свернулась тромбами, рану быстро затягивало грубой коркой – наниты отрабатывали свою пайку, залатывая тело носителя улья.

Захотелось есть – закон сохранения энергии работает и в вирте: нанофабрика использует ресурсы организма, извлекая драгоценные килоджоули из всего, до чего способна дотянуться – гликоген в мышцах, жировая прослойка, старые и измененные клетки. В случае критичных ситуаций в дело пойдут и более важные органы, вплоть до костной и нервной ткани. Голографии дистрофиков, работавших до последнего

в авральном режиме импланта, легко всплывали перед внутренним взором. FAQ по технике безопасности и использованию внедренной электроники распаковывался в мозгу одним из первых.

Вновь перенеся вес на обе ступни, я прикинул острую железяку по руке – обмотаю рукоять тряпкой, и получится отличный клинок для космического неандертальца. Осколок мне попался знатный – явный стартовый подарок для новичка в нуболокации. Хищный щип невероятно прочной, но хрупкой стали. Нечто высокоуглеродистое – еще не чугун, но и не мягкое железо.

Затягивать не стал. Вспорол осколком брючину комбеза – больше на мне ничего не было, срезал длинную полоску псевдошнура и принялся аккуратно, но быстро затягивать узлы на будущем инструменте. Умение плести из паракорда прокачано в многочисленных поисковых экспедициях. Двухметровый кусок парашютной стропы – вещь универсальная и зачастую незаменимая.

Требовалось спешить – вокруг уже пошла движуха. В тихом филиале морга сработало массовое заклинание воскрешения. Десятки разбросанных по залу капсул открывали крышки и выпускали в зеленое туманное марево своих пленников. Восстание мертвецов – «тринадцатая» группа во всем своем жалком величии.

Кто-то вылезал сам, кто-то глухо кричал и бился за исцарапанным стеклом. Некоторые боксы валялись на палубе, похороненные под обломками и затянутые мхом. Другие обгорели или были разбиты осколками. Блестевшие в дырах пластика кости намекали на судьбу неудачников. Надеюсь, это всего лишь антураж локального апокалипсиса и все семьдесят три человека группы живы и относительно здоровы.

Как оказалось, у меня и у вирт-программистов абсолютно понятие относительности. Стазис-капсула – отнюдь не медицинский регмодуль. Дешевое массовое изделие, призванное сохранить жизнь бойца до передачи его тушки на судно-госпитальер.

Вот именно что тушки мы и извлекали из боксов. Трети одnogруппников закли серьезные повреждения – оторванные конечности, проломленные головы, вмятые в череп лица, обширные ожоги и обморожения. Праздник воскрешения в морге быстро превратился в выездной филиал санитарного батальона.

Стоны, мат, слезы, истерики. В течение получаса, пока не перемерли все наиболее калечные бойцы, я не поднимал головы. Таскал, укладывал, перевязывал как мог и смачивал водой губы. В свое время я сам побывал на месте беспомощного инвалида, поэтому пройти мимо или отказать

в помощи не мог.

Несколько раз торжественно позвякивал имплант – учетная карта сообщала о капнувших на счет бонусах: за крафтинг примитивного оружия, за медицину поля боя, за «облегчение последнего пути» и, как ни странно, за «эвтаназию обреченного бойца». Видать, не вся моя помощь пошла на пользу...

После того как на моих коленях болезненно дернулась и истекла крайней единичкой жизни девушка с развороченным животом, чья-то рука легла на мое плечо.

– Все, это последняя.

Я оглянулся. Рядом стояла заплаканная Лина, нахватавшаяся развивающимся «пси» отголосков чужой боли и эманаций смерти. За ее спиной столпились отспаунившиеся экс-инвалиды. Вот сверкнула тусклая вспышка, и на ложе своей стазис-капсулы появилась та самая воскресшая девчонка.

Быстро... Минутный лаг для респауна. С такими темпами можно устраивать «зерг раш» – валовую атаку сильного противника кучей мелких «плохишей». Как нетрудно догадаться, в качестве зловредной мелочи – бойцы «тринадцатой». Слабее нас тут вряд ли найдется хоть кто-то...

Неуверенно оглядевшись, девушка зацепилась взглядом за собственное тело – уже начавшее усыхать и попахивать. Быстро спрыгнув на палубу, она подбежала к нам и, сорвав со стены широкий пласт мха, укрыла им скорчившийся в последней судороге труп.

Спрятав личное и сокровенное (а что может быть сокровенней, чем собственные потроха, вывалившиеся из распоротого живота?), девушка шагнула ко мне и целомудренно поцеловала в щеку:

– Спасибо. Когда ты гладил меня по волосам и шептал успокаивающие слова – становилось реально легче... Твари! – Ее лицо исказила гримаса ненависти. – Больно-то как было... Ну нельзя же так?!

За спиной раздался гроыхающий бас Ильи:

– Не филоним, смертники! Трупов не видели? Еще насмотритесь, гарантирую! Так, слушай сюда! Бабы – на обдирку и складирование мха! Сделайте сухие лежаки, а заодно попробуйте на вкус – какой-то из них наверняка съедобный! Мужики – ноги в руки и на разбор завалов! Сейчас тут повернуться негде... Трупы свои сами в угол оттащите – никто, кроме хозяина, его взять не может, видать, защита от преждевременной мародерки, хотя что там с нас брать? Ну, чего стоим?!

В процессе командной речи я оглянулся. Илья успел подмять под себя будущих пехотинцев, которые, повинувшись уверенным его приказам,

уже всюду что-то катили, тащили и драли. Вокруг меня все больше столпилась хиловатая интеллектуальная шалупень в виде будущей элиты космического флота. Пилоты и отспаунившиеся калеки, которых тянуло к месту собственной гибели и одному из центров кристаллизации группы.

Наши с Ильей взгляды встретились, и я четко понял – без драки не обойдется. Серые, безэмоциональные глаза здоровяка обещали смять и сокрушить, если я не уступлю и не подчинюсь.

Моя верхняя губа рефлекторно приподнялась, обнажая клыки.

Виртинтерфейс оживил конфликт и повысил ставки:

– *Внимание! Обязательная миссия для капральского звена. Любым способом определить старшего в группе. Время принятия решения – 5 минут.*

Здоровяк удовлетворенно улыбнулся и ткнул себя пальцем в грудь.

– Я! – уверенно прозвучала понятная лишь нам троим фраза.

– Нет... – качнул я головой.

Я не рвался в начальники. Хотя мой батя учил: выбрал дело – стань в нем лучшим. Профи всегда в цене – будь ты сантехник, продавец спичек или воин.

Но в данной ситуации я реагировал не столько разумом, сколько эмоциями. Не нравится мне, когда припирают к стене и лишают выбора. И не хочу я попадать в подчинение к человеку, с которым наметилась явная антипатия и косяк в отношениях. Все равно ведь схлестнемся. Так чего оттягивать?

Да и Лина читает меня как открытую книгу. Не отступишь ведь, с безразличным лицом и ленивой отмашкой – да бери! Даром, мол, не надо...

Мигом поймет – струсил, прогнулся, дал слабинку. А как жить с не уважающим тебя человеком? Ответ ведь один – никак... Кстати, это еще один урок от моего мудрого бати: если жена потеряла к тебе уважение – можешь смело разводиться. Все. Фарш невозможно повернуть назад. Финита.

Делаю шаг вперед. Рядом хищно и довольно скалит острые зубки Лина, также вступая в невидимый круг. На моей стороне. Бой-баба, ураган...

Качаю головой, едва слышно шепчу:

– Я сам...

Девушка недовольно хмурится, но сдает назад. Краем сознания отмечаю – она не безнадёжна. В критической ситуации признала в мужчине вожака. На этот раз признала. До первого промаха Акеллы...

Народ что-то почувствовал. Круг арены уже не виртуальный – люди

расступаются, давая нам место. Мшистый ковер на палубе возбужденно пульсирует – сейчас прольется чья-то кровь!

Впереди меня – крупные агрессивные мужики, отобранные в тяжелую пехоту. Накачанные тестостероном альфа-самцы, отторгнутые государством и выдавленные из социума – в алкоголь, наркоту, криминал. Редкие везунчики сохранили себя и пробились в адреналиновые ниши – армия, МВД, профессиональный спорт. Система распределения артефактных кристаллов все ж таки слажала не полностью – часть пробойников досталась сильнейшим. Физически и духовно. А не денежно и позиционно.

Позади меня – пилоты да инвалидная команда. Плоды сортировки оставшегося человеческого мусора. Чуть выше интеллект, присутствует воля, чист и желанен хромосомный набор. Вот и все наши достоинства...

С Ильей мы смотримся соответственно. Он – былинный богатырь. Мышц за толстой шкурой особо не видать, о силе говорят лишь общие габариты да объемы. Бедрa – как бревна, бицепсы – как мячи для регби. Эдакий матерый медведь, знатно нагулявший к зиме жирка.

Я же заматереть еще не успел. По-юношески гибкий и поджарый, венозная сетка стелется по плотным мышцам – жира практически нет. Эдакий пляжник-физкультурник. Девчатам такие нравятся. Были бы все конечности на месте – устал бы сгонять их с коленок.

Драться мне доводилось, причем довольно-таки часто. Воспитывали из меня мужчину, со всеми вытекающими. Не останавливали, не обламывали, не гасили во мне агрессивность и чувство соперничества. Нравится вышагивающая навстречу девчонка в короткой юбчонке? Оцени сверху донизу уверенным взглядом! Для тебя ведь и одевалась, не жара ее донимает, а мужского внимания ищет!

Она, может, и фыркнет возмущенно, но с шага собьется, а в животе тревожно заноеет – вот он! Не придавленный цивилизацией инфантильный мужичонка двадцать первого века, а один из тех, кто сохранил в себе дух первобытного воина. Захочет – возьмет! Почувствует угрозу – урочет любого! Рядом с ним – надежно! За ним – безопасно! Отдаленное будущее – не внушает тревог...

Таких девчата и ищут. Разумом выбирают успешных менеджеров, а вот влюбляются в хулиганов, алкоголиков и лиц альтернативных национальностей. Ибо альфы...

Трясу головой, отгоняя ненужные ассоциации и отголоски батиних бесед. Присматриваюсь к своему противнику.

Илья чуть прихрамывает на обе ноги – видать, успел прогуляться

по мелкой колючей окалине, щедро усеивающей палубу. Шрапнель тут, что ли, рвалась?

На всю спину – след глубокого обморожения. Скорее всего, *по игровой легенде*, нарушилась герметичность скафандра после запуска на судно вакуума. Хитов у него чуть больше половины, однако цифровой параметр здоровья раза в два больше моего. Ну, крепкий он мужик, тут я согласен с системой. Насчитанные баллы жизни логичны и обоснованны.

Имплант тревожно очерчивает контур противника оранжевым, следит за направлением его взгляда, дешифрует мелкую моторику мышц и предупреждающе разукрашивает пространство всполохами потенциальных векторов атак.

Информативно. Даже сверж. Слишком много инфы и слишком мало практики. Мне бы сотню часов вдумчивого спарринга – и я бы ломал партнеров классом выше себя. Сейчас же – тупо отвлекает.

Сближаемся, чуть покачиваясь в стороны и не торопясь закручивать спираль. Против солнца врага не выведешь, а подставлять спину чужой группе поддержки – желающих нет.

Интересно, как видит картинку боя Илья? Что ему рисует рядовой пехотный имплант? Вряд ли он столь же умен, как мой «комсоставовский»...

Мое левое запястье хитро перебинтовано куском комбеза. В получившемся кармашке ждет своего часа самодельный нож. Клинок небольшой – десяток сантиметров зазубренной стали, но человек – создание хрупкое. Много ли ему надо?

Извлекать оружие не тороплюсь. У ножа есть золотое правило: достал – бей! Если не готов применять – лучше забудь о нем. Однако сейчас меня не сдерживают закон и страх отнять чью-то жизнь. Клинок – просто козырь в рукаве, светить который преждевременно.

Удваиваю осторожность – Илья на дистанции рывка. Несмотря на раны и габариты, он быстр, как тот же медведь, на короткой дистанции догоняющий и ломающий хребет лошади. Тем более сейчас – после очистки организма и первичной ки-модификации.

Мудрость уличной драки гласит: если конфликта не избежать – бей первым! Если ты не мастер единоборств – бей первым! Если нападающих больше одного – бей первым! Если оппонент вошел в твое личное пространство – снова бей! Пусть лучше трое судят, чем четверо несут!

Сейчас ситуация иная. Нежданчика в бороду не получится, противник один, и я довольно-таки самоуверен, чтобы считать себя чуточку быстрее

и надеяться подловить Илью контратакой на встрече.

Не учел я только специфики пехотных имплантов. Знатно апнули наших тяжей, ох и знатно. Куда там скромным летунам...

Резко ускорившийся силуэт я уловил, правым в голову встретил, складывая скорости и множа их на массу. Причем даже попал и, судя по хрусту, где-то и что-то сломал. А затем меня смело, закрутило в воздухе и бросило на заботливо подставленное колено.

Ловкости у меня много, скорости мышления тоже хватало. А вот инерция тела и далекая от идеала послушность ног подвели.

Извернулся в полете как мог и вместо падения позвоночником впечатался в острое колено боком. Усиленный реберный каркас выдержал – что чудо и заслуга импланта, обреченно просчитавшего точку удара и подтянувшего, сколько успел, демпферную массу нанитов.

Из могучих и цепких лап кожей Илья меня не выпустил. Навалился сверху, сразу же вскользь пробивая в голову локтем. Затем еще раз и еще! Кожа головы легко лопалась – есть у нее такое свойство. Накачанное адреналином тело страшно фонтанировало кровью – хотя ранки-то плевые, тут главное – самому не испугаться.

Я и не боялся, лишь раз за разом ныряя под удары, смазывая их и оберегаясь от убийственного прямого. Натужно трепыхался под здоровяком, приподнимая таз и до хруста напрягая спину – пытаюсь сбросить придавившую меня тушу.

Хрен там! Тяжел и ловок гад!

Илья работал как заправский молотобоец – количество ударов быстро переходило в качество. Дыхание уже сбито, глаза залиты кровью, в голове вата и туман.

Выворачиваюсь винтом, утыкаясь носом в мох и отдавая спину. Прикрываю руками голову.

Противник с неразборчивым ревом – челюсть я ему-таки сломал – бросается сверху. Позиция для меня губительная, если в запасе нет наработанной связки из бразильского джиу-джитсу. У меня она есть. Отдавая меня в клуб, батя напутствовал – в драке один на один борец почти всегда сделает рукопашника. Иди, сынок. Береги уши...

Захватываю прилетевший в ухо кулак, рву кисть под себя, заваливая наш тандем набок и переходя на классический болевой.

Как святую драгоценность, прижимаю чужую кисть к груди. Фиксирую тело Ильи своими ногами и выгибаю дугой позвоночник. Локоть противника скрипит, жилы дрожат, как струны, а мышцы наконец-то вспучились синюшными буграми.

Почти сразу понимаю – не сломаю! Все сделано правильно, но прием не рассчитан на армированные кости, дублирующие контуры связок и сознательное управление болевым порогом.

Идей больше нет. Сжигаю последние силы, тупо следуя уже бесполезному плану и надеясь на чудо. Давлю на рычаг руки что есть мочи, однако чувствую, как торжествующе скалящийся Илья постепенно отыгрывает градусы залома, высвобождаясь из захвата и подтягивая меня к себе.

И чудо приходит! Мощный поток сил вливается с четко угадываемого вектора! Мои глаза мгновенно находят пошатнувшуюся Лину. Я вижу, как бежит из ее носа черная струйка крови. Девушка отдает все, что имеет, вливая энергию через связывающий нас канал.

Коэффициент конвертации пси в мышечную силу чудовищен. Мы платим по десятикратному тарифу, и высшие силы наверняка ухахатываются с нашей крестьянской глупости. Однако мне хватает!

Рывок! И тело Ильи выгибает дугой! Локтевой сустав с хрустом ломается, здоровяк не сдерживает болезненный вскрик.

Отпускаю треснувшую ветку изувеченной конечности. Противник мгновенно сворачивается в позу эмбриона, баюкая локальный эпицентр вселенной. Вселенной Боли!

Жалеть не могу и не имею права. Таймер квеста отсчитывает последние секунды, а хитов у здоровяка еще много.

Вскакиваю на ноги. Тут не до спортивных изысков – футбол – наше все! От души пробиваю штрафной в голову!

Бац! Илью опрокидывает на бок. Височная кость пугающе вогнута. Имплант мне подыграл, уплотнив ударную поверхность стопы парой миллиардов нанитов.

Противник все еще в сознании. Все ж таки армейский имплант будет посильнее ватки с нашатырем. Отключиться не просто...

Я стою над изломанным мужиком, не зная, что делать дальше.

Тонкая хромировка цивилизации еще не окончательно облупилась. Добить калеку – невероятно трудно...

Глаза ловят подсказку интерфейса, губы облегченно произносят:

– Как старший по званию среди оставшихся в строю и условно боеспособных принимаю на себя командование группой!

Лина шмыгает окровавленным носом, победоносно улыбается и кивает:

– Возражений не имею. На командование не претендую!

Динг! Система звякнула, засчитывая выполнение квеста. Мнение Ильи

ее не интересовало – здоровяку засчитали проигрыш в ритуальном поединке.

– *Внимание! Миссия успешно выполнена в простейшем варианте сложности: «По праву сильного».*

– *Разблокирован командный интерфейс. На УК зачислено 30 баллов. Бонусных баллов: 0. В формулу учета введен коэффициент младшего лидера: 1,05.*

– Добей...

Отвожу глаза от списка плюшек, фокусирую зрение на Илье. Ему бесконечно больно и еще более унижительно – смотреть снизу вверх на тех, кого уже записал в свои подчиненные, и чувствовать, как жадные плети мха проникают в твои раны и присасываются к кровотоку...

– Добей... Воскресну с полными хитами... Лидерство признаю. Да и поздно уже... Квестовый поезд ушел...

Понимающе киваю. Нет смысла корчиться в грязи лишних полчаса, медленно истекая кровью и хитами.

Встряхиваю левую кисть. В ладонь выпадает моя хищная самоделка. По рядам окружающих шепоток, губы Ильи удивленно кривятся.

– Недооценил... Может, и будет из тебя толк, капрал...

Имплант подсвечивает точку для укола изерикордом. Присаживаюсь рядом с бывшим противником:

– Легкой смерти, капрал!

Короткий удар, хруст пробиваемой грудины и облегченный выдох здоровяка.

– *Внимание! Получен опыт за убийство врага! Баланс УК: +1.*

Глава 7

Илья воскрес через стандартную минуту. Все это время две разделенные псевдоареной группы так и не объединились в одно целое. Народ недобро косился друг на друга, нащупывая среди мха тяжелые предметы и ожидая развязки спонтанно вспыхнувшего конфликта. Боевые импланты нашептывали провоцирующие гадости и подталкивали к нанесению предупреждающего удара.

Вообще, к нам с Линой относились настороженно. Эдакие навязанные сверху чужаки, не откисавшие вместе со всеми в бассейне с рекреационным гелем, не бегавшие в казарме по бабам – а ведь и на девчат там тоже имелся спрос; держащиеся рядом и одновременно врозь, шептавшиеся с монструозной Корнелией и явно по блату отхватившие капральские лычки. Кому понравятся такие выскочки?

Пехтура была готова поддержать своего, тем более что добить меня сейчас можно в полтычка. Здоровье в красном секторе, лицо разбито всмятку и густо кровит, невесть когда свернутый набок нос отказывается дышать. Приходится изображать из себя рыбу и хватать влажный воздух ртом.

Портрет жертвы избиения в полный рост. Наглядный ответ на вопрос, как выколотить жизнь из человека сотней не смертельных ударов. Глубоких ран нет, однако тело – в синюшный фарш, а требуха отбита.

Последовать, что ли, примеру Ильи и попросить Лину подарить быстрый респаун? Больно ведь – до невольных слез! Флегматичный имплант готов отключить нервы, но обещает легкую заторможенность, просадку в рефлексах и ватную мимику. Максимальное время медикаментозной блокады – восемь часов. Затем еще столько же – через физическое ограничение нервного столба. А вот дальше – сам. Терпи, казак, иначе светит тебе тяжелый передоз либо фатальный некроз тканей.

Самое грустное, что скорость регенерации организма почти совпадает с уровнем потери здоровья от агрессивности окружающей среды. Тик – туда, тик – обратно. Качели жизни...

Так что светить мне запухшим лицом пчеловода до следующей смерти – лечить у нас тупо нечем.

– Помочь? – Безбашенная Лина подкралась неслышно.

Девушка на адреналиновом раше и в легком неадеквате. Ее самец выиграл ритуальную схватку за лидерство, а солидная доля моего

гормонального возбуждения передалась по связывающему нас каналу.

В ее руке – покореженная труба, некогда бывшая частью аппаратной стойки. Сегмент вырванного с мясом крепления все еще сохранился на одном из концов.

Вокруг нас – нездоровая суета: народ вскрывает мох и вооружается. Кусками фарфоровых изоляторов, полосками рваного металла и прочим техногенным мусором, щедро разбросанным в нашей стартовой локации.

Я на секунду задумался, взвешивая предложение подруги. Холодная война возможна только при относительном паритете сторон. А я сейчас далеко не в форме...

Размышления прервал Илья.

– Не стоит, красавица... – Осторожно и медленно, чтобы не приняли за агрессию, он отвел в сторону стальную трубу.

Затем объяснил:

– Системное сообщение на респауне. Без штрафа – только три первые смерти. Затем начнут снимать баллы с УК, увеличивать таймер воскрешения и наказывать болью. Так что не торопись – держись за жизнь зубами. Нутром чую – это один из важнейших показателей на нашей учетке.

Я благодарно кивнул, затем протянул раскрытую ладонь.

– С воскрешением. Без обид?

Здоровяк внимательно посмотрел на меня, затем осторожно сжал руку своей могучей лапой.

– Проехали. Если дурить не начнешь – я с тобой. Мне не власть нужна, а успех для группы, и отдавать рулевое весло интернет-задроту, наловчившемуся кампить ботов в шутерах – не дело...

Я улыбнулся:

– А с терминологией-то знаком... Бегал в свое время в «Контру»?

Илья лишь хмыкнул:

– Все мы родом из детства... Ну что, капрал, какие будут приказания?

Я обвел взглядом фронт предстоящих работ, оценил скромные людские ресурсы, бегло обменялся с Линой мыслеобразами. Затем кивнул сам себе – ну что ж, начнем сначала...

Повысив голос до командно-дрессировочного, разразился чередой приказов:

– Капрал Илья, твой ник нынче «Муромец», боевой позывной «Мур»!

Рядом кто-то сдавленно хрюкнул и спешно вывалился из толпы, пряча улыбку за спинами более сдержанных товарищей.

Проводив тяжелым взглядом белобрысый заговор весельчака,

я продолжил:

– Принимай под свое начало пехотную секцию. Два десятка тяжей, четыре бот-мастера, звено технарей, оружейников и бесполезного пока что медбрата. Итого – тридцать два человека по списку.

Илья прищурился, внимательно смотря мне в глаза и просчитывая варианты. Я дал ему реальную власть и подтвердил звание командирской должностью. Что это – глупая самоуверенность, слабость с моей стороны, или юный капрал действительно настолько силен, что не опасается конкуренции?

Думай Муромец, думай. Один раз я тебя уже смог удивить. Какое-то время ты будешь наблюдать. Если я не налажаю, то со временем ты превратишься в мою правую руку. Силы в тебе много, только она далеко не всегда решает.

Для того чтобы это понять, нужно было, как я, в один печальный миг потерять все – здоровье, подвижность, девушку и будущее. Причем именно нежданчиком, без длительной моральной накачки в виде осторожно сообщенного врачами диагноза.

Просто очнуться однажды ночью на больничной койке, когда огрызки ног уже захоронены в номерной могиле с табличкой «хирургические отходы», а последнее, что ты помнишь, – это как рубишь лопаткой дерн на старом оплывшем бруствере окопа. Вот тогда, если умудришься сохранить рассудок, начнешь все больше включать голову и все меньше полагаться на первобытную силушку...

Пользуясь секундной паузой, вношу изменения в личные учетки и раздаю ограниченные права через командирскую панель виртинтерфейса.

Капрал – это еще не офицер и даже не сержант. В местной табели о рангах это старший солдат, он же – рядовой первого класса, по-нашему – ефрейтор. Одна стыдливая сопля на погоне. Или как у меня на аватарке – одно колечко на шевроне. Соберешь полный олимпийский комплект из пяти колец – достигнешь вершины сержантской иерархии – мастер-сержант. У нас это – старшина.

– Капрал Лина, позывной «Гюрза»! – разъяренный взгляд зеленых глаз, волна ментального возмущения и летальная доза виртуального яда окатили меня до самых пят.

Ничего, переживу. ЧСВ девушки нужно время от времени занижать, иначе она очень быстро стерженеет или у нее прорежется корона. Вон, кстати, уже заметен тревожный знак – никто из парней даже не рискнул засмеяться. Своим ядовитым языком и хлесткими пси-ударами Лина успела

создать себе определенную репутацию.

– Принимай под свое командование... ммм... женское отделение...

Вот теперь парни заулыбались, плотоядно оглядывая жмущихся в кучку девушек «тринадцатой». Одна лишь Лина, при всем своем крохотном росте, возвышалась над ними нерушимым волноломом.

Ну а как я еще могу назвать дюжину девчат, навязанных нам с довольно мутными целями? Нет, парочка технарей, штабной аналитик – уровня рота-батальон, эксперт-погонщик сервов и даже штурман эскадрильи – среди них имелись. Но вот остальные сверкали эмблемой двух сложенных ладошек и двусмысленным статусом: «служащая группы психологической разгрузки».

Лина едко подправила:

– Хозяйственное отделение! И никак иначе! Что зубы скалите, кобели недотраханые, мало вас снайперши раком ставили? Так если кому понравилось – могу помочь! По штату в отделении пятнадцать человек, есть свободные вакансии! Могу перевести в приказном порядке!

Над строем взмахнула крылом чудовищная птица обломинго – народ мигом растерял улыбки и попытался сыграть в матрешку, прячась друг за друга. Я торопливо перехватил вожжи разговора и безоговорочно принял подсказанный термин:

– Точно! Хозвзвод мирного времени. В вашей зоне ответственности – быт «тринадцатой». В случае тренировок или чего-то типа войнушки бойцы присоединяются к своим группам согласно штатному расписанию. Лина, тебя это также касается. Обязанности моего второго пилота с тебя никто не снимал.

– Слушаюсь! – девушка иронично вытянулась по стойке «смирно», явно подсмотренной в фильмах для взрослых. Грудь вперед, попка оттопырена назад, глаза преданно поедают высокое начальство и выражают готовность выполнить любой, даже самый неуставной приказ.

Неодобрительно качаю головой, хотя мой взгляд поневоле скользит по ладному телу. Короткий медицинский топик, а скорее – просто широкая лента, едва прикрывает верхнюю часть груди, отчего полные литые чаши соблазнительно вываливаются снизу, маня тяжелыми окружностями.

Лина фыркает, отворачивается и громко хлопает в ладоши, созывая своих зашуганных цыплят:

– Хозвзвод, девочки, общий сбор у сгоревшей капсулы номер 8144! Чего вылупились? Не на меня, на карту взгляните! Азимут 240! Вот курицы дурные... Дальний угол, вон тот, что в фиолетовой плесени! За пальцем следите! Паша, блин, ты кого мне подсунул?!

Я злорадно усмехнулся – кушай, дорогая, горький командирский хлеб. Капральский коэффициент к баллам на УК мизерный. А вот геморрой от этой должности – как у слона.

Ну что ж, серьги розданы, пора и самому представиться. Я так оттягивал этот момент. Гребаная Корнелия с ее болтливым языком и легкой рукой...

Сплюнув очередной кровавой комок, натекавший из разбитых губ, я с ненавистью покосился на собственный маркер на мини-карте и закончил построение вертикали власти:

– Ну а я – Павел, позывной... кхм... «Счастличик». Ваш непосредственный командир и комэск. Летуны, подчиняетесь мне напрямую. Остальные – через прослойку в виде непосредственных командиров групп.

Оглядевшись вокруг, я увидел множество внимательных глаз. Ненависти не заметил, как, впрочем, и особого почтения. Авторитет еще только предстоит завоевывать.

Драка и победа над Муромцем чуть прибавили мне веса, но разговоров и бубнежа за спиной будет много. У нас на каждой кухне по генералу и форварду футбольной сборной. Вот только буйных мало, как говорил бессмертный Высоцкий. Одни тихушники. Некому первому подняться в атаку из окопа. В третьем ряду, за спинами товарища, – это мы еще кое-как. А вот чтоб первым...

Ну да ничего, командирский интерфейс предоставил мне кое-какой инструментарий в виде плетей и пряников. Ребята об этом еще не знают, хе-хе...

Ки-модификация, цифровые личные карты, внешнее управление и внутренние закладки – все это превращает разумного в крохотный и легко контролируемый элемент жесткой тоталитарной системы. Все несогласные выдавлены наружу и отсечены от благ государства – товарно-денежных отношений, образования, медицины и службы правопорядка. Хлебай свободу полной ложкой! Главное – не скули и не жалуйся...

Я хмыкнул – всплывшие в голове знания являлись частью офицерского курса «реальной истории для граждан категории благонадежности А-прим». Хм. Привет от имперского импланта? Или это разрешенный пакет данных для младших командиров гвардейских экипажей? Как-никак – элита! Белая офицерская кость на лучшей технике обитаемого космоса. Гордитесь, смертники! Жизнь – как полет астероида в атмосфере. Скоротечна и красива. Главное – грохнуть на прощание погроме...

Злая математика войны. У всего есть цена. Тяжелый «Овод» в топовом

обвесе и с кадровым офицерским экипажем на борту оценивается в сорок миллионов кредитов. Менять его на серийную канлодку стоимостью в шестнадцать миллионов никто не станет. А вот ради эсминца уже задумаются. В зависимости от ситуации на стратегической карте. Ну а на любой корабль классом выше – разменяют не задумываясь, да еще выпьют на радостях, обмывая удачную сделку...

Отвлекая внимание, тревожно пищит зуммер интерфейса.

Вчитываюсь в сообщение – температура тела упала еще на один градус. Кровопотеря идеально складывается с переохлаждением – ходим-то мы по щиколотки в ледяной воде, словно вьетнамские крестьяне на рисовом поле в сезон дождей. Тяжелые капли временами срываются с потолка и звонко лупят по мокрым плечам. По закопченным стенам и вздутым фальш-панелям вьются тонкие дорожки ручейков. Умиравший крейсер плачет. Сквозь разбитые иллюминаторы боевой рубки ему отчетливо видна приближающаяся с каждым витком поверхность Нового Севастополя...

Где-то явно нарушена теплоизоляция – вакуум промораживает стены наполненных кислородом помещений. Затем разрастающийся лед напозаывает на элементы с плюсовой температурой, и вуаля – привет соседям снизу!

Пора наводить в сарае порядок!

– Илья! Твой план вчерне утверждаю. Займись со своими бойцами расчисткой местности. Оттащите капсулы вот сюда... – я поставил маркер на карте и сбросил координаты выбранной группе. – Склад всего найденного добра пусть будет вот тут... А вот здесь – вроде как возвышение, чуток посуше – организуем место отдыха и рабочее пространство для мастеров. Посадим кого-то из технарей возиться с железом и пластиком. Нам нужно все, и в первую очередь – оружие и инструменты! Я же со своими парнями займусь обдиркой мха и тестированием его вкусовых качеств. Больно уж жрать охота...

Двенадцать часов спустя...

– Буэ-э-э... – низкорослого пилота выгибало в жестоких рвотных судорогах.

Блевать было особо нечем, так что горлом шла лишь нехорошего вида серая пена.

– Минус шесть хитов в минуту... – флегматично отметил стоящий рядом фельдшер. – Так и запишем: синий мох с желтыми прожилками – ядовитость умеренная, полезных эффектов не зафиксировано...

Посиневший от холода медбрат на секунду зажмурился, фиксируя данные в виртуальном гербарии. Затем с трудом разлепил глаза – нас постоянно тянуло в спасительный восстанавливающий силы сон – и устало обратился к страдальцу:

– Что ж тебя так корежит-то, сердешный? Ты посмотри, посмотри в логи! Может, написало что нестандартное?

Рядом участливо переминался следующий на очереди боец-пробник.

– Сашка, ну съешь еще вот этот, черный, склизенький... Ну что тебе стоит? Все равно же помираешь! А я потом за тебя что-то сожру, зуб даю!

Однако фельдшер тут же обламывает предприимчивого парня:

– Запрещаю! Нельзя нарушать чистоту эксперимента! К тестированию смесей мы приступим только после систематизации первичных образцов!

Качаю головой и отхожу в сторону. С едой – беда. Условно съедобных растений найдено всего два вида. Один, со вкусом сырого сена, просто притупляет чувство голода. Второй, с легким привкусом имбиря, восстанавливает две единицы жизни за раз. Сейчас с ним работает наш второй медик, пытаюсь добиться большей отдачи от лечебной травки. Сушит, перетирает, настаивает, выпаривает. Судя по маниакально горящим глазам, чел уже знатно нанюхался паров собственной лаборатории. А может, его прет сам процесс? Ну мечтал человек стать алхимиком!

Беда в том, что запасы сырья минимальны. Дня на три-четыре регламентированного питания, в зависимости от нашего аппетита и скорости роста мха. Дальше начнемдохнуть от истощения. А это не айс – счетчик смертей и так уже мотает который круг. Вон, кстати, валяется на помосте боец из «тяжей». Вкусил в полной мере «радости» четвертой смерти. Теперь отходит от болевого шока и посмертного дебафа...

Его сведенные судорогой плечи разминает девушка из группы психологической поддержки. На этот раз никакого интима – лишь настоящий, правильный массаж, легкое гипно-воздействие и восстановление ауры посредством зачатков псионических способностей.

Не все так просто оказалось с этими девчатами – в их мозгах ударными темпами разархивировался университетский курс армейской психологии, тантрические и буддистские знания, пробуждались эмпатия и экстрасенсорика.

Глядя, как на единичку бафнулось здоровье бойца, я удовлетворенно кивнул – хозвзвод может оказаться гораздо полезней, чем мы думали раньше.

С подростковым интересом поглядывал на упругие выпуклости девушки сидящий невдалеке Макарка. Будущий технарь разбирался с горой

натащенного со всех углов хлама, выуживая из кучи наиболее интересную добычу.

Парень креативил. Он не штамповал на потоке широкополые шляпы из пластика, не вил веревок из оптоволокну, не разбирал безымянную деталь на тонкие и полезные пластины с острой режущей кромкой. Он создавал инструменты!

Пара рабочих молоточков для мастеров. Не боевые кувалды для проламывания стен, а довольно изящные изделия тонкой работы.

Аккуратные скальпели и скобы зажимов для аптек – вынимать засевшие в телах осколки лучше без существенного увеличения раневого канала. Слишком уж тяжело отражается кровопотеря на скорости утечки хитов.

Венец творения – «типа плоскогубцы» – универсальный инструмент, созданный на основе чего-то совершенно непонятного. Очередь на рукотворные пассатижи оказалась самой длинной. Жили мы теперь нормами социального общежития, вещей коллективного пользования было больше, чем личных.

В экономном режиме неспешно шлепаю по мелководью. На ногах – перетянутые оптоволокомом пластиковые обмотки. Кустарное изделие наших мастеров, уже поставленное на относительный поток. Класс бронирования – первый, глотает любой урон до трех единиц. Слезы, конечно, но хотя бы не приходится выдергивать из пяток шрапнельное крошево.

Опа! Замираю с поднятой ногой. Что это за незнакомая травка пытается уползти из-под пятки? Осторожно трогаю шустрика пальцем – ядовитость, она ведь разная бывает. Иногда достаточно вдохнуть наполненный токсичными спорами воздух...

Растение почувствовало прикосновение, сжало крохотные листики и сделало вид, что сдохло, дрейфуя по черному зеркалу воды на манер сухой веточки.

Ну-ну...

Игрового инвентаря у меня нет – к магическим чудесам нас приучать не хотят, условия подготовки максимально приближенные к реалу. Так что зову одного из бойцов-пробников, указываю ему на будущий «номер девятнадцатый» в нашем космическом гербарии, бреду дальше.

За спиной раздается умильное бормотание «ботаника», практически мгновенно сменяемое болезненным криком и шумом бьющегося на мелководье тела.

Оборачиваюсь. Бойца бьют предсмертные судороги, полоска хитов

тает на глазах. Как оказалось, хитрая травка имеет и второй слой пассивной защиты – прозрачные в воде шипы и капсулу с ядом, идущую вдоль основного ствола.

Парня жалко, однако сделанное открытие жизненно важно – теперь мы имеем в арсенале эффективное средство поражения биологических объектов. По крайней мере, человекообразных.

Дальше я уже шел гораздо аккуратней, осторожно ставя ноги в воду и внимательно рассматривая мшистый ковер.

Мох тут вездесущ – как подсказывают разархивированные знания, на корабле почти наверняка разрушены оранжереи рекреационных зон и баки биологической очистки. Разлетевшиеся споры модифицированных растений успешно освоили замкнутый объем крейсера, дали щедрые всходы и принялись дружно и неподконтрольно скрещиваться, порождая совершенно дикие комбинации с абсолютно непредсказуемыми свойствами.

Наша основная проблема – в крохотной кубатуре доступных помещений. Стазис-зал наглухо изолирован аварийными и контрабордажными переборками. Проломить их вроде как возможно, но очень и очень не просто. И уж точно не голыми руками и отважным сердцем комсомольца.

– Бум! Бум! Бум! – отвечая моим мыслям, в колоколе ограниченного пространства вновь оглушительно загрохотало. Отдыхающая смена недовольно заворочалась в ложементх капсул.

Я прислушался. Где стучат – слева или справа?

Если слева – то это группа Ильи настойчиво долбится огромной кривобокой балкой в стену рядом со шлюзом. Наши техники посчитали, что прочность переборки определенно меньше, чем вязкой брони гермодвери.

А вот если справа – то это уже ломятся к нам. Причем нечто неразумное либо очень недоброжелательное. На любые попытки осмысленной коммуникации перестуком либо голосом создание не отвечает и на контакт не идет. Тупо гасит в створки шлюза, отчего композит уже визуальнo вспучился белесыми буграми внутренних напряжений. Остается только гадать, что там за тварь. Тяжелый штурмбот с перепрошитым контроллером? Бронированный ксеноморф? Спятивший ремонтный серв?

Парни нервничают, а я нахожу утешение в сценарности происходящего. Вряд ли режиссеры нашего ужастика решили скормить нас какой-то гадости в первые же сутки. Скорее таким образом нам

непрозрачно намекнули на необходимость шевелиться и искать выход из рукотворной ловушки. Замешкаемся – и тварь определенно проломит дверь.

Со своей стороны мы начали закладывать данный участок всевозможным крупногабаритным мусором. Если не задержит – так хоть шумоизолирует. Ведь задолбал уже ломиться...

Стучали все ж таки слева. Облегченно выдохнув, я пошел на шум, благо недалеко. У нас тут, собственно, все недалеко. До любой точки не больше сорока секунд хода...

Стопки содранного мха чуть поблекли и светили уже не столь интенсивно, однако вполне позволяли разглядеть картину происходящего непотребства.

Разъяренный Илья макал одного из своих бойцов в мутную жижу под ногами.

– Приказ по отряду для кого был? Сцать в капсулу номер 288! А ты гаденыш, что творишь? Нам эту воду еще пить!

Мля... Я с трудом сдержался, чтобы не сплюнуть – гигиена нынче возведена в ранг религии. Потеть, сморкаться, испражняться – строго умеренно и в специально отведенных для этого местах. Экология замкнутого объема имела свою специфику. А «виртуал от амазонок» был на диво реалистичен. Бойцы, подхватившие какую-то разновидность дизентерийного вируса и теперь сидящие грустными орлами на капсулах отхожих мест – тому подтверждение.

Уловив виноватый и умоляющий взгляд парня – ну чисто котенок, тыкаемый носом в еще теплую кучу, – я решил немного сжульничать и заработать чуток дешевой популярности. Боец вроде как уже осознал свой косяк.

– Отставить, капрал! Слюней нам его еще не хватало. Отправь нарушителя в хоззвод, на фильтровку. Пусть через мох водичку давит да отстаивает.

Илья скривился:

– Работа для безногого инвалида! Пусть лучше капсулы дохлые таскает! Ой, извини, командир...

В покер он, что ли, играл? Ведь четко срисовал, как невольно искривилось мое лицо. Плюс неуверенное ковыляние на все еще отмороженных ходулях да повышенный процент экс-инвалидов в наших рядах. Правильный вывод сделать не трудно.

Эх... Гоню ведь от себя мысли о прошлом – иначе сломаюсь. Знаю я свою психику, прошелся однажды по краю. Но все же – как там ребята?

Кама, Алекс и Ярик... Парни без раздумий пошли под статью и стеной встали против толпы, даря мне секунды форы и не размышляя о высоком – стоит ли мизерный шанс на мое оздоровление их драгоценной шкуры...

Парни! Тварью буду! Коли выберусь из всего этого дерьмового будущего – на всю жизнь я ваш должник! Позовете или намекнете – сползу со смертного ложа и поползу на помощь, обдирая ногти о плиты морга!

Вы да четыре квадратных метра на кладбище, где среди ромашек белеет обелиск батиной могилы, – ценнее у меня ничего нет! Лина вот еще появилась... Просто в один миг стала кусочком моей души – не отрезать ее, не отнять. И из головы не выкинуть... Я знаю все ее чувства, дрожу от ее страхов и счастливо жмурюсь, когда она смеется. Наверное, это не любовь. Это... м-м-м... слияние? Одновременный оргазм, растянутый в бесконечность? Оттого очень ослабленный, но не лишаящий главного – абсолютного единения.

На мгновение прикрываю глаза, медленно вдыхаю воздух, сбрасывая напряжение и вытаскивая наружу заякоренное состояние покоя. Сам себе домашний психотерапевт...

– Пустое... В прошлом все. И, отвечая на твой вопрос – нет, капсулы пусть девчата таскают. Бойца – на давилку. Ну, чего стоишь, Кошак?! Пинка тебе дать для ускорения? Бегом!

Парень рванул, поднимая веер брызг и практически выходя на глиссирование. Дождавшись когда он удалится, я понизил голос и кивнул на зло кричащих девушек, вчетвером волокущих тяжеленный гроб битого стазис-модуля. Ярость от слабого пола так и прет раскаленной волной. Вот тут я точно теряю баллы популярности...

– Илья, напомни мне цель первого курса? Мы ведь истребители и операторы тяжелых ББС. Почему же мы гребемся в дерьме, а не осваиваем технику хер знает какого века?

Илья раздраженно пожал плечами – он не любил глупых риторических вопросов.

– Сказано же было – раскочка физических характеристик. Через пот и кровь, с абсолютной верой и пониманием – почему растет сила и объем бицухи.

– Верно, соображаешь. Зачем же тогда мешаешь нашим девушкам прокачивать характеристики? Здесь не реал, не стоит их оберегать от тяжелой работы. Этим ты навредишь либо им персонально, либо нам всем, если результат слабейших пойдет в общий зачет группы.

Муромец задумчиво почесал коротко бритый загривок, затем неохотно кивнул.

– Версия принимается за рабочую. Знаешь... Застоялся я что-то, пойду и сам балкой в стену подолблюсь. А то прокачаю своих хилаков в две дюжины Валуевых, они же меня потом и притопят в сортире...

Под размеренное «бум-бум» иду дальше, неторопливо обходя скромные владения «тринадцатой».

Вот скорчился под стеночкой один из технарей, с трудолюбием пожизненно заключенного стачивающий корявой железкой хитрый крепеж технического лючка. Что за ним – мы не знаем. Быть может, просто выход тестового разъема. А может, точка заправки нанитных цист. Хотя мечтается об инструментальном боксе или селф-ангаре исправного серва. Вскроем – увидим.

Вот парочка «собирателей» трудолюбиво отщипывает верхушки оранжевого мха. Верное средство для остановки кровотечений, а заодно довольно прилично бафает силу. Правда, с двойным откатом и случайными спецэффектами. В общем, гомеопатия последнего шанса.

Вот семеро неврастеников покачиваются в трансе, замороженно слушая монотонный шепот девочки из «Службы ПР». Несмотря на медикаментозную блокаду, далеко не все смогли сдержать панику и депрессию, осознав случившееся. Перенос в будущее, ки-модернизация, двухлетнее заточение в мир сырого и холодно постапокалипсиса.

Народ плющит и шатает. Настроение в группе прыгает от эйфории к глухой тоске, работоспособность и мотивация на низах. Капральскому звену видно чуть больше, чем остальным. Под зеленой полоской хитов бойца есть синяя полоса морали. У некоторых она подозрительно коротка и смещена по спектру в серо-черные тона.

Такие вот и направляются на эмоциональную перезагрузку к лучшей из девчат-психтеров. Катюша, она же – Кэт, в прошлом – большая любительница кошек, утверждавшая что легко находит общий язык и взаимопонимание с любыми животными. Теперь – верю. Человек, да еще в критических условиях, высокопримативен и живет в основном рефлексам.

Кэт справляется со всеми. Часовой сеанс восстанавливает мораль на треть, позволяя павшему духом бойцу дожидаться своей очереди на следующий сеанс.

Несколько ребят из «тринадцатой» у нас на особом контроле. Замкнувшиеся, ушедшие в себя, не поддающиеся терапии. Даже Катюша махнула на них рукой: «Тут нужен профи: пси-мастер, ментат либо полнофункциональный медкомплекс «Чистилище» как минимум шестого поколения. Пропустить бы их душу через астральные фильтры, сбросить

все настройки к дефолтным, исправить пожизненные травмы, якоря и вымести весь прочий психомусор...»

Так что сделать мы ничего не можем. Так... Прибодрить чуток, по плечу похлопать, подарить поцелуй самой красивой девушки отряда... Ну и внимательно следить, наблюдая со смешанным интересом, к чему приведет полное обнуление морали.

На случай сноса крыши рядом с «потухшими взглядом» всегда дежурит пара бойцов с примитивным оружием. Цинично? Зато рационально...

Заодно займем делом праздные мозги. Ибо людей у нас много, а мест приложения сил – гораздо меньше. Народ вон сдуру уже стенки простукивает. И, кстати, не безрезультатно. Тончайшие контуры отходящих в сторону дверей давно потерялись в наплывах грязи и сгнившей органики.

Коллективными усилиями вскрыли уже две крохотные комнатухи. Не сказать, что кладовки для швабр и тряпок – но объемы подходящие. Одна – бывшая станция подзарядки и саморемонта для медицинских сервов. Вторая назначения и вовсе непонятного – выгорела дотла от прошедшей сквозь переборку кумулятивной или плазменной струи. Умный морф-композит пробоину затянул, не оставляя нам дырочки для подсматривания.

На правах начальника отжал себе закопченную каюту под рабочий кабинет. Индекс обитаемости у нее повыше, причем сухо и нет вездесущего мха – не прижился он в стерильном боксе выгоревшего помещения.

Самозахватом туда же вселилась и Лина. В земном прошлом девушка явно была обделена своим жильем, так что тут у нее мгновенно включился режим гнездования. Вместо сорванной панели двери, нынче превратившейся в кривоватую столешницу, появилась довольно уютная занавеска, ловко сплетенная из подсушенных плетей мха.

Оплавленные кляксы на стенах прикрыли потрясающие голокартинки из невесть откуда взявшейся рекламной брошюры рубиновых пляжей Новой Гвинеи.

Вместо кроватей – персональные номерные капсулы, которые, к моему глубокому сожалению, никак не трансформировались в двуспальное семейное ложе...

Запрессованные в разнокалиберные емкости и тщательно подобранные комбинации цветного мха освещали каюту приятным радужным цветом.

Система оценила наши старания – Лине капнули персональные баллы на УК по статье «руководство обустройством полевого лагеря», а всем остальным пришла поздравительная рассылка о выполнении

необязательной миссии по созданию «малой рекреационной зоны». Теперь хиты в нашей комнатухе восстанавливались на десять процентов быстрее. Семейное гнездышко мигом превратилось в переполненный бюджетный санаторий.

Лина шипела и ругалась вполголоса, по-женски накапливая ярость и раздражение. Пару раз в день эмоциональное психо-цунами выплескивалось наружу, надолго выметая всех из помещения и позволяя нашей парочке спокойно отдохнуть в непривычном одиночестве.

Впрочем, второй каюте повезло еще меньше. Как единственное закрытое пространство ее, с единогласного и молчаливого решения коллектива, определили под «зал свиданок». И теперь тяжелый авианесущий крейсер «Марат» регулярно сотрясался от размеренных ахов и охов...

Преувеличиваю, конечно, но девочки из группы психологической разгрузки оказались теми еще гейшами, способными поддержать разговор, разрядить атмосферу шуткой, а в случае нужды – перевести успокаивающую беседу в горизонтальную плоскость.

Уж не знаю, такими ли они были по жизни либо прагматичные амазонки чуть подправили им инстинкты, однако стоило лишь поймать ее взгляд, улыбнуться и подмигнуть, как девушка мило краснела в ответ и вопросительно поднимала бровь. Хотя метод терапии девчата всегда подбирали сами. Не факт, что озабоченному бойцу обломится немного секса. Скорее всего, его лишь поощрительно потреплют по отрастающим волосам либо целомудренно чмокнут в щеку. Такой вот гипертрофированный материнский инстинкт, обволакивающий и скрепляющий все подразделение...

Девчата боевых специальностей в койку не торопились. Брезгливо кривили губы и внимательно осматривались – претендентов, причем отличного качества, прошедших строжайший отбор биореактором, хватало.

Наметилось несколько постоянных пар.

На Илью претендовала уверенная в себе миниатюрная брюнетка – единственная дама из тяжей. Уж не знаю, за какие скрытые заслуги система определила бывшую училку Татьяну в операторы ББС, однако ее холодный взгляд сбивал с шага самого разбитного мачо, включая говорливого Ару, слегка потерявшего свой шарм из-за полной и стопроцентной эпиляции.

Практически мгновенно сошлись два погонщика ботов пехотной поддержки. Ника и Николай. Их судьбы были столь же похожи, насколько созвучны их имена. Парочка читала мысли друг друга без всякой пси-связи.

Воспоминания накладывались, образуя странный винегрет. Они уже

сами не помнили, кто из них занимался дрессурой собак в питомнике, а кто бегал в сетевых игрушках за петовода. Кто обожал поковыряться в сдохшей технике, а рядом с кем наглухо зависший принтер вновь оживал и начинал работать от одного лишь нежного шлепка по корпусу. Все это навевало невеселые мысли о фиктивных воспоминаниях, наложенных предприимчивыми амазонками на пару подходящих разумов.

Завершив круг почета и убедившись, что служба поставлена и никто не филонит, я принялся за собственную задачу. Так же как и Илье, мне не хотелось отстать в прокачке от своих бойцов.

Поднатужившись, подхватил универсальный кирпичик нашей просторной тюрьмы – очередной битый бокс. Подтащил его к давно присмотренному месту, установил понадежней. С удовольствием отметил, что вполне способен в одиночку тягать стокилограммовую капсулу.

Еще несколько ходок, и импровизированная стремянка вознеслась на полутораметровую высоту.

Ну что ж, теперь легко дотянусь до потолка! Осторожно залез, подмигнув на ходу мумифицированному черепу, глядящему на меня сквозь мутный пластик лицевой крышки. К декорациям я равнодушен. Ну... почти... Ибо воняют...

Еще раз оглядел ровный пунктир небольших холмиков, виднеющихся под мшистой драпировкой. Что-то там определенно есть!

С трудом срезал толстый пласт желтоватой растительности. До такого мха мы еще не добирались... Если подсушить, то как минимум подойдет в качестве одеяла. Кликнул бойца, сбросил ему добычу. Кушайте, братцы, и заносите в каталог. А заодно сушите, перетирайте, выпаривайте, дистиллируйте и бог знает что еще делайте с несчастной флорой, однако выжмите из нового растения весь его потенциал!

На некогда белом потолке действительно выступал какой-то датчик. Закачанные в голову знания молчали – то ли слишком древняя техника, то ли просто чужая – производства РИ, а не косящих под легионеров потомков европейцев.

Присмотрелся – крепеж довольно понятный, на шести болтах с непривычным узором. Тоже придется повозиться, но все ж таки обошлось без фантастических примочек – магнитных захватов, наноклея, умной сварки, голосовых интерфейсов и тому подобного. Просто и прямолинейно, прямо как в наше время – бери отвертку да крути.

С отверткой, да еще не просто крестообразной, а усложненной до скошенного солнцеворота – беда. Поэтому прыгиваю вниз и, не отвечая на любопытные взгляды, неторопливо шлепаю по воде к нашей мастерской.

Внешняя вальяжность идет не от барства, а от желания сберечь энергетические ресурсы организма. На скудном подножном корме очень быстро входишь в экономический режим...

С удовольствием выхожу на сушу и долго ковыряюсь в отобранном железе, притворяющимся нашим инструментальным цехом.

Отобрав горсть обломков, вновь лезу на свое место. Вздыхаю и принимаюсь за долгую и нудную работу.

Уже через десять минут я, довольно лыбясь, выкручивал последний шуруп. Со времен схода крейсера со стапелей датчик явно меняли. И устанавливал его не педантичный серв корпорации «RoboBosh», а определенно наш Ванька-раздолбай! Один шуруп сорван с резьбы, еще пара недокручены. Мое сердечное спасибо неизвестному разгильдяю-монтажнику!

С такими мыслями я и рухнул вниз, когда мощная струя горячей воды выбила датчик из ослабленного крепежа и смыла меня с неустойчивого помоста.

На грохот падения и шум неведь откуда взявшегося водопада сбежалась половина группы. Илья осторожно подставил ладонь под парящую струю и довольно осклабился:

– О, тепленькая пошла! Живем, братва, – теперь не околеет!

Народ радостно загалдел – синяя, покрытая пупырышками кожа, постоянно бьющая тело дрожь утомили до невозможности.

Четко чувствующая мое настроение Лина не преминула подколоть:

– Чего сидим? Душ принимаем?

Я потер ушибленный бок, раздраженно зыркнул в сторону веселящейся подруги. Однако вид снизу открывался настолько умопомрачительный, что я мгновенно простил ей колкость. Тем более что девушка легко считала мои желания, отчего зарделась и одновременно разъярилась.

Пришлось отвести жадные глаза и прикрыть мозги зацикленной фоновой бубнилкой: «Мама сшила мне штаны из березовой коры...»

Тут мой взгляд зацепился за нечто новенькое в уже насквозь изученном антураже зала. Я протянул руку и с трудом отобрал у хищного мха довольно крупного светящегося слизняка. Огляделся и обнаружил еще с пяток его собратьев, скручивающихся кольцами толстых бубликов в непривычной для них ледяной воде.

Хм, еда? Типа белок, да?

Демонстрирую находку окружающим:

– Рыбу ловлю!

И быстро, пока не передумал, сую слизняка в рот и давлю жесткое тело зубами.

Чавк! Довольно прочная кожица лопается, рот наполняется густой комковатой субстанцией. Целую секунду мой разум тупит, считывая информацию с вкусовых рецепторов и пытаюсь понять – выплевывать или жевать дальше.

Вопрос решился выскочившим окошком информационного сообщения:

– Получено 7,2 грамма протеинов, 0,4 грамма жиров и 0,7 грамма кремния. Вредные вещества отфильтрованы. Нагрузка на системы ЖО: 8 %. Пища признана условно съедобной. Насыщение: 19 минут. Хиты: +2.

– Приложите усилия для увеличения рациона и перехода на менее канцерогенные виды продуктов. Не злоупотребляйте поеданием ксенофауны. Долгосрочные последствия могут быть непредсказуемыми!

Довольно кивнул, я усилием воли сдержал рвотный порыв – все ж таки на вкус оно не очень, словно замоченный в уксусе раскисший дождевой червяк. Потянулся к следующему светящемуся бублику.

Народ радостно загалдел и бросился в теплые струи душа, вылавливая валяющихся с верхней палубы слизняков. Впрочем, уже через секунду радостные вопли сменились проклятиями и рвотными позывами. Червяки пришлось по вкусу не всем...

Глава 8

ТАК «Марат». Резервный Командный Центр (работоспособность систем: 3,6 %, индекс обитаемости: 42 %). Установлен капчер-флаг Седьмой роты пси-снайперов.

Сержант Ливия Круз, занявшая по дуэльному праву должность командира, остервенело полировала условно чистой тряпкой контактную группу батареи своего импульсника.

Все пошло не так!

Узнать бы, в чью идиотскую голову пришла «гениальная» идея подселить больше полусотни самцов под крыло их «семерки»?! Не пожалела бы драгоценного БК – вlepила бы очередь на треть магазина! Твердыми боллами, отрисовывая аккуратными дырочками разлапистый вензель «Пси» на лбу у придурка!

Пси-снайпер в период «раскачки» беззащитен, как напарник мод-пса из группы К-9. Душа нараспашку, чувствительность всех органов искусственно раскачана на триста процентов, а блокировок и умения фильтровать эмоции – ноль целых хрен десятых. Гормональный шторм легко купируется имплантом, но вот за состояние собственной психики боец отвечает сам!

Это же диверсия какая-то! За сутки угробить результат трехгодичных тренировок! Какой там транс, какая «тонкая подстройка под вселенную», какая стрельба «в точку предполагаемого появления противника»?!

Рота уже потеряла три четверти боевого потенциала и способность пробиваться вверх по палубам. Более того, контролируемый «семеркой» объем сжимался, она все быстрее скатывалась вниз по топ-таблице учебки, а на Учетную Карту со злорадным перезвоном сыпались штрафные баллы. Того и гляди им снова, как на первом курсе, выдадут древние болтовые винтовки, а затем с позором спишут в презираемую колониальную пехоту...

Не помогало даже не дававшее ранее сбоя «слияние». Объединив потенциалы, девчата не сливались друг в друга, получая ощутимые буст-бонусы к характеристикам, а скорее наоборот – нащупывали разумом запавших в их души парней, ощущали их боль, частые смерти, а то и кое-чего похуже – страсть от спаривания с продажной самкой!

Пси-снайперши ярились, концентрация падала до околонулевых

величин, а точность огня сводилась к хаотическому разбросу кибертурелей третьего поколения – стрельба по азимуту, за горизонт, куда-то туда, на кого бог пошлет. Но то, что простительно КТ-3, с их шестиствольной спаркой и бездонным погребом боепитания, абсолютно неприемлемо для пси-снайперов, где высшим шиком считается выход на задание с единственной батареей для импульсника.

Ливия, незаметно для себя сползшая в медитативный транс, резко вздрогнула. Ее развернувшаяся парусом аура вновь зацепила выброс эманаций смерти. Столь знакомой ей рисунок мужской сигнатуры. Чертов Счастливчик!

«Тринадцатая» депрессовала. Самое обидное – что не беспричинно.

Вчера, во время корабельной ночи, группа потеряла двоих человек. Одна девушка-техник из хозвзвода, в последнее время все чаще срывающаяся на истерики, и один пилот с вечно тоскливыми глазами.

Легли в приветливо моргающие зелеными огнями капсулы, а наутро мы обнаружили обесточенные стальные гробы с разлагающимися внутри телами.

Теперь у наших ребят фобия – боятся спать в удобных ложементх. На словах соглашались, что дело тут не в технике, а в отрицательном балансе УК и чистке рядов от сломавшихся духовно – синяя полоска их морали давно отклонилась от нормы и завалилась в черный сектор. Может, у перманентно забаненных криво легли ментальные блоки или плохо прижился имплант, не позволяя полноценно исполнять предписанный функционал и контролировать уровень стресса. А может, зашкалила виртфобия – эту болячку в той или иной степени подхватили мы все.

Сашку – бывшего геймера и человека со специфическим чувством юмора, решившего попутать нас системными лагами, залипанием в структурах и прочим адским трешем первых ММО, били долго и с упоением, сбрасывая адреналин и мстя за собственные страхи.

Однако спали теперь бойцы исключительно на мху, да и общее настроение заметно просело. Мы ведь только начали вживаться в этот мир, почитая сырые внутренности «Марата» за свой дом. Однако вновь появилось некое божество, способное одним щелчком пальцев извлечь тебя из обустроенного быта и забросить в неизвестность, а то и вовсе в биореактор...

Вторая проблема частично вытекала из первой. Мох обдирали безжалостно, карательные и запретные меры последовали слишком поздно.

Растительной пищи становилось все меньше, содержание кислорода

стремительно падало, а углекислого газа возрастало. Индекс обитаемости неуклонно полз вниз. Вместе с ним сокращался и период нашего функционирования. Тридцать-сорок часов без лечебных травок и якобы белковой пищи – и вуаля, тащите в дальний угол очередной труп и не морщитесь от прелестей скоростного разложения.

Третье. Чит с теплым душем и питательными слизняками нам не закли. Побаловали денек, кое-кто даже не успел побороть отвращение к кремневым бубликам, а затем всевидящие админы виртполигона начали неспешно увеличивать градус рукотворного водопада.

Он и сейчас активно парил, постепенно превращая невеликую кубатуру нуболокации в филиал сауны. До реального кипятка дело еще не дошло, но уже через пару суток проблема станет критичной.

Ну и последнее. Неведомый противник, ломящийся в шлюз, оказался настойчивей, чем нам этого хотелось бы. Вязкая броня вспучилась уродливыми шишками, жгуты кевларового композита сдавались, лопааясь один за другим, словно гнилые наноканаты. Хотим мы того или нет, но битва с неведомой тварью становится все более неизбежной.

Сейчас я сидел на относительно сухом острове бесполезного хлама, поджав под себя опухшие от постоянного пребывания в горячей воде ноги, и задумчиво глядел в темное нутро нового зала.

Да, нам таки удалось выбить стальной лист переборки, перегрузив ударными нагрузками шов идеальной сварки. Поначалу затикал счетчик бонусов.

– Увеличение потенциально доступного ареала: +3 поинта на УК. (Для установки маркера принадлежности группы пробудьте в помещении десять минут в не боевом режиме.)

– Продувка обитаемого объема 342 кубами свежей кислородной смеси. Временное повышение индекса обитаемости на 0,14 единицы. Соответствующий буст-бонус к базовым характеристикам.

– Средний темп прогресса группы: 0,67 от нормали. Удвойте усилия на основных ключевых направлениях.

В тот момент я выругался. Ну не уроды?

Бросили, как слепых котят в озеро, мы барахтаемся как можем, а нам машут с берега глючным секундомером и обвиняют в асинхронности движений...

В темном проеме коридора стоял битый жизнью дроид санитарного кордона с полустершимся номером на борту.

– ...опасность заражения нанотерминатором! Доступ только в скафандрах с классом защиты 5+! Не приближаться! Получено разрешение на применение пассивных и нелетальных средств сдерживания! Внимание! Опасность заражения нано...

– Заткнись! – Муромец устало рыкнул на серва.

Я покосился на капрала – интерфейс опасливо обводил его тело розовой аурой тим-киллера. Впрочем, у меня точно такая же...

Силовой щит дроида мы продавили за десяток часов – реактор древнего робота давно требовал смены элементов питания, а емкость резервных аккумуляторов не бесконечна. Парни даже повеселились, бросаясь телом на призрачную пленку и отлетая назад от мягкого отеческого шлепка.

Вскоре щит перешел в мерцающий режим, а затем и вовсе мигнул и погас. Народ было радостно рванулся вовнутрь за невнятными ништяками, смутно виднеющимися в глубине помещения, однако серв оказался зубастым. Выдвинув раструб широкополосного парализатора, он за считанные секунды уложил всю нашу толпу на палубу. Кое-кому летально не повезло – упавшие лицом вниз банально захлебнулись в теплой водичке предбанника.

По-моему, робот на мгновение смутился и даже пробормотал нечто близкое к «Упс...». Однако гуманней карантинщик не стал – все так же бил и бил скупыми вспышками излучателя, вырубая засылаемых Муромцем одиночек.

Парализованных оттаскивали в сторону, давая возможность отлежаться, а заодно засекая время заморозки. Двадцать минут... Пятнадцать... Девять... Три... И вот, наконец, очередной боец поднялся уже сам, тряхнул головой, зло оскалился в ответ на повторный хилый разряд и, шагнув вперед, от души вмазал кулаком под левый нижний видеосенсор дроида.

Толку – ноль, да и кулак – в месиво, зато на душе – легко и приятно, а на Учетной Карточке – мотивирующий перезвон от упавшего персонального бонуса: «Настойчивому – воздастся».

Несмотря на сдерживающий рык Муромца: «Стоять, пехота!» – братва вновь ломанулась вперед. Сухое помещение, относительно свежий воздух, несколько полуистлевших тел вдоль стен, манящие богатым обвесом техногенной экипировки.

Далеко народ не ушел. Первыми свалились техники. Боевые наниты практически мгновенно перехватили контроль над лишь условно-армейскими моделями имплантов.

«Тяжи» успели осознать и прочувствовать происходящее. Фаерволлы их систем продержались достаточное время, чтобы сообщить об атаке своим операторам, оценить степень угрозы и сделать скорбные выводы. Импланты сами сожгли цепи управления оружием и обнулили номерные банки данных.

Шатающиеся люди бросились назад, спасаясь из зачумленного объема. Вновь обреченно заверещал дроид, стремясь перекрыть телом проход и растопыривая в стороны изломанные манипуляторы:

– Опасность инфильтрации носителей нанотерминатора в стерильную зону!!! Принять меры к предотвращению! Угроза высшей категории! Мобилизую всех военнообязанных! Полномочия подтверждены приказом Совета, цифровая сигнатура сброшена на все устройства по аварийному каналу, подтвержден прием на четыреста девять устройств!

Мигнувшее окошко аларм-квеста подтвердило правоту дроида. Оно же плюс прямой приказ и нежелание превращать нашу базу в кладбище зараженных тел бросили нас вперед.

– Стоять! Замерьте! Не разносите заразу!

Тщетно! Разума в глазах парней осталось немного, в основном лишь ужас пожираемого изнутри существа. Наверное, это действительно страшно...

Я, Муром, Лина и еще тройка наиболее дисциплинированных бойцов – против двух десятков обезумевших «тяжей». Мы встретились на границе коридора. С трудом сдержали первый панический натиск и зло зарубились на узкой площадке у рукотворного пролома.

Дроид помогал как мог – сбивал людей на палубу и беспощадно давил и корежил хрупкие тела.

Стараясь не смотреть парням в глаза – больше всего я опасался увидеть там непонимание и обиду, – я активно работал всеми ударными поверхностями тела.

Имплант чертил пространство росчерками наиболее эффективных ударов и эффектных точек поражения. Основанием ладони вбить переносицу в мозг, тычком пальцев разбить гортань, стопой по упавшему, в основание черепа.

Изделие неведомых инженеров РИ обладало колоссальной скоростью вычислений, успевая не только руководить моими действиями, но и мониторить окружающую обстановку, вплоть до расчетов траекторий падения противников и рекомендаций по правке векторов их движения.

Тут – легкий толчок в спину – и тогда неуклюжий «тяж» непременно завалится лицом на хищный клык рваной стали.

А вот тут – пинок в опорную ногу, сбивая несчастного под универсальное шасси дроида. Хрустнуло, плеснуло горячей кровью. Невидимый админский арбитр засчитал мне добавочный балл за «грамотное тактическое взаимодействие в группе».

Таймер квеста отсчитывал секунды до повышения уровня опасности и провала задания. Нановорму требовалось некоторое время для освоения ресурсов захваченного тела и накопления критической штурм-массы для очередного рывка к свежему носителю.

Мы успели. Кроша лица друзей и получая сомнительные поинты «за победу в неравной схватке», мы закончили бой в нашу пользу, красочным «хэдшотом» в исполнении Лины. Стальной трубой, м-да.

Утирая с лица чужие мозги, я смотрел, как карантинный дроид спешно оттаскивает последнее тело в глубь помещения.

Под поощрительное позвякивание награды за выполненный квест я оглянулся на свое невеликое войско. Опа... Картина маслом. Охреневшие остатки «тринадцатой» нервно тискают в руках первобытный инструмент и готовятся подороже продать свои жизни.

Еще бы, только что, на их глазах, озверевшее офицерье вырезало подчистую всю десантную секцию группы. Кто следующий? Ясное дело, что они!

Я устало присел на кучу хлама, опустил в воду дрожащие руки с разбитыми костяшками. Имплант неторопливо чистил кровь от адреналина, не желая перенапрягать фильтры и не спеша снижать степень угрозы окружающей среды.

– Вольно, бойцы. Раньше надо было за оружие хвататься, когда командиры стояли в проходе аки спартанцы, не пуская зараженных нанитами придурков в ваш теплый сортир. Выговор вам, с занесением в грудную клетку! Штрафные баллы за безынициативность разделите сами, по совести...

Угу, вот он, кнут командирского интерфейса. Карать и поощрять. В минорных пределах, скорее больше похожих на фикцию, но все же достаточных для подтверждения статуса.

Муромец добавил агрессивного рыка:

– Чего стоим, кого ждем? По местам несения службы – кругом – марш! И не кашлять мне тут, Чапай думать будет. Так, командир?

Это уже мне. Мол, раз такой умный, то будь добр – соответствуй. А то смотри, как братва нервничает, могут ведь и на пики поднять. Одним ротным меньше, одним больше, кто там заметит?

Понимающе скалюсь в ответ – не борзей, заместитель. Акелла еще

не промахнулся.

Народ, оглядываясь, расползся по ударным стройкам отсека – пилить петли технических лючков, ковыряться проволочками в решетках, строить рычаг для взлома очередной микрокаюты, поливать водичкой пласты культивируемого мха и вести прочую хозяйственно необходимую деятельность.

Я же завел монотонную беседу с дроидом, слегка проникшемся к нам доверием, но по-прежнему не способному помочь. Говорящий техногенный забор с ядерным реактором, не более.

Как уничтожить нанитов?

Дроид охотно озвучил сорок семь известных ему способов, из которых условно реализуемы лишь запредельные температуры. Пустить в отсек вакуум или выжечь плазмой. Дроид готов раскатать собственный реактор, с одной ремаркой – доступ в карантинную зону будет невозможен в течение девяти лет после начала неуправляемой реакции деления ядер.

М-да, вариант так себе... Я люблю долгосрочное планирование, но не в пределах же тюремной камеры?

Каков функционал зараженного помещения?

Ответ мутен: «седьмой радиальный эвак-коридор девяносто третей палубы». На данный момент – заблокирован контрабордажными переборками. Кубатура... Статус систем... Смежные помещения...

Интересно, но пока недоступно.

Вздыхаю – командирский гений проявить не удалось. Остается надеется на традиционную неубиваемость российской армейской техники.

Под ироничным взглядом Муромца встаю с места. Медленно приближаюсь к темному зеву прохода. Дроид вновь начинает кудахтать встревоженной курицей:

– Опасность!..

– Заткнись! – рываем уже синхронно. Я лишь добавляю смягчающее: – Инспекция старшего по званию. В целях определения степени угрозы.

Ну чего не ляпнешь, дабы не получить разряд парализатора в нервный узел солнечного сплетения. Аккумулятор серва уже давно подзарядился, а короткий ствол оружия нервно отслеживает все мои движения.

Шаг... Еще шаг... Рамка интерфейса постепенно уходит в тревожный красный сектор – имплант анализирует ситуацию, и происходящее ему не нравится.

Аналитический модуль «Касандра» все настойчивей бубнит прямо в ухо:

– Косвенные признаки применения нанотерминатора... Входящий сигнал по аварийному каналу... Сигнатура опознавания: медицинский сервер номер... Выделение закрытого кластера для информационного обмена... Получен запрет на посещение зараженного объема... Игнорирование – сервер не имеет легального статуса в ВКС Пятого Рима, перевод запрета в статус «рекомендации»... Получение права доступа к каналу телеметрии дроида... Косвенное подтверждение заражения помещения колониями нанитов: «Штурм-рой» – две активные цисты, «Кочевник» – одна циста, «Варяг» – шесть цист... Отключение телеметрии... Разрыв канала связи... Форматирование выделенного кластера...

Замираю, переваривая полученную информацию. Серв и Муромец также молчат – оба ждут развития событий. Мы уже отличаем обычный ступор от паузы во внешней деятельности в момент работы с интерфейсом импланта. Глупые шутки с временно тупящим телом давно приелись и возведены в ранг несмешных, за которые можно и вгрызться. Причем от всего коллектива сразу. Нужно ведь как-то сбрасывать нервное напряжение? Вот и не подставляйся...

Напрягаю мозг – прямое общение с псевдоинтеллектом не мой конек, формирую прямой запрос:

– Способен ли мой «Альфа-прим» противостоять вышеперечисленным нанитам?

Ответ заставляет задуматься:

– В случае скоординированной атаки фаервол импланта гарантирует от семидесяти двух секунд полноценной защиты при потере трех процентов активной массы «дефендеров». Затем – лавинообразное увеличение вероятности потери контроля над модулями.

Хм, а ведь приемлемо...

Внимательно всматриваюсь в темноту коридора, намечая маршрут движения для первого ознакомительного захода. Эдакий круг почета по периметру не такого уж большого помещения. Двадцать секунд – рысцой, тридцать – на мародерку, двадцать – в запасе.

Закрываю глаза, даю им отдохнуть от тусклого освещения, заодно выкручивая на максимум светочувствительность рецепторов. Я не киборг, но кое-что могу.

За спиной движение – Муромец уже все понял и хищно подобрался, готовясь подстраховать или добить. По ком-интерфейсу полетел веер

приказов – капрал призывает вялых и слегка обиженных «тяжей» на помощь. Посмертный дебаф чуть вяжет им руки, но дюжина против одного – это явный перебор. Математика рулит, а боги любят большие батальоны.

Все так же, не открывая глаз, негромко декларирую свои намерения. Кому надо, услышат.

– Я в «зону». Имплант гарантирует семьдесят две секунды неуязвимости. Дальше – с риском. Если подцеплю ворма – в обитаемый объем не потащу. Но если защита выдержит – вы уж меня обратно не отпихивайте, проявите толику доверия.

Муромец медлит нестерпимо долго, затем коротко рапортует глифом: «ОК». Бурчит:

– В глаза мне только глянь перед выходом, хочу в них разум увидеть, а не панику...

Зеркалю глифами: «ОК», «Роджер»...

Приоткрываю глаза, взгляд хищника – четко вперед. Стартую, чуть пригнувшись, легкой рысцой.

Влажный ковер незнакомого мха, под ногами чавкают синими кляксами многочисленные ягоды. На ходу срываю пару штук, закидываю в рот. Вкуса не чувствую, логи не смотрю – все потом!

Спотыкаюсь о центральный несущий рельс – в свое время по коридору мог бегать экономичный и вместительный вагончик на магнитной подушке.

На секунду сбиваюсь с бега на позорную рысцу на четырех конечностях. Однако нет худа без добра – горсть вырванного мха отправляется в висящую на поясе кривоватую котомку-мародерку.

По подсказке интерфейса не дышу – нефиг инфицировать в организм лишние кубометры зараженного воздуха. Наниты, конечно, и так найдут путь-дорожку, и лучше не думать, на каких периферийных участках моего тела сейчас идет сражение с пришлыми варягами и штурмовиками. Вон как свербит и покалывает в самых неудачных местах...

Таймер гарантированной защиты скачет в такт локальным победам и поражениям, то пугая, то обнадеживая.

Помещение почти пустое. Коридор – он и есть коридор. Тела трех неудачников вдоль стен да окутанная мхом туша дохлого дроида ксеноморфных форм. В голове сквозная дыра с кулак размером, одна часть твари оплавлена до неестественно гладких форм. Добычи с него будет немного...

Двадцать три секунды. Чуть выбиваюсь из графика. Любопытство – оно не только кошку сгубило...

Склоняюсь над крайним телом, заодно ощущая на себе напряженные взгляды товарищей. Тревога – в основном от Лины, толика восхищения – от совсем молодых пацанов и девчат. Однако хватает зависти и тяжелых мыслей формата «чтоб у тебя нога в расщелине застряла»... Ну да, обидок народ затаил немало...

Имплант выделяет пару процентов ресурсов на сканирование погибшего бойца. Интерфейс подсвечивает знаки различия на форменной куртке, эмблему принадлежности, наиболее интересные предметы экипировки, а также их крепеж и всплывающие подсказки по скоростному грабежу.

Офицер-безопасник внутрикорабельной СБ. В жесткой открытой кобуре тяжелая реплика «ТТ-плазма» в эргономичном исполнении. Кармашки для дополнительных батарей и обойм с рабочим телом для генерации плазменного потока пусты.

Пострелял где-то братишка. Да и самому неслабо прилетело. Костяк, начисто обглоданный жадной до органики флорой, в десятке мест перфорирован аккуратными двухмиллиметровыми дырочками. Рейлган работал, ротного либо стационарного калибра.

Прости, парень...

Резким ударом ноги разбиваю хрупкий пазл позвоночника, срываю широкий офицерский ремень с ништяками. «Неубиваемый» планшет, все еще призывно помигивающий огоньком «стэнд-бая», статусный стэк-шокер, бокс «умной» аптечки и все та же кобура с личным оружием.

Отщелкиваю с куртки универсальный пасс-бэйдж. Хрен он работает без двухуровневой аутентификации, но не оставлять же?

Выгребаю из карманов мелочевку – пластинки стимуляторов «Ветер Тайги» и «Ночная Сила». Пачка сигарет «Кронос наш!», заряженных, судя по оранжевому стикеру, чем-то тяжелым из списка условно-разрешенного.

В голове тревожно звенит зуммер – от выделенного на данный этап времени осталось пять секунд.

Морщусь, вновь мысленно извиняюсь, вытряхиваю кости из мягких, ничуть не пострадавших ботинок. Класс бронирования – 3, размер модифицируемый: 38–44, шесть заложенных цветовых схем, морф-подошва, сопротивление на давление и излом – семьсот кэгэ, дышащий антибактерицидный материал.

Вещь в себе! Просто рарный артефакт! Можно хамелеоном бегать по жидкой лаве, оставляя следы вероятного противника. Правда – недолго, хех...

Мчусь назад. Как и было уговорено, на ходу подмигиваю Муромцу,

с трудом удерживаясь от желания показать еще и язык. Своим триумфом бравировать не надо – он должен быть закономерен, незыблем и ожидаем. На том и стоим!

Киваю на одобрительный гул, игнорирую фальшивые и льстивые нотки. Усаживаюсь на кочку, демонстративно скидываю кастомные обмотки и натягиваю на ноги трофейные «Скороходы». А ведь покойный офицер был пижоном, отдать двухнедельное жалованье за ботинки – это почти диагноз. Впрочем, спасибо ему с низким поклоном. С меня – комфортная могилка головой на восток.

Встаю, подпоясываюсь ремнем. Игнорирую завистливые взгляды. Кому надо – пусть сам сходит и возьмет. Впрочем, в коллективе главное математическое действие – это деление. Нужно поделить часть ништяков.

Достаю сигареты, эффектным щелчком пальца выбиваю тонкую коричневую палочку, безразличным голосом интересуюсь:

– Ну что, мужики, покурим?

Глава 9

Курнули мы от души. Неведомая дурь ударила по мозгам самым коварным образом – отключая опорный аппарат и награждая невиданной ясностью мышления, уже позабытой было в жаркой, ядовитой и низкокислородной атмосфере нуболокации. Всякий, кто покорял семитысячники или просыпался с угрюмого бодуна, знает это тяжелое состояние свинцовой головы и чугунных мыслей.

Балдея в уютном ложементе капсулы и с гневом отвергая предложение импланта почистить мне кровь, я четко понимал, сколько же косяков мы упоролы из-за того, что мозги работают в треть силы.

Вот оно, коварство низкого индекса обитаемости! Высокая утомляемость, общий тупизм, износ модулей жизнеобеспечения, короткий срок жизни... Мы ведьдохнем чуть ли не каждые сутки!

Я скрипнул зубами – спасибо, урок усвоен. Повышение ИО теперь становится задачей высшего приоритета. Наравне с первичными целями учебки – выживанием, саморазвитием и постоянным движением вперед-наверх, к летным палубам.

Рядом едва слышно рвало Лину. Излишний туман в мозгах и болезненное возбуждение психики, вызванные отравлением двуокисью углерода, временно сошли на нет. И теперь краем сознания я ловил жуткие картинки, всплывающие в голове девушки – разбитые стальной трубой черепа, смятые лица, вылетающие от удара в затылок глазные яблоки.

М-дя... Что-то и у меня подкатил ком к горлу...

Конечно, вокруг игра, но разум все меньше признает этот факт, а чувства и вовсе игнорируют. Не к чему придраться, не за что зацепиться. Виртреальность идеальна, разве что излишне болезненна. Ироничное «спасибо» тремстам процентам проводимости нервов. Прыщик выдавить – уже подвиг...

К тому же, учитывая злой юмор амазонок, никогда не знаешь, где ты и кто ты. Игры с разумом достигли абсолютно циничных величин...

Вокруг рыдали и хлюпали носами бойцы. Неожиданная психологическая разгрузка и пробой завесы медикаментозной терапии вновь оголил весь ужас нашего положения, напоминая о потерянных семьях, отобранных любимых людях, бесконечно далеком доме...

Воспользовавшись временным просветлением, я загнал рефлексии в дальний угол и спешно просчитывал варианты развития ситуации. Лишь

частью сознания я думал о личном.

Лина...

Кто она мне? Безбашенная мужененавистница? Или просто член экипажа, насильно привязанная к чужой ауре, но готовая без раздумий отдать за меня жизнь? Я ведь чувствую это. Впрочем, я и сам был готов вписаться до крайней черты за свою навязанную судьбой половину. Просто невозможно уклониться от боя, оставив врагу половину СЕБЯ...

Два капитана на одном корабле... Патриархальный волчонок, воспитанный вожаком, и феминистическая самка-одиночка, зло обиженная шакалами. Куда мы приведем наше судно?

Эй, одинокая скала в океане, не миновать нам тебя! Точи клыки солеными волнами, мы идем!

Дальше мысли начали свой хоровод вокруг извечного «кто виноват и что делать». Вообще, виноватить кого-то смысла нет. Решение принимал сам, на риски шел осознанно, перекладывать ответственность на мифического «дядю» – глупо, непродуктивно и не по-мужски.

А вот по поводу «что делать» – простор для фантазии. Судя по медленно вскрывающимся локациям и ништякам, виртуальный полигон сохранил неизменный костяк древнейших игр ММО.

Способы прокачки и прогресса остались прежними, лишь укутавшись в яркие фантики реалистичности:

- Собираательство – первые шаги нубов и обязательное развитие крафтеров: мох под ногами, техномусор, разборка монолитных предметов.

- Китайский монотонный фарм – рутинные многочасовые действия с предсказуемым результатом: спиливание замков с люков, взлом дверей, продавливание стен. Тупая математика человеко-часов, помноженная на ехидный оскал рэндома.

- Наблюдательность и нестандартные действия – эдакие секретные бонусы уровней: та же дыра в зону теплообменника, с ее слизняками и потеплением до уровня комфорта. Временным, ага...

- Квесты, коммуникация с персонажами. Пример: дроид со своими задачами. Причем на контакт он пошел скорее от безысходности, только лишь после полного разряда батарей. Пока что он единственное полуживое создание, худо-бедно отвечающее на наши вопросы. Одно задание я уже выполнил, баллы на учетку упали честные. Стоит его еще потребить. Уверен, квесты на зачистку наночист он выдаст с удовольствием, вот только одним пистолетом такие вопросы не решаются...

- Ну и боевка, куда ж без нее. Чем сложнее драка, тем выше награда. Судя по неуклонно осыпающейся баррикаде около дальнего шлюза, замеса

долго ждать не придется. Оружие... Нам срочно нужно оружие!

В моем «ТТ-плазма» с потерянной звездой на рукояти – почти полный картридж сжиженного газа – рабочего тела для формирования плазменного облака. Однако сама батарея вычерпана под ноль, до расплава клемм и клина в приемнике.

Выковырял, конечно... Теперь вот технари торопливо разбирают всю доступную электронику в поисках живых элементов питания. Благо во флоте РИ все батареи стандартные – любой вольтаж и емкость просто собираются в пакетный блок из базовых «монеток». В «ТТ» стоит сборка из двадцати четырех киловольтных пластин, скрепленных жесткой клипсой-фиксатором.

Таймер отката систем фаерволла наконец-то обнулится, намекая, что пора идти на второй заход, добывать ништяки и порождать завистников. Отсюда и попытка массового группового забега вовнутрь зараженного периметра. Смерть – она хоть зла и болюча, но виртуальна. А вот добыча – статусна и осязаема.

Кстати, непонятно почему армейские импланты «тяжей» сдались за считанные секунды. До моей «Альфа-прим» им, конечно, далеко, но вскрываться в одно движение, как пульт от телевизора, – это уже перебор!

Задаю вопрос своему симбионту. От полученного ответа на мгновение немею, а затем ржу во весь голос, помимо воли тревожа и обижая плакальчиков в соседних капсулах.

– *Рекомендация по отряду. Сменить дефолтные пароли к админ-панели имплантов на уникальные. Заводская настройка «user:123456» – небезопасна!*

Отсмеявшись, на всякий случай проверяю свой пасс. Русский технарь обладал чувством юмора. Скромный пароль: «ХреН_ТеБе_а_не_Брутф0рс!!!111» гарантированно не взламывался лобовым перебором в течение ближайшей тысячи лет.

На всякий случай добавил еще пару единичек плюс активировал модуль трехступенчатой проверки: мое осознанное «добро» на подключение и рандомальная часть пароля, заданная тут же, по простенькой, но работающей схеме. К строке пароля добавляется число, выводимое из года моего рождения, деленного на сегодняшнюю дату.

Сигарета дотлела и погасла. Я задумчиво покрутил в руках короткий огрызок фильтра, переливающийся надписью-заманушкой: «Съешь меня! Содержание «таежной пыли» – 318 мг! Удвой приход!»

На этот раз имплант раздраженно рыкнул. Заодно вывел на передний

план соответствующие статьи дисциплинарного устава, к нарушению которых так стремился жадный до прозрения разум. Устав, правда, Российской Империи...

Это что ж получается, имплант сохранил как минимум часть родной прошивки? Ай, спасибо тебе, Добрый Доктор... Это ж как тельняшка ВДВ и шапка-ушанка среди доблестных американских морпехов. Палево несусветное!

Спешно залезаю в настройки своего нелегального симбионта.

Ага, на первый взгляд, не все так плохо. «Альфа-прим» опознавался как «дружественный» всеми системами, способными генерировать запрос «свой-чужой». Судя по логам, сорок девять лет назад он без возражений принял пакет служебной информации и влет прошел все сертификационные тесты. Затем рутинные проверки раз в год и терабайтный апдейт-патч две недели назад. Прямоком перед установкой. Однако...

Техник, выполнявший задание по интеграции штучного импланта в систему ВС Пятого Рима, схалтурил. А может, просто не нашел другого способа выполнить поставленную перед ним задачу.

Получив административный доступ к импланту, он просто указал союзный статус Системы и сменил место службы носителя на Вечный Город. Твердолобо, как перевод часового пояса в многострадальном Виндосе.

Внешне все в ажуре. А вот внутри кор-ядро импланта по-прежнему считало себя и своего оператора прикомандированным на периферию бойцом Флота Российской Империи. И сулило мне это невесть какие сюрпризы...

Невидимый арбитр решил, что мы залежались. Зуммер интерфейса зло рывкнул сиреной, информируя о списанных с УК баллах за курение в закрытом объеме. Вновь просел индекс обитаемости, причем значительно ниже, чем можно было ожидать от двух десятков сигарет. Дабы прониклись, нам организовали стремительное почернение и отмирание мха на уже давших дружные всходы плантациях. Мол, не вынесла нежная натура сорняка бирюзового дыма модифицированных кедровых шишек. Ну не гады?!

Резким сигналом аларма выдергиваю народ из сопливых грез. Подъем, бойцы! Родина-мачеха жаждет ваших подвигов!

Пинками разгоняю особо тормозных и борзых – доминировать приходится не только словом, но и делом. Недаром во всех древних армиях главным офицерским атрибутом был стэк – сигналы от болевых рецепторов

воспринимаются организмом гораздо четче, чем от слуховых.

Собираю вокруг себя капральскую команду, заодно приглашаю пару наиболее сообразительных ребят и одну девушку – будущее ядро штаба соединения.

Пока головы у всех относительно свежие, ставлю на штурм первоочередную задачу – разработать план победы над ломящимся в двери шлюза монстром.

За аксиому принимается, что каждый удар твари смертелен. Стонущий под нагрузкой бронекompозит ни у кого не вызывает желания опротестовать вводную. По верхним точкам вычисляем примерную высоту противника, по синхронным вмятинам – ширину размаха клешней, или чем он там так неукротимо долбится...

Задумчиво чешем короткие ежики отрастающих волос. Девушки – с сожалением – имидж солдата Джейн радует не всех, бывшие плешивые – с наслаждением.

Мощь и габариты твари напрягают. Что там? Вставший на дыбы танк Т-90? Отлитый из мифрила взбесившийся мамонт? Безумный морф, склеенный из сотни тел?

– Наблюдателя к шлюзу. Баррикаду разобрать, только добро попортит. Ждать первого разрыва в волокне композита! Я – на второй сталкерский забег по «Зоне». Буду через три минуты, а пока что, адово племя, думайте!

На этот раз бежалось значительно легче. Имплант успел создать 3D-карту помещения, наиболее темные участки синхронно дорисовывала графика интерфейса, подсказывая, где стены, углы, искрящиеся кабели или голодные клыки титановой арматуры.

Время пребывания в «горячей зоне» также увеличилось. Во-первых, на плане были отмечены все наросты агрессивных цист, включая эллипс подконтрольного их вормам пространства. Штурмовые наниты прикрывали пятиметровым колпаком гнезда диверсантов, а те, в свою очередь, могли гадить на солидной дистанции в три десятка шагов. Дальше уровень угрозы стремительно падал. Оранжевая подсветка переходила в желтую, что означало стопроцентную ликвидацию угрозы в случае нападения.

«Альфа-прим» вел меня замысловатым маршрутом, оценивая общую плотность наноловушки как «достаточную для периферийных объектов класса «В».

Имплант не нагел – в зоны тройного перекрытия колоний не подводил, уважительно подкрашивая бордовым цисты «Штурм-роя».

Мне прям-таки слышалось, как он бубнит вполголоса: «...солидно и на века... сразу видно – работа старых мастеров. Сейчас таких не делают,

утеряны технологии... штампуют килотоннами копеечных «Домовых» и «Баньши», да вот только толку-то с них... Ну ладно, ладно... Толк есть, но ведь грубо и топорно! То ли дело раньше! Шар цисты – размером с кулак! А уцерб – словно после прямого попадания болванки главного калибра линкора «Армавир»! А это, между прочим, двести килотонн в эквиваленте!»

На десяток секунд я задержался у помеченной маркером стены. По прогнозам импланта, именно здесь располагается аварийный бокс со средствами индивидуального спасения. На военных судах РИ такие щиты обязаны находиться в каждом отсеке. Стандартная комплектация на всех обитателей модуля плюс тридцать процентов резерва. Проходной коридор – это, конечно, не казармы абордажников, но хоть что-то там будет?!

«Альфа» уже измерил геометрию мха и прорисовал на моей сетчатке зеленый контур спас-бокса. Как назло, рядом пристроилась циста универсального «Варяга», способная атаковать и сдерживать значительно превосходящие силы противника. Правда, в предельно малом объеме и обычно лишь один раз. Никаких систем подзарядки, нанофабрик, средств маскировки и прочего лишнего блуда для слабаков. Ставка на один разрушительный удар. Ворм-камикадзе, привычно разменивающий себя по болезненному для противника счету. Снаряд – на танк. Самолет – на линкор. Ракету – на город-миллионник.

Мне повезло. «Варяг» не предназначен для длительной автономной работы. Его семейство – это инструмент оперативного воздействия на коммуникации противника.

Военные, конечно, предусмотрели и такой вариант развития событий – ворм подключился к корабельной сети питания и даже бросил резервный шнурок на клеммы еще теплых батарей техноразумного бота. Разархивировал матрицы форм и элементов, собрав из нанитов довольно удачную схему преобразователя энергии и продлив свою автономность до уважительных величин. Однако... Все это привело к потере размеров атакующего ядра.

«Альфа» осторожно отбил первый напор «Варяга», затем гораздо уверенней – второй и совсем уж пренебрежительно смел третью волну.

– Работаем по плану... – высветил имплант успокаивающим зеленым цветом.

Я молча кивнул. Вдыхать неотфильтрованный воздух по-прежнему не рекомендовалось. Пласты мха летели на палубу, открывая скудное нутро спас-бокса. Практически не глядя принялся сгребать добычу в сумку.

Регенеративные патроны, очищающие воздух от углекислого газа и выделяющие кислород. Очень полезно – будем повышать индекс обитаемости.

Пара сбруй персональных силовых щитов, способных на короткое время укутать оператора в непроницаемый для огня или вакуума кокон. Живы ли аккумуляторы?

Универсальная аптечка – добыча дельная. Пару раз откачает даже тяжелораненого.

Мертвая консоль корабельной связи.

Крохотный вывод пульта системы борьбы за живучесть отсека. Вот и все...

Удерживаюсь от разочарованного вздоха – оружия нет, батарей нет, полноценных скафов – тоже... Спасибо хоть, что все найденное – настоящее, а не декоративное, как пенопластовые багры и лопаты на пожарных щитах в некоторых воинских частях моего времени. Видать, нашли все же в будущем управу на ушлых прапорщиков...

Вновь бегу, резво перебирая ногами и зачерпывая на ходу пару гроздей ягод. Мало того что вкусные – вот реально первая съедобная хрень на этом ржавом корыте, так еще и полезные! Повышают адаптивность к окружающей среде на четыре процента!

Бережно сыпаю ягоды в нагрудный кармашек пончо-распашонки. Сей предмет кустарного ремесленничества, стесняясь, пылая лицом и от того бесконечно злясь, мне преподнесла Лина. Не забыла даже вышить цветной проволокой капральские сферы на шевроне. Умница девочка. Когда только успела?

Отдарюсь поцелуем в щечку и сладкими ягодами. Поцеловал бы крепче, да нельзя. Гормоны кипят, а Лина все чувствует. Вовремя отвернуться или присесть, закинув ногу на ногу, – не спасет...

Цель номер два – скрюченное тело около дальней стены. Имплант пищит, торопливо шаря сканером по затянутому мхом комбинезону, собирая информацию и определяя цели для мародерки.

Не дожидаясь результата, вновь разую несчастного. С обувью у нас совсем кисло. В основном мокрые обмотки а-ля портянки, прихваченные жгутами оптоволокну. Обнять и плакать. Уникальная смывка города и деревни...

На сей раз шузы попались беспонтовые – обычные безразмерные говнодавы для технического персонажа. Чаще всего одноразовые, для работы в агрессивной или фонящей среде. А такой на военном корабле – хоть укушайся.

Дальше уже четко следуя подсказкам «Альфы» – время поджигает. Снимаю пояс с универсальным мультитулом, гнездом мелких тестовых «тараканов» – маркер готовности сервов к работе – мертвенно черен, гражданским нейротиком и неуставным широкоэкранным планшетом. Имплант завистливо выводит необязательную инфу по девайсу:

– Имперский «Лис-4.7-браво», с псевдо-ИИ на программной основе. 256 сопроцессоров двенадцатого поколения, интеграция с памятью пользователя, собственная система пассивной защиты. Ограниченная партия в 9 миллионов экземпляров на весь обитаемый космос. Технология воспроизведения утеряна. Орбитальный завод на «Юноне» был уничтожен Второй Волной Роя. Взлом наличными средствами невозможен.

Последняя фраза заставляет утереть выступившие было слюни и сосредоточиться на мелкой мародерке.

М-да, очередной клиент, сидящий на стимуляторах. В карманах и аптечке целый фестиваль – майнд-бустеры, стресс-киллеры, ночной аэрозоль «Лошадиная Сила» и загадочные пилюли «Мордобой от дяди Васи». Похоже, что в будущем научились стимулировать любую часть физических или умственных характеристик. И те, кто не может позволить себе полноценный имплант, крепко подсаживаются на костыли фарм-индустрии.

На секунду я представил себе появление таких волшебных таблеток в реальности Земли. Кто откажется ощутимо качнуть интеллект перед экзаменом, мгновенно ускорить реакцию и укрепить мышцы при встрече со шпаной или поразить девушку в постели без нагружающих побочных эффектов? Ну, за исключением привыкания к читерству и опустошению кошелька...

Если не врут амазонки и когда-нибудь нас все же вернут домой, то гадам буду – забью отсек внутрисистемного грузовика сотней килотонн стимуляторов и осчастливлю Землю сомнительным даром.

Мчусь назад. На ходу позорно взвизгиваю и подпрыгиваю чуть ли не до потолка. Ощущения – словно раскаленной арматуринной ткнули в бедро.

Интерфейс флегматично информирует:

– Укус реакторной блохи. Потеря 19 % хитов. Парализация нервных волокон и необратимый спазм мышц в зоне поражения нейротоксином. Срочно примите меры к удалению внедренной личинки.

Лог импланта мгновенно взорвался паническими отчетами.

– Критическая нагрузка на системы БЗЖ... Ввод максимальных доз препаратов номер... Отсутствие отклика от НС поврежденной

конечности... Дублирующий контур... Ответ отрицательный...

Подволакивая мгновенно одеревеневшую ногу, резво хромаю на выход. Яростно матерюсь для опознавания – играть в гляделки мне некогда. Рыкаю на ошалевших бойцов, несущих службу на посту номер три:

– В стороны! Лыжню! Гребаных ваших амазонок вдоль и поперек, со всеми их блохами и спецэффектами!

Роняю свою задницу на сухое место, вытряхиваю из котомки добычу и хватаю подсвеченный «Альфой» мультитул. Выщелкиваю лезвие «вечного» ножа, благодарно киваю импланту – тот уже наложил на сетчатку изображение, исчеркав бедро снежинкой виртуальных линий. Именно по ним мне нужно рассекать плоть, дабы извлечь из мышцы стремительно развивающуюся личинку.

Страшно до седых волос. Однако ширять себя успокоительным не позволяю – я человек, а не робот! Также даю запрет на контроль микромоторики рук – сам, все сам! Ошибусь с глубиной разреза и вскрою артерию – сам себе деревянный Буратино.

Клинок не замечает преграды – пластает мясо, словно невесомую пену в ванной. Боли нет – нога уже не моя, а законная пища гадкой твари.

Мешает кровь, густо заливающая операционное поле. Лиана, мало что понимающая, но чувствующая, что «так надо!», садится рядом, бережно обнимает за плечи и, стащив с себя футболку, принимается аккуратно и монотонно промакивать рану.

Нервничаю, промахиваюсь и зазря режу плоть – не только я. Линка беззвучно рыдает, глаза ее полны слез, и иногда пропитавшаяся кровью тряпка елозит совсем не там где нужно. Мое сердце пропускает удар, имплант встревожено подгружает в оперативку модуль кардиоводителя, однако я лишь отмахиваюсь, счастливо жмурясь – движения девушки нежны и заботливы, эмоции сопереживания и тревоги захлестывают волнами. А ведь если любовь разложить на компоненты, то вот оно, бинго! Меня любят? Пусть даже неосознанно? А я?

Лезвие клинка с атомарной заточкой удивленно скрипит по чему-то неожиданно прочному. Нет, это не кость – та строгаются легко, без особого напряжения.

«Альфа» подсвечивает цель красным – личинка! Большим пальцем рисую на сенсорной панели мультитула пиктограмму магнитного пинцета. Интерфейс архаичный для своего времени, но удобный. Хитрая комбинация силовых полей позволяет жестко захватить сантиметровую тушку насекомого. Реакторная блоха живет в условиях предельно

агрессивных – жерло вулкана для нее не больше чем санаторий, так что броня у нее соответствующая.

Усиливаю давление на сенсор, превращая пинцет в тиски. Полумертвая батарея прибора предупредительно пищит – заряд на дне. Однако приказ выполняет, стремительно наращивая давление на рабочую поверхность. Сто килограмм на квадратный сантиметр... триста... семьсот... тонна... Чавк!

Тушка личинки лопается, в атмосфере коридора повисает зеленая взвесь. Все, кто не уберется от контакта, удивленно распахивают глаза:

– *Получен константный баф: +1 % сопротивления к ядам. Накопительный, вплоть до +15 %. Рисковый – возможна рандомальная интоксикация.*

У меня синхронно вспыхивает символ Учетной Карты:

– *Проведена полевая операция своими силами. Оценка: удовлетворительно. Получено: +5 баллов на УК, а также первый зачет по дисциплине «Медицина поля боя».*

Обессиленно привалившаяся к моему плечу Лина вздрогнула: прилетело и ей – за «ассистирование» плюс поощрительная нашивка за «помощь раненому товарищу».

Флегматичный Док присыпает мою рану сухим молотым мхом. Как установили мы методом «научного тыка», регенеративный эффект от этих травок нулевой, но вот кровотечение останавливает прямо на глазах.

Встаю, удерживая вес на здоровой ноге и стараясь не наваливаться на подпирающую меня Лину. Комментирую произошедшее:

– Агрессивная морф-фауна. ББСы нужны – край! Хотя бы простейшие, легкие. Предполагаю, что дальше будет еще тяжелей...

Оглядел присутствующих. Дисциплина в подразделении потихоньку начинает приживаться. Из лишних – всего десяток народу, и те тушуются под моим взглядом и спешно рассасываются в неясном свете ободранных мхов. Узрели часть экшена, ухватили баф на халаву – и то счастье.

Оглушенные нервы постепенно приходят в себя, начиная крутить тело болью. Разрешаю импланту чуть пригасить ощущения, до ста процентов от нормали. Чужого нам не надо, а вот свое, пусть даже боль, не отдам!

Скриплю зубами, кривлю губы, цежу в полголоса:

– Я передохну до следующего забега. Лут распределит Муромец. Медицину всю Доку, под расписку.

Вывалив остатки добра, я захромал в каюту. Лина по-прежнему вжималась под левое плечо, не желая вылезать из уютного полуобъятия.

Внутренний карман брюк оттягивала часть запыленных ништяков. Ну ведь должен же у меня быть свой командирский неприкосновенный фонд?!

Все, вот она – долгожданная койка. Линка, стоять!

Глава 10

Очнулся я от настойчивого стука в дверь каюты. Уже вошедшим в привычку движением мазнул взглядом по часам виртинтерфейса. Что за хрень?! Вместо положенных тридцати минут отдыха я проспал почти четыре часа. Иконка будильника деактивирована, текущий статус выставлен на агрессивное: «Не будить, горло вырву!»

Хренасе?! Это я сам сделал, на рефлексх, не желая разрушать очарование момента? Или имплант взял на себя повышенные обязательства и озаботился столь нужным мне отдыхом? Нервы-то не казенные и звенят уже как перетянутые струны. Точнее – звенели...

Терапия и впрямь вышла знатная. Ощущение – словно проснулся воскресным утром от ласкового солнечного лучика, осторожно заглянувшего в окно. Настрой – на миллион! А все почему?

Да потому, что на моей груди лежала белокурая головка Лины, уснувшей беззаботно и доверчиво, быть может, впервые за все это время... Словно милый котенок свернулся калачиком, одним своим теплом дарящий ощущение счастья...

Не удержавшись, я осторожно прикоснулся губами к бархатной коже ее щеки. Девушка улыбнулась во сне, подалась навстречу, доверчиво подставляя личико для ласки и плотнее забиваясь мне под бок.

Глаза живущего во мне волчонка опасно сверкнули. Его мокрый черный нос жадно втянул воздух, смакуя запах чистого женского тела. Любопытная мордаха потянулась вперед...

Лина вздрогнула, четко поймав образ, и шарахнулась назад, едва не упав с узкой койки.

Реакции у меня теперь как у пары Брюсов Ли. Легко подхватываю девушку за узкую талию, страхуя от падения и успокаивающе улыбаясь. Кожа ладони практически искрит – отстиранная от крови футболка все еще сушится, а жар голого тела подруги напрочь выносит мозг.

Забиваю волной своих инстинктов любые попытки осознанного сопротивления девушки. Уже уверенно притягиваю ее к себе и по-хозяйски тянусь к влажным приоткрывающимся губкам...

– Бум! Бум! Бум! Командир, проснись, твою дивизию! Монстр пробил броню шлюза, эту тварь уже видно в дыру! Взгляни – охренеешь!

Муромец, плазменную гранату тебе в очко! Такой кайф обломать!

Лина отпрянула и мгновенно закрылась ментальными щитами. Застать

ее врасплох, без привычной брони, прикрывающей душу, удалось лишь благодаря беззаботному сну на крепком плече. Сработали первичные инстинкты, без наносного треша разума. Глобальное ощущение безопасности, правильности происходящего и абсолютной уверенности в завтрашнем дне...

Как ты, девушка, ни оглушай мир звоном виртуальных яиц, внутри ты по-прежнему обычная баба, до ночных слез нуждающаяся в мужчине, с которым ты сможешь наконец расслабиться и почувствовать себя слабой Женщиной под надежной защитой...

С сожалением отпустив тонкий девичий стан – хрупким его не поворачивался назвать язык, сплошной каркас ка-модифицированных мышц и мизер жировой прослойки, исключительно в качестве аварийного топлива для организма, – я встал с койки.

– Открыто, Муром, заходи уже...

– Горло не вырвешь? – иронично поинтересовался здоровяк, протискиваясь вовнутрь и с любопытством стреляя взглядом на мгновенно покрасневшую Лину.

В крохотной каюте стало тесно.

– Еще не решил... – зыркнул я уже не очень добро.

Что за хрень, почему мир вечно проверяет меня на слабину? Это что, судьба вожака – по жизни доказывать свой ранг? Осаживать зарвавшихся, быть готовым ответить словом и делом за свои принципы и картину мира? Быть может, жизнь одинакова ко всем, просто большинство – изворотливей и пластичней? Подстраиваются, компромиссничают, сглаживают и избегают конфликтов?

Батя, как же рано ты ушел из жизни, лишь дав мне напоследок свой последний, главный урок...

На остатках раздражения тестирую «Альфу» приказом:

– *Удаленное подключение к импланту EK531245-т. Уплотнить на триста процентов слой наноброни воротниковой зоны. Да-да, за счет сужения диаметра шеи! Не хрен скалиться!*

– *Отказано в доступе. Подтвердите команду сигратурой административного доступа.*

– Отставить... – шепчу я уже в голос, с удовольствием наблюдая вытянувшееся лицо Муромца.

Наверное, его фаерволл сообщил оператору о креативной попытке удаленного удушения. Ибо не фиг!

– Пойдем уже... Будильник горластый... Покажешь своего монстра.

Встроенный радар интерфейса подсказал бойцам о приближении

командира, так что сачкующих застать не удалось. Народ демонстративно «крутил гайки», косясь в сторону изрядно сдавшей двери шлюза.

Броня явно доживала последние часы. Композитное волокно расплзлось, как гнилая мешковина, растянутые слои шли волнами, частично гася энергию мощных ударов.

Имплант мгновенно рассчитал предел прочности материала: два-три часа при текущей нагрузке. Я чертыхнулся – ну не вовремя меня в сон свалило, дел же – громадьё!

Муромец понял. Принялся деловито отчитываться:

– Грязевая ванна – готова. Сеть – продолжаем плести, наращиваем площадь и крепление узлов. Ударная балка – пробуем заточить, но со временем – полный алес капут. Канаты готовы, мудрим над потолочным крепежом. Личное оружие – совершенствуется. Пути отхода... Нет их... Люди – готовы драться, хотя умирать никому неохота – больно...

Я кивнул – все по плану. Только вот мало этого...

Приставленный к шлюзу наблюдатель отшатнулся от одной из дырок. Через мгновение створка содрогнулась от мощного удара и противно завибрировала гигантской мембраной.

– Девятнадцать секунд до следующего пинка, – зажимая уши, прокричал дежурный. – Силу копит, гад!

Мы спешно прильнули к прорехам в броне. Лопнувшие нити кевлара кололи и обжигали щеку – из-за многочисленных внутренних напряжений материал прогрелся градусов до шестидесяти.

– Здоровая тварь... – прошептал скорчившийся рядом Муром. – Кого только боги послали на нашу голову?

Я удивленно покосился на здоровяка – его имплант не распознал противника? Мой вот влегкую промаркировал цель. Блин, вновь придется палиться...

Зачитал выданную «Альфой» справку:

– Тяжелый контрабордажный бот «Краб», производства РИ, завод полного цикла «Нового Харькова». Класс: «поверхность». Задачи: мобильное ПВО ближнего радиуса действия, уничтожение вражеских объектов, высадившихся на внешний корпус судна, – десант, диверсы, наноцисты, техномодули наведения и подавления. Скорее всего, «Краб» подхватил ксено-вирус либо находится под внешним, паразитным управлением. Так, теперь вооружение...

– Время! – рывкнул наблюдатель за спиной и довольно бесцеремонно дернул меня за плечи.

– Бум! – броня вновь заходила ходуном.

Благодарно кивнув, я поправил воротник пончо и вновь приник к щели:

– Вооружение... – я продолжил, внимательно рассматривая приземистое тело боевого дрона, а стоящий рядом Муромец слушал меня как мессию, с полной верой к словам и подозрением в глазах. – Кассеты ПВО/ПРО – установлены, статус непонятен, но нам не угрожают. Рейлганная спарка крупняка – деформирован пакет стволов. Курсовой ИМП – разбит. У него вообще полморды разворочено, как только ориентируется в пространстве... Оборонительная турель правого борта – уничтожена. Левого – вроде живая. Кормовая – вне зоны обзора. Будем считать, что сохранилась. Состояние брони...

– Время!

Теперь уже я отпрянул сам. Пауза в несколько секунд, затем вновь подробный осмотр. Здорово же досталось этому боту...

– Рефлекторы силового щита и модуль «Зонтика» – визуально повреждены. Активная и дополнительная броня – не установлена. Противолозерное покрытие – выгорело на девяносто процентов. Заводской композитный набор – значительно поврежден. Наиболее уязвимые участки: правый борт на два и пять часов. Лобовая – кустарное добронирование подручными средствами – жить хочет, тварюка, бесполезняк туда бить...

Муром задумчиво поскреб короткий ежик отрастающих волос. Волосы в других местах нам были не положены – луковицы корней были удалены. Да и с головой не все так просто. Уверен – прическа не отрастет больше, чем это положено по уставу.

– Шанс на победу меньше двух процентов... – глухо протянул капрал, сверяясь с выводами аналитического блока импланта.

– Чуть больше семи, – поправил я. Мой «Альфа» оказался покреативней и лучше знал уязвимые точки «Краба». – Все равно мало. Размажет нас эта тварь по стенам и не заметит наших дубин и арматурных заточек. Что с батареями?

Вопрос критичный: удастся оживить моего «Тотоху» – получим еще «+9 %» к шансу на успех.

На третьего мертвяка в «Зоне» я уже особых надежд не возлагал. Имплант успел срисовать его шевроны и экипировку – грустно там все.

Мелкий девчачий скелетик, затянутый в белый халат младшего медперсонала. Из кармашка торчит световое перо, на груди – генератор активных феромонов. В сумочке-кенгурушке – косметичка мгновенного мэйк-апа, несколько видеокристаллов без серийных номеров – что, кстати,

незаконно. Ну и прочая девчачья мелочовка. Завалим дрона – будет наш слабый пол пищать от радости, получив новогодние подарки в этом сером мире постапа. Дело за малым – завалить...

Муромец покачал головой:

– Все железо мертвое. Похоже, что по залу прошли пучком жесткого электромагнитного излучения. Дышат только капсулы, там солидная экранировка и дополнительный канал внешнего питания. Он беспроводной. Откуда что берется – хрен поймешь. Мечта электрика...

Я скривился:

– Ясно, значит, остается только один вариант...

Капрал заинтересованно вскинул брови:

– Какой?

Не отвечая, я пошел в сторону карантинной «зоны». Охраняющий проход дрон предупреждающе открыл заслонку парализатора, но ствол на нас не направил – уже прогресс.

– Серв! Требую подчинения как старший по званию!

Рядом удивленно хрюкнул Муромец, следующий за мной, как тень инквизитора.

Карантинный бот безразлично парировал:

– Отклонено. Конфликт с приоритетной задачей.

– Твоя задача?

– Не допустить распространения нанотерминатора.

Я удовлетворенно кивнул.

– Ты можешь противостоять тяжелому ка-боту типа «Краб»?

– Степень боеготовности дрона? – деловито поинтересовался карантинщик.

Я не выдержал и рявкнул:

– Какая разница?! Двигаться может, манипуляторами машет, настроен агрессивно!

Чуть успокоившись и считав инфу, выданную имплантом, я ответил на вопрос:

– Больше двадцати трех процентов. Справишься?

– Ответ отрицательный.

Я собрал в кучу текущую аналитическую и ситуационную справку:

– Прими пакет по открытому каналу. Через два часа сюда ворвется хакнутый «Краб». Вопрос: что он будет делать после того, как раздавит нас?

Дрон думал недолго.

– С вероятностью в семьдесят процентов – подсадит мне вирус

техноразумных. Девятнадцать процентов – уничтожит. Шесть процентов – проигнорирует...

Я оскалился:

– И не надейся! Кто-то да ломанется искать спасения в твоём коридоре. А датчиков для обнаружения живой плоти у «Краба» не меньше дюжины. Найдёт, напорется на тебя. Дальше рассказывать?

– С вероятностью в...

– Заткнись! Короче! Имеем практически стопроцентную угрозу нарушения карантинной зоны, распространения вормов и увеличения поголовья техносов. Твои действия?

Дроид завис не меньше чем на минуту. Мигающая глифа инфообмена в интерфейсе сигнализировала о запрошенной и полученной дополнительной информации, находящейся в открытом доступе.

Наконец бот ожил. Голос его был скучен и почти безэмоционален. Он приготовился умирать. А личности, пусть даже программной, хочется жить не меньше, чем каждому из нас...

– Предоставляю ограниченный доступ к энергоячейкам. Цель: зарядка личного оружия капрала Павла Счастливого. Обязательное условие – перед вступлением в бой с «Крабом» уничтожить колонию нановормов. Требуется не менее десяти импульсов плазмы максимальной плотности на каждую цисту...

Соответствующее задание выскочило у меня перед глазами. С учетом импланта и «ТТ» система обвела его зеленой каймой: уровень сложности – легкий, награда минорна – улучшение отношений с медицинским дроидом и полный доступ к его потрохам.

Принимаю.

На грязном, некогда белом корпусе с едва слышным щелчком распахнулся служебный лючок.

– Один блок в сорок восемь элементов! – холодно предупредил серв. – Соблюдайте плавность движений, а также строго следуйте пересланной вам инструкции. Предупреждаю, в случае враждебных или несанкционированных действий я буду вынужден раскачать свой реактор до запуска неконтролируемой цепной реакции деления ядер!

Потянувшийся было к разъемам Муромец замер на полпути. Смахнув со лба выступившую каплю пота, он осторожно сдал назад.

– Пашка, давай-ка лучше ты... Инструкции эти, все дела... Не силен я в бюрократии.

Я молча кивнул, выводя на экран присланный файл. Тьфу, блин... Две строки, одна картинка. А понтов-то было – на учебник сопромата.

Главное – лишнего не хватать. Нервничает дроид...

Извлечение сборки прошло без приключений. Серв страдал, имплант сочувствовал, остальные усиленно потели.

Муромец раздражающе шептал на ухо:

– Рисковый ты, комэск! Ты хоть понимаешь, что дроид мог просто помножить нас всех на ноль? Нет живых – нет повода для вторжения «Краба»!

– Отспаунились бы через пять минут... – сдавленно отвечал я, осторожно отжимая клеммы крепежа.

– Ага, а потом снова сдохли бы! Ты у нас реально Счастливчик, все никак умереть не удосужишься, травками да моллюсками отлечиваешься. А то бы помнил – повторная смерть в суточном промежутке удваивает время возрождения. Я уже не говорю о побочных спецэффектах! Накрутил бы нам твой дроид счетчик по самые помидоры! Спаунились бы раз в неделю – по средам, остальное время – в виртуальном чистилище. А там предельно грустно и больно, должен я тебе сказать!

Я дернул щекой. Реально мой косяк!

– Ну ведь не помножил же? Да и был ли у нас выбор? Не он, так «Краб»! А против тяжелого дрона идти с голым хреном наперевес – шансы совсем кислые. Ты ведь сам говорил – два процента...

– А ты – семь!

– Без разницы! Все, отвянь! И не лезь под руку! Коротну случайно разъемы – от нас одни ботинки останутся. Мои. А твои пластиковые обмотки заламинируют горелые ступни...

Осторожно раскидав сборку на отдельные элементы, я прикинул текущий арсенал. Полученных батарей хватит на два энергоклипа для пистолета. Баллона рабочего тела – на четыре. Ресурса ствола – на порядок больше, даже при ведении огня в режиме максимальной мощности.

Следующие полчаса я выжигал плазмой колонии нанитов. Причем поначалу все шло гладко и рутинно скучно: занял позицию поустойчивей – пистолет мало чем отличается от импульсного движка, при интенсивной стрельбе неслабо нагружал отдачей. Прицелился с двадцати шагов, вдавил гашетку до упора и всаживал ослепляющие росчерки импульсов в середину пирамидки цисты.

Первая пара послушно стекла жидким металлом, теряя в сверхтемпературах упорядоченную структуру и молекулярную память.

Следующая тройка успела скоординироваться и бросилась в синхронную атаку. Причем, как я понял уже потом, ложную

и безнадежную. Пока я лучом максимальной расфокусировки жег агрессивную взвесь нанитов, неведь откуда взявшийся и зараженный программным паразитом серв выволакивал из отсека драгоценную колонию «Кочевника».

По тревожной подсказке «Альфы» я успел расстрелять лючок технического туннеля, клиня его наглухо. А затем еще минут десять гонялся за шустрим сервом, не желая расходовать лимитированный БК и портить работающую технику.

Загнав-таки его пинками в угол и выломав манипулятор с плазменной горелкой, я наступил сверху на плоский блин серва и аккуратно сжег «Кочевника», хранившего в себе фабрику репликации нанитов.

Затем сдвинул в сторону щиток внешней приборной панели робота и, клянув архаичным тумблером, обесточил зараженный механизм.

Устало присев рядом с сорокасантиметровой тушкой серва, я провел ревизию текущего состояния. Потери нанитов периферийного слоя защиты – сорок процентов, расход универсальной наномассы – девять процентов. Много, очень много.

Нет, если мне удастся отыскать иридиевый гвоздь и сгрызть его – это чуток поможет. Подойдет даже просто пучок проводов из редкоземов, но где ж его взять? Вокруг – сплошное оптоволокно четвертого поколения либо нематериальная эйр-проводка...

Задумчиво жую разноцветные ягоды.

Желтые сердечки – мы их прозвали «валентинки», как раз хороши от ожогов. Серв все же успел похлестать мне плазменной горелкой по конечностям. Чудо-ботиночки с трудом затягивают повреждения, а их ресурс просел сразу на треть.

Красные бусины – «клюква», только без косточек. Хиты восстанавливает, но скулы сводит – мама не горюй. Смесь неспелой хурмы и пасты васаби. М-да, жизнь – это боль. Даже лечение дискомфорта до невольных слез.

Компенсируя ущерб, игнорирую тревожные взгляды наблюдателей и в одно лицо высиживаю положенный таймер захвата территории.

Бурные фанфары римского марша на общем канале возвещают о расширении жилого ареала. Всем отсыпает чуток бонусов, и группа на мгновение выглядывает из задницы топовой таблицы, где мы постоянно находимся.

Лично для меня звенят персональные колокольчики. Сорок баллов на УК плюс гламурный бэйдж «И один в поле воин». Гордиться особо нечем. Как рассказывали девчата-пси-снайперы, за год службы у хорошего

бойца набегают с полсотни ачивок.

Даю отмашку группе мародерки – особо глазастым и внимательным, с чуткими пальцами карманников. Как ни странно, в их отряде больше половины девушек. Видать, чуйка на халявные ништяки у них врожденная...

Остальные бойцы продолжают готовиться к замесу. Лина с непосредственным женским любопытством теребит меня за рукав:

– Чё дали за захват? Колись!

Шлю ей скриншот, и моя навязанная половинка завистливо морщит носик:

– А у меня такой медальки нет!

Требовательный взгляд ребенка, у которого отобрали конфету.

Отмахиваюсь:

– Какие твои годы, будет!

Ответ, видимо, неправильный, волна показной обиды накрывает меня с головой, мешая решать текущие задачи. Отгораживаюсь слабеньким щитом, успеваю засечь легкое удивление. А ты думала! Я тоже не пальцем деланный! Учусь потихоньку.

Внимательно следивший за дезинфекцией дроид доволен и величественен. Голос его торжественно звенит – батареи больше не экономят.

– Моя миссия по защите периметра выполнена, как и твой долг по борьбе с техноразумной заразой! В случае завершения первичной задачи я должен вернуться к месту приписки либо, в случае невозможности, присоединиться к любой группе союзных войск. Я в твоём распоряжении, капрал Павел Счастливчик!

За спиной радостное оживление – группа заполучила первый боевой юнит! Однако имплант уже выдал наиболее рациональный метод использования полученного ресурса. Прирост шансов к успеху – девятнадцать процентов! Только вот запашок...

Тяну время, ищу варианты:

– Как предлагаешь тебя использовать в свете предстоящего боя с «Крабом»?

Дроид запнулся на секунду, затем с явной неохотой заговорил.

– Я не имею средств огневого воздействия на тяжелого армейского бота. Единственный вариант – самоподрыв реактора. Либо, если имеется желание сохранить жизнь разумных в сфере радиусом до пятидесяти метров, возможно нецелевое использование элементов энергоконтура. Мощность аннигиляции одной пластины аккумуляторного блока

эквивалента подрыву семи грамм универсального ВВ. Таких пластин у меня в сборке пятьсот двенадцать. Не очень много, но для создания нескольких зарядов – хватит...

– Ты можешь функционировать на одном лишь реакторе?

– Нет. Контур питания завязан на посредничество а-блока.

Я понимающе кивнул – и в наше время множество приборов можно подзарядить от сети, но никак не заставить работать напрямую от розетки. Разные виды, сила и частота напряжения.

– Ты уже отдал нам сорок восемь элементов. Значит, запас мощности есть. Сколько еще можно изъять без ущерба для твоего функционирования?

Робот недоверчиво уставился на меня оптическим сенсором. Затем выдвинул из корпуса еще какую-то приبلуду, провел более глубокое сканирование. Он что, меня на идиотизм проверяет?

Кстати, имплант тоже не одобряет излишний гуманизм. С намеком вывел график боевой эффективности группы и уже готов пересчитать наш индекс в зависимости от ответа дроида.

– Двойной запас прочности, как для любой боевой техники РИ... Из контура еще можно извлечь двести восемь дублирующих элементов. Вы... Вы хотите сохранить меня как боевую единицу? Я горд оказанной мне честью, но вынужден предупредить – время моей жизни в столкновении с «Крабом» будет исчисляться секундами.

– Хочу. И в бой не пущу. Ты мне еще пригодишься. В тебе же дурной мощи – как у «БелАЗа»! А мои парни задолбались пилить арматуру железяками, откручивать ржавые гайки пальцами и рвать композит голыми руками!

За спиной вновь многоголосый рокот – однозначно одобрительный. Народ реально устал. Истребители, блин... Впахиваем по двадцать часов на разрыв мышечных волокон и перегруз резервных систем. Качаемся, типа...

Следующие два часа пролетели незаметно. Производительность «отряда-13», усиленного лояльным и замотивированным сервом, увеличилась на порядок. Бот таскал, поднимал, затачивал, выдавливал двери еще не вскрытых кают. Все неспешно и медлительно, словно механическая игрушка на подсевших батарейках, но ведь работал!

Перспективы открывались великолепные – мы заполучили еще один нейротик, коллекционный абордажный тесак времен Первой Космической, дюжину аптечек и большую коробку полевых рационов для планетарных войск. Вкус брикетов – специфический, но в нашем положении они показали слаще амброзии! Ну и в довесок – куча бытового хлама. Один

пластиковый стул чего стоит! Королевский трон, да и только!

Серая постаповская жизнь засверкала красками надежды. Рейтинг отряда начал расти, сокращая отставание с предпоследней строкой таблицы. Жрать бы сублимат да радоваться, однако лица бойцов были напряжены – нам предстоял бой с «Крабом». Многие умрут, кое-кто – не по одному разу. А на смерть у парней аллергия... Виртуальное Чистилище не ограничено физикой реальности – познать там можно все оттенки боли, а их куда больше пятидесяти...

Ремесленники группы сворачивали из меди конусы оптимальных углов – подрывным зарядам мы пытались придать кумулятивные свойства.

Я распахнул по кармашкам разгрузки два запасных клипа к Тотохе и в очередной раз проверил работу силового скафандра, кустарно перепрошитого в режим фронтального щита. Плотность поля возросла в пять с лишним раз, в лобовой проекции прикрыты наиболее уязвимые части тела – конечности не в счет.

Защита смехотворна, но лучше, чем ничего. Если «Краб» сконцентрирует на мне работу хоть одной турели, щит продержится не дольше трех секунд. За это время я успею сделать шесть выстрелов с максимальной накачкой разряда.

Много это или мало? На дистанции кинжального огня облако плазмы прожигает стальной лист в семь миллиметров толщиной. Однако бронекомпозит – отнюдь не тривиальная сталь, и палить из ручного оружия имеет смысл только по внешним сенсорам либо по участкам с уже поврежденным покрытием.

Таков наш план. Четверо подрывников-камикадзе, один стрелок, пассивные ловушки и массовка с железом в руках. Сценка – охота на мамонта в недрах космического корабля...

Гадом буду – дам команду зарисовать охрой на переборках крейсера...

На общем канале коротко рявкнул аларм караульного с четвертого поста. Значит, пора. Створка шлюза доживает последние минуты.

– По местам! – активирую глифу зашифрованного алгоритма «Плана А».

Заранее расписанные команды веером рассылаются по подразделению. Вот она, работа штаба – подготовить сценарий предстоящего боя, включая резервные, опциональные и ответные варианты действий.

Импланты рядовых рапортуют иконками готовности, тактическая карта обеспечивает полный контроль над происходящим. Однако сейчас она будет мне только мешать.

Убираю с обзора все лишнее, оставляю лишь прицельную сетку да

десяток служебных мониторов на периферии интерфейса.

Нырять в свой грязевый окопчик на правом фланге. Мой второй номер, Лина, укрывает меня полотнищем мха. Сама устраивается неподалеку – небоевых единиц у нас нет, чем больше целей будет у дрона, тем выше шансы комбатантов нанести ему урон. Впрочем, имплант скептичен – система целеуказания «Краба» легко дифференцирует противников по степени угрозы.

Мы боремся – в руках девчат нейротики и макеты оружия, заботливо слепленные из подножного мусора – грязь, провода, трубки, металл и несколько живых батарей – совсем уж примитивной поделкой дроида не обмануть.

Все предельно рационально – слабейшие из нас выступают ложными целями, давая шанс самым сильным добежать до монстра и постучать по нему своими палками-копалками, а самым ловким и быстрым – прижать липкое основание заряда к бронированной туше.

Как лидер сообщества, построенного на авторитарной власти, беру на себя самую ответственную и опасную задачу – работа с единственным огнестрелом...

– Кра-а-а-к! – тяжелая крышка шлюза не выдержала тысячекратных точечных деформаций и лопнула под очередным ударом «Краба». Тот ведь тоже бил не просто так, наудачу, а в четко рассчитанные места, вызывая усталость и расслоение композита.

– Бой! – на общем канале вспыхнула просчитанная психологами и вшитая в подкорку наших мозгов глифа, мгновенно активирующая стресс-режим у организма.

Деформировавшийся люк шлюза вбило на нашу сторону могучим ударом. словно крышка гигантского котла, она позвенела по залу, снеся пару неудачников и придавив одного из бойцов в засаде. В командирском интерфейсе погасли первые маркеры.

Я лежал, не дыша и не поднимая головы, медленно варясь в почти кипящем вареве затопленного отсека и наблюдая за происходящим через импланты своих подчиненных.

«Краб» ворвался в помещение стремительно и величественно. На секунду замер, сканируя пространство и словно хвастаясь совершенством боевой машины. Почему созданное убивать всегда красиво? Хищные ножи и сабли, вороненые стволы огнестрела, величественная мощь бронетехники и обманчивая хрупкость истребителей. Вот почему так?

Дроиду изрядно досталось, что вполне логично. Для того чтобы

справиться с неповрежденным ботом, нам бы потребовалось полностью экипированная пехотная секция, причем экипированная не в какое-нибудь старье, а в штатные армейские ББСы либо их аналоги, отстающие от топа не более чем на пару поколений.

«Краб» – битый и горелый, оплавленный и дырявый – внушал ужас. Причем не только формально, но и вполне ощутимо – генераторы инфразвука дроид сохранил. А вот сенсоры верхней полусферы – нет.

Рухнувшая на монстра бадья с липкой грязью стала для него полной неожиданностью. Однако среагировал бот неприятно быстро. Поджав передние манипуляторы, он рванулся вперед, скребя брюхом по палубе и оmyвая сенсоры спрессованной скоростью водой.

Поднятую сеть «Краб» проигнорировал – его бортовому псевдоинтеллекту хватило нескольких миллисекунд, чтобы решить простенькую систему уравнений – прочность материала преграды не способна сковать манипуляторы и сколько-нибудь действенно снизить их подвижность.

Закрепленная под потолком балка сорвалась со стопоров и по пологой дуге качнулась навстречу боту. Мелькнувшая клешня сбила снаряд в сторону, лишая нас еще одной надежды.

– Навал! – глифа стилизованного цунами срывает бойцов в общую атаку.

Пошла потеха!

Скорость реакции дрона по-прежнему феноменальна – лагов в узоре движения не вижу. Скупое застучала турель левого борта, ожил незамеченный мной курсовой лазер.

Тяжелый бот рванулся вперед, расчищая пространство перед собой, легко обыгрывая в скорости медлительных людишек и закручивая спираль боя в выгодную для себя сторону.

Массовка настырно рвалась вперед, обреченно атакуя подставленный дроидом наименее пострадавший борт и отвлекая на себя средства наблюдения, огневого поражения и процессорные мощности.

На мгновение одна из титановых лап «Краба» оказалась в метре от замаскированного бойца с подрывным зарядом. Парень оказался инициативным и на долю секунды опередил рекомендацию общего тактического интерфейса.

Рывок! Мягкий самодельный конус, щедро измазанный «липучкой», четко касается бронированного шарнира сочленения и довольно прочно прихватывается к поверхности. Спасибо нашим алхимикам-экспериментаторам – клей из вываренных слизней просто великолепен!

«Краб» дергается, сносит свободной лапой голову героя, однако убрать конечность из-под удара не успевает – алгоритм движения как раз перенес на нее весь вес многотонной машины.

– Бум! – глухой подрыв, сильная вспышка и струя расплавленной меди насквозь прожигает подставившуюся лапу.

Бот делает смешное па, компенсируя потерю конечности и переключаясь на альтернативный драйвер движения. Резвости в нем резко убавилось, а вот ярость – возросла.

«Краб» почувствовал угрозу и перестал экономить ограниченные ресурсы. Активировались эффекторы фронтального щита, бодрее застучала скорострелка импульсника, слепящие всполохи лазера слились в единый смертельный жгут – дроид бил на расплав ствола, расходуя драгоценный хладагент и стремительно сажая батареи.

Восемь секунд боя. В строю – меньше половины личного состава. Боевая эффективность дроида просела на четыре процента – в основном за счет теоретического расхода БК, нагрузки на энергоконтур и перегрева стволов.

Имплант скрупулезно считает мегаватты растроченной энергии, мониторит температуру боевого робота в сотне точек, накладывает узор повреждений брони на трехмерную схему внутренней компоновки «Краба».

Из грязи поднялся еще один боец с миной-липучкой. Его голова залита кровью – похоже, что прилетело чем-то метательным, причем от своих же.

Бот реагирует мгновенно – конус подрывного заряда уже внесен в реестр первоочередных целей. «Краб» довольно неуклюже разворачивается, прикрываясь от опасности лобовым щитом и полосуя пространство расфокусированным лазером.

Тело бойца прикрыто силовым полем аварийного скафандра, что дарит ему лишние секунды жизни и уже серьезно отвлекает дроида. Парень ломится вперед, безжалостно расталкивая слепо мечущиеся живые факелы – результат работы широкополосного лазера.

Дроид не привык отдавать инициативу противнику. Высокопроизводительный ИИ тяжелого бота позволяет ему вести свою партию, играя на опережение и быстрее реагируя на изменения оперативной обстановки.

Стремительный, на пределе фиксации взглядом, удар передним манипулятором. Перегруженная защита не выдерживает, поле гаснет, и боец оказывается насаженным на стальное предплечье робота.

Фантазмагория... Жук наколол энтомолога на булавку...

Дублирующий второй номер погибшего подрывника бросается к упавшему в воду заряду.

Шансов у него нет, но мне это практически безразлично – я предельно сконцентрирован на выполнении собственной задачи. Управление боем передано «Альфе-прим».

Вскакиваю на ноги, с тела ручьями течет грязная, розоватая от крови вода. Мох укрывает плечи на манер плаща. Зрение сужено, как у атакующего хищника. Мне не нужен обзор на двести восемьдесят градусов – я не боюсь никого вокруг, мне требуется лишь максимальная четкость захвата цели.

Прицельная сетка комфортно наложена на поступающую в мозг картинку. Наиболее битый борт дроида удобно подставлен под выстрел. С моей стороны живых почти не осталось, и бот пометил направление как «условный тыл».

Имплант подсвечивает уязвимые точки – места поврежденного заводского набора брони. Ярко сверкает приоритетная цель – раскрошенная, покрытая мелкими трещинами пластина бронекompозита. Похоже, что на это место пришелся удар «фростера» с последующим кинетическим воздействием от того же импульсника, а может, и вовсе пулевого ротора.

Первые три выстрела делаю практически в тепличных условиях. Плазма уверенно раскалывает-плавит дефектную пластину. Почувствовавший новую опасность бот начинает разворот в мою сторону, пряча подбойный борт и стремясь захватить меня системами вооружения.

Синхронно стартую, двигаясь в противофазе и закручивая спираль, удерживая цель в прицельной сетке.

Мой имплант выгадывает секунды жизни – команды наивысшего приоритета веером разлетаются во все стороны.

Вот Илья виснет на лапе «Краба», сковывая бота на один удар сердца.

Вот Лина мчится вперед, словно молодая волчица, рвущаяся к цели. Финальный прыжок, и девушка вбивает свое тело между стволами импульсной спарки. Турель натужно гудит сервоприводами, но на лишние полсотни кило нагрузки не приспособлена. Бот вновь ломает рисунок движения, задействуя передние манипуляторы и смахивая мешающую плоть в воду.

Мое сердце тревожно сжимается – в ушах печально звенят колокольчики. Об этом никто не знает, но на все состояния Лины у меня забиты персональные оповещения, в том числе и на смерть...

Шух-шух-шух! «ТТ» работает как часы, дважды в секунду раскаляя

газ рабочего тела до состояния высокотемпературной плазмы и метая его в указанном стрелком направлении.

Разряды послушно ныряют в светящееся багровым нутро бота, порождая целые гейзеры дыма и пара, выбрасывая протуберанцы расплавленного металла и корежа нежные электронные потроха «Краба».

Имплант сверяется со схемой дроида и пытается предсказать текущую модель повреждений.

Почти наверняка накрылся резервный энергоконтур, короб БК левого борта вместе с системой боепитания. Вполне вероятно, что повреждены технические туннели и сервы саморемонта, блоки ПКО и активной маскировки, система средней связи и емкости для отработанного топлива. Если они не были пустыми, то в нашем «раю» скоро станет очень «жарко» – вплоть до отслаивающегося с костей мяса. Смерть от радиационного поражения очень неприглядна...

Шух-шух-шух! Имплант подкрашивает плазменные трассеры, смещая их цвет по желто-красной палитре. Чем темнее, тем меньше выстрелов осталось в «Тотохе». При должной практике я смогу влет определять текущее количество зарядов и даже тип расходника, подлежащий смене.

Боту откровенно плохо – он движется рывками, тушу сотрясает нервная дрожь, а под потолком клубится облако едкого дыма. Сквозь нагромождение боевого лога с трудом пробивается сообщение системы жизнеобеспечения – индекс обитаемости помещения упал ниже критических пятнадцати пунктов.

И все ж таки «Краб» еще быстр. Первичная цель уходит из сектора обстрела, и я перевожу огонь на следующий маркер. Пяток выстрелов расходуется практически впустую – бот умудряется прикрыть прореху в броне верхним манипулятором, предназначенным для ближнего боя и прочих задач гуманоидного профиля.

Зло расстреливаю уязвимые сочленения, не прикрытые зонтиком силового поля. Последнюю пару бордовых разрядов вгоняю в месиво из кипящего металла и керамики.

ТТ-плазма тревожно вибрирует в руке – требуется перезарядка!

Спешно начинаю двухсекундную процедуру – сжимаю рукоять, наблюдая, как пружина выбрасывает опустевшую энергоячейку. До щелчка вгоняю свежую батарею – последнюю.

Все это время с удивлением слежу за очередным маневром бота. Не выдержав кинжального огня в упор, тот пошел на рискованное действие – поджал лапы левого борта и завалился в кувырок, выводя из-под удара изувеченную бочину.

Растерянно провожая стволом вращающееся тело дроида, я не сразу осознал происходящее. И только счастливые крики оставшихся в живых бойцов помогли мне понять: хитрый брейк-данс на палубе – это не маневр уклонения, а тривиальная агония. Бот умирал... Растекшаяся по внутренностям плазма добралась-таки до системообразующих узлов и сделала свое черное дело.

Медленно опустив пистолет, я огляделся. Среди хаоса разрухи и нагромождения окровавленных тел отыскалось лишь четыре выживших бойца. Вместе со мной – пятеро. Пятеро из семидесяти. Мы прошлись по самому краю...

Глава 11

В соседнем помещении, где мы упрятали от греха подальше персональные капсулы, бодро запищала электроника и зазвучали тревожные голоса – пошел респаун первых погибших. Не всем было дано воскреснуть через минуту. Кое-кому придется провести в виртуальном чистилище пять, десять, а то и двадцать минут. Это больно... Очень больно... Беречь свою жизнь нас учат предельно жестко и максимально рационально.

Первым в главный зал влетел Макарка. С восторгом взглянув на меня – вот уж у кого не было сомнений в том, что «командир сделает «Краба» одной левой», он спешно бросился к поверженному боту.

Игнорируя еще скребущие по палубе конечности, мой техник запрыгнул на спину дроида и принялся неожиданно ловко распахивать какие-то эксплуатационные лючки, вскрывать боксы с навесным оборудованием и ЗИП-комплект, при этом воровато оглядываться и торопливо ныкать в безразмерных карманах различное барахло.

Я улыбнулся и поощрительно кивнул – Макарка лишнего не возьмет и на водку не сменяет. Если и схомячит что – то исключительно для дела.

Из-за угла осторожно выдвинулся тонкий щуп скрытого наблюдения. Это карантинный бот, нычковавший до времени в дальней каптерке, решил лично оценить поле боя. Победным воплям на общем канале он не очень-то доверял.

Несколько секунд наблюдения, затем санитарный дроид тревожно пискнул и, включив слепящую люстру мигалки, ломанулся вперед. Белая туша робота зависла над изломанным бойцом, получившим критическое ранение и уже списанным тактическим калькулятором в «обратимые потери». Лечить такие травмы нам было нечем.

Однако санбот считал иначе. Фронтальный щит сменил конфигурацию, превращаясь в нежные и заботливые ладони силового поля. Приподняв хрипящего и булькающего кровью бойца с вмятой до позвоночника грудиной, дроид бережно уложил его на развернутое полотнище операционного поля. Поджав шасси, бот и сам опустился брюхом в мелководье, при этом стремительно трансформируясь в нечто абсолютно не мобильное.

– ППГ ротного уровня... – восторженно прошептал стоящий рядом Медбрат, неведь как выживший в ивенте глобального замеса.

– Походно-Полевой Госпиталь? – на всякий случай уточнил я, спешно подгружая в оперативную память ТТХ вспомогательных частей армии РИ.

– Он самый. В Российской Империи вся техника определенных классов – двойного назначения и во время большой войны подлежит призыву для усиления иррегулярных частей. Так что карантинщик мирного времени в случае мобилизации вполне способен обеспечить медицинский саппорт как минимум роте ополченцев. А в случае низкой интенсивности конфликта – батальону. Успевай только менять картриджи с расходниками и ТВЭЛы в реакторном блоке.

Словно подтверждая его слова, над развернутым зеркальным шатром ППГ вспыхнула целая гирлянда инфо-глиф: «Идет операция!», «Аларм!», «Некомбатанты!», «Энергодефицит!», «Отсутствует линк связи со складами!».

Пробив завесу силового поля, наружу вырвался мелкий дроид-медбрат, до этого бережно хранимый в объемном чреве санбота. Эдакий стальной паучок, бликующий зелено-красным маячком санслужбы и сканирующий пространство чуткими сенсорами.

Высоко задирая лапки, он засеменял от тела к телу, диагностируя смерть или критическое ранение и ранжируя требующих внимания пациентов согласно тяжести травм.

Дважды негромко прошипел иньектор пневмошприца – паучок эвтанировал безнадежных бойцов.

Меня слегка передернуло от такой гуманности, и я спешно перефокусировал взгляд на внутренний интерфейс. Иконка системных сообщений призывно мигала, умоляя открыть мэйлбокс и насладиться выданными пряниками.

Мазнув глазами по пиктограмме письма, едва заметно напрягаю мозг, генерируя мыслекоманду-желание: «открыть». Интерфейс интуитивен – большинство действий выполняется через тривиальное «хочу...». Будь то: удалить, скопировать, просмотреть или прослушать. Вплоть до творческого «хочу развлечься». Имплант знает своего хозяина и сам предложит наиболее подходящие варианты – партию в сетевые шахматы, девочек по вызову, легальную дурь или билет на премьеру в нэйкед-театре.

Улыбка поневоле напозла на мое лицо – система оценила наш бой, пометив его темно-красным уровнем сложности «наймаре» и люто помножив заработанные баллы на бонусный коэффициент.

Окошки статусов и сообщений быстро заспамили весь видимый экран. Сориентировавшись по памяти, я нащупал за спиной кочку заготовленного для просушки мха и присел на ботанический мех. Серьезно работать

с интерфейсом лучше всего сидя или лежа, иначе посередине сессии можно навернуться лицом в палубу – мозг теряет координатную привязку к местности. То ли имплант еще окончательно не прижился, то ли сказывается космос и искусственная гравитация «Марата». А может, все гораздо проще – нужны время и тренировка.

Бегло пролистываю системные логи:

– *Бремя командира: вы втянули вверенное подразделение в безнадежный бой. Шансы на победу – 1:12. В случае поражения вам будут зачислены штрафные баллы согласно упрощенной формуле для нижнего комсостава: 10 % от суммарных санкций группы (при гибели всего отряда с УК будет списано 114 единиц).*

Мое сердце тревожно екнуло, хелс-монитор возмущенно пискнул, подсвечивая скакнувший показатель адреналина в крови.

Плакали бы мои капральские нашивки в случае поражения... Скатился бы на самое дно рейтинга, на должность младшего подметальщика.

Лихо амазонки отучают от бездумных лобовых атак! Тот, кто не имеет оперативного и тактического мышления, никогда не получит офицерскую комету на шеврон. Обделенные стратегическим разумом в жизни не пробьются в старший комсостав.

Как любезно подсказывает имплант – только для того, чтобы не уходить в минусы, нужно успешно завершать восемь миссий из девяти. В противном случае начнешь опускаться в званиях в связи с «несоответствием занимаемой должности». Естественно, главный армейский ИИ берет в расчет не только победы и не только атаки «толпой на одного».

Отделение смельчаков, прикрывающих отход основных сил, получит зачет по миссии, несмотря на статус «KIA» – «погиб на задании» и вроде как безумное соотношение «один к ста». Главное – польза для общего дела.

Качнув головой – на этот раз повезло, в будущем буду осторожней, я вновь зашелестел виртуальными страницами.

– *Получен зачет по вторичной дисциплине: «Базовое владение ручным плазменным оружием». Данные внесены на УК. Стандартные баллы за вторичную дисциплину базового уровня: +60.*

– *Получен зачет по первичной дисциплине альтернативной ветки развития: «Командование сводным подразделением в условиях реального боя». Данные внесены на УК. Стандартные баллы за первичную дисциплину базового уровня: +120.*

– Внимание! Набрано необходимое количество баллов для присвоения очередного звания: Мастер-капрал. Устанавливаем связь с младшим потоком ИИ «Ганнибал». Получено подтверждение, новый ранг утвержден.

– Поздравляем с очередной нашивкой! Многих тебе колец, мастер-капрал!

– Одномоментные потери личного состава превысили 25 % – рекомендуется отвод с линии боевого соприкосновения, восстановление штатной численности и морали группы.

– Одномоментные потери личного состава превысили 50 % – отряд признан небоеспособным! Безальтернативный приказ: «Вывести вверенное подразделение из боя. Разрешенные потери – до 10 % оставшегося ЛС».

– Одномоментные потери личного состава превысили 90 % – отряд условно уничтожен. Штрафные баллы командиру подразделения: –114. Штрафные баллы остальному командному составу: –25 поинтов.

– Приказ: «Вывести вверенное подразделение из боя» – провален. На УК начислены штрафные баллы: –30 единиц.

– Внимание! Недостаточная квалификация для поддержания текущего звания: мастер-капрал! Автоматическое понижение в звании, установка личного коэффициента опыта командира: 0,9.

Я лишь пожал плечами – привыкнуть к новому званию не успел, так что потери не ощутил.

Вообще, плотность событий и скорость изменения ситуативных вводных впечатляли. Мы, люди двадцать первого века, наивно считали себя перегруженными давлением массмедиа, рекламы, Интернета и прочим мусором, щедро льющимся в наши уши и головы.

Однако общий тренд сохранился и в будущем – с каждым столетием плотность инфопотока лишь возрастала и в двадцать восьмом веке достигла лицензированных Минздравом пяти терабайт в сутки для граждан категории «С» и «Д».

Привыкали мы к этому с трудом, все больше полагаясь на костыли импланта и по умолчанию принимая сгенерированные им варианты действий. Обработать входящие данные самому просто нереально.

К примеру, простейшее действие – беседа с подчиненным. Имплант мониторит десятки показателей – температуру и частоту дыхания оппонента, давление и пульс. Отслеживается направление взгляда, подсказывая, какая область мозга задействована в данный момент. Расшифровывается мелкая моторика, анализируются тембр речи

и интонации, сверяется сказанное по общим и персональным базам данных.

И все для того, чтобы подсвечивать диалоговый контур различными цветами – степень достоверности информации, уровень важности ее для собеседника, отношение к говорящему и к поступившим вводным...

А ведь есть еще и множество текущих процессов, бегущих в параллельных потоках, скидывающих отчеты и требующих реакции оператора. Есть контрмеры для диалога – отключение лицевых мимических мышц, сглаживание эмоциональной окраски.

Короче, современный мир – та еще информационная клоака...

От размышления меня отвлекла Лина. Девушка довольно жмурила красивые глазки, чуть подсвеченные изнутри активным ночным визором.

– Две медальки как с куста! «Давид и Голиаф» – за победу на «кошмарики» и «Сержант Сэйлор» – за самопожертвование, позволившее группе выполнить поставленную задачу! А у тебя?

Я проверил вкладку личного дела.

– «Сунь-цзы» – то же самое, что и твой «Голиаф», только для командира подразделения, плюс отрядный «Знак отличия» – за самую результативную стрельбу.

Лина поощрительно улыбнулась и осторожно провела ладонью по моей щеке. Ага, типа грязь стерла... Только я же чувствую все ее эмоции! Ураган на коротком поводке! Блин, где у нас отдельный кабинет?!

– Ты ж мой командир... – поощрительно и с ноткой гордости шепнула девушка.

Затем стрельнула глазами в сторону – поднимая волну, к нам спешил озабоченный Муром – и резко сменила амплуа. Надув губки, она капризно пожаловалась:

– У меня уже двести сорок капральских очков! Когда уже следующее звание дадут?

Я крепко пожал протянутую Муромцем руку, согласно кивнул – да, мы молодцы, и ответил:

– Еще двести десять поинтов до мастер-капрала. И не смотрите на меня так. Нет, не получил я нового звания! Точнее, получил, но тут же потерял. Командир в ответе за свое подразделение – вам вершки, а мне корешки... И не всегда это будет морковка...

Глава тяжей понимающе кивнул – ему также прилетело за потери среди пехоты. Затем, поморщившись и потеряв огромное бордовое пятно на груди – стигмат от убившей его очереди из ИМПа, здоровяк поинтересовался:

– Паша, пора захватывать новое помещение. В этом уже дышать нечем, задымление, выгорание кислорода, а мох мы извели крепко. Расход О-два выше скорости восстановления.

Вот теперь и я обратил внимание, с какой нагрузкой работают мои легкие. Словно кузнечные мехи в авральном режиме, прогоняя через себя максимальную кубатуру бедного на живительный кислород воздуха.

Имплант обещает коллапс сознания через три с четвертью часа. Нужно спешить! Остальные продержатся гораздо меньше.

Лина недоуменно наморщила лоб:

– Но ведь ворота шлюза открыты! Почему нет притока свежего кислорода?! Это что, дурацкие игровые условности?

Муром покачал головой и кивнул в сторону пролома:

– Присмотрись. Легкое марево и искажение объектов – признак силового щита. Сработала дублирующая система аварийной герметизации – индекс обитаемости нашего объема ниже.

Я довольно потер руки. Высокий ИО, рабочая автоматика – все это резко повышало интересность нового помещения. Вряд ли там очередной огрызок «резервного коридора для технических серверов».

Кивнул Муромцу.

– Ставь людей! Балку в руки, и пусть давят этот щит пока из него кровь не пойдет! Макар!

– Ась?! – мой включенный технарь вынырнул из совсем уж нескромного лючка в корме «Краба».

Лицо и руки парня оказались в радужных цветастых пятнах – масло ли, гидравлика, хладагент или нанитная смесь – кто там разберет?

Привлекая к себе внимание, я щелкнул пальцами.

– Нам нужно оружие и энергия. Что-то сможешь извлечь из этого хлама?

Макарка озабоченно поскреб пальцем чумазый нос, затем деловито принялся перечислять:

– «Краб» собран по стандартной схеме военного времени – сорокамегаваттный пакет батарей из полутора тысяч элементов. Я посмотрел – часть пластин убита в хлам, превышено количество циклов перезарядки. Но основная масса – юзабельна. Считай, что энергией мы обеспечены. Теперь по оружию... К курсовому лазеру не подобраться – нестандартная схема кустарного добронирования, да там просто заварено все наглухо! Турель правого борта на первый взгляд ремонтпригодна, но сколько потребуется времени – не знаю. Кормовая турель – в мясо! Оплавлен пакет стволов. Левый борт – оптимистично. Именно он вел

по нам огонь, при кувырке турель штатно стала в парковочное положение, повреждений не получила.

Я сдержанно и многообещающе улыбнулся – пипец врагам! Скорострельная спарка ИМПов ротного калибра – в одну десятую дюйма – это охренеть как серьезно! Можно подавить даже чела в тяжелом ББСе! Расход БК будет запредельный, но сам факт!

– Как быстро можно снять ИМПы и перешаманить их на огонь с рук?

Макар удивленно приподнял брови, при этом продолжая совершенно рефлекторно откручивать с корпуса какие-то болтики и бережно прятать их в карман:

– С рук – не уверен, общий вес «ИКБ-2» – под сорок кило. Тут скорее станок нужен универсальный. На колесики там поставить, треножник или вообще плоскодонку... Ну а в целом... Снять основной блок и систему боепитания, отключить от бортовой сети и перевести на локальный энергоконтур... Ну... Думаю, часа за три-четыре справлюсь! Если... – Тут Макарка недобро взглянул на подбирающихся к туше других технарей группы. – Если никто мешать не будет! Степень разархивации данных всего шесть процентов, а гонору – как будто освоили знания на все сто! Папы Карло криворукие...

Я ухмыльнулся.

– Ладно, не бузи. Не помешают тебе, наоборот – бери в помощь кого посчитаешь нужным. Главное – сделай поскорее!

– Сам хочу... У меня в этой атмосфере жизненный цикл – тридцать две минуты, причем продолжает падать. Командир, ты бы отпустил меня делом заниматься, а?

Сглотнув ставший в горле ком, я кивнул. Все время забываю об элитарности собственного импланта. Это у меня есть три часа, остальные отправятся в чистилище гораздо раньше и на гораздо больший промежуток времени...

Для поддержки морали разрешаю вскрыть десяток пищевых рационов, древних, как яйца динозавров, но от того не менее вкусных. Пятиминутная волна ажиотажа проходит по залу – народ разыгрывает и обменивает содержимое пакетов – джем на тушенку, шоколадку на густой куриный суп. Сигареты и витамины изъяты заранее и проходят у нас по отдельным ведомостям – командирский НЗ и скудный аптечный ассортимент.

Мимо протиснулось звено тяжей, направляясь к универсальному бревну. Не повезло ему в роли ловушки – теперь вновь побудет тараном.

Минута, и парни ритмично задолбили в мягкое нутро силового поля. Зрелище было забавным – имплант привычно оценивал все и вся, измеряя

мощность ударов, разукрашивая происходящее подобием игрового интерфейса. Поле постепенно блекло, таран вышибал из него виртуальные циферки урона, филонящий боец был предательски подсвечен маркером низкой производительности. Просто услада прораба, а не боевой имплант класса «Альфа-прим»!

Я огляделся – отряд все больше превращался в слаженную единицу. Каждый знал свое место, приказы больше не пытались обсуждать демократическим голосованием, иерархия устоялась и была принята как минимум временно.

Девчата быстро и умело наводили порядок, разгребая причиненный ботом ущерб. Причем каждая стремилась ухватить кусок потяжелее, дабы хоть на микрон, но улучшить свои характеристики. Схему прокачки осознали даже самые далекие от онлайн-игр и наномедицины будущего.

Техники морщились, бурчали, но выполняли приказы Макара. В десять рук дело шло веселей. Уже лежали в стороне модульные сэндвичи композитной брони, потрошился конвейер боепитания, забивался свежими боллами короб ИМПа.

Правда, мой технарь выглядел откровенно нехорошо – зеленел лицом, жадно и безуспешно хватал ртом воздух. То ли надышался в потрохах «Краба» какой-то химии, то ли просто слаб организмом.

Не жадничая и не задумываясь, даю команду на использование аварийных кислородных патронов. Пришло их время, хомячить тут незачем. Сам в свое время доходил до конца игр с полным рюкзаком эликсиров и свитков. Зачем, спрашивается, экономил и трясся над каждым пузырьком?

Взрывная экспансия, стремительное продвижение вперед. К лучшей добыче, к помещениям с высоким индексом обитаемости, к схваткам с настоящим противником. Неужели не сдюжим в лобовом столкновении с первокурсницами ка-пехоты? Мужчины мы первобытного двадцать первого века или твари дрожащие?!

Соответствующая накачка отряда проводилась по возможности регулярно. Бойцы и так не пылали особой любовью к амазонкам, и желание поставить гендерную пирамиду в правильное положение грело душу каждому.

Единственные, о ком парни вспоминали с теплотой, были пси-снайперши «семерки». Не влюбиться в того, кто транслирует тебе в мозг свой первый в жизни оргазм и щенячий восторг от обладания мужским телом, практически невозможно.

В снайперы отбирали исключительно по способностям мозга

генерировать эпсилон-волны. Аристо туда не попадали по принципиальным соображениям, а девочкам из социальных кварталов в жизни не скопить денег на настоящего мужчину из лупанария...

Отвлекая от мыслей, поощрительно зазвенел интерфейс, сообщая о минорном приросте подконтрольного объема и малюсенькой крошке, упавшей на баланс Учетной Карты. Это наша рабочая команда ударно завершила начатый карантинным дроидом процесс – выдавила дверь в очередную каюту.

Спешу к месту событий. Новые помещения – это всегда лотерея. Можно подцепить неубиваемый вирус и восемь часов подышать от жуткой диареи, а можно нарваться на джекпот в виде моих ботинок и верной «Тотохи», даровавшей нам победу в бою.

Восторженные вздохи бойцов и непривычный для удушливой тьмы мертвого корабля солнечный свет намекали на ценность и неординарность находки. У парней хватило дисциплины не вламываться в каюту без приказа, но вот раздвигать сгрудившуюся в проеме дверей толпу пришлось чуть ли не силой.

Оказавшись на пороге, я не сдержался и восторженно ахнул – система оценила подросший рейтинг отряда и явно улучшила спектр находок, или, как его привычно окрестили бывшие геймеры, дропа.

Судя по всему, мы проникли в рекреационную зону медблока. Дорогущие синтез-панели потолка по-прежнему светили мягким успокаивающим светом. Пол и стены затянула бесконтрольно размножившаяся зелень, но на этот раз не доставший в край мох, а виноградная лоза, живые цветы и даже крохотная, но очень коренастая березка. Судя по всхлипам, кто-то из бойцов даже всплакнул от ностальгии...

Мягкий диван и барского вида кресла так и манили к себе, обещая неземное наслаждение и кайф нулевой гравитации. Голокартины на стенах шелестели разноцветными лугами, шумели морским прибоем и приглушенно грохотали величественным водопадом.

Небольшая бар-стойка намекала на скорую пьянку, а пищевой синтезатор класса «люкс-лимитед» вызывал несвойственное для электроники слюновыделение.

– Живем, братва! – вернул меня к реальности восторженный шепот за спиной.

Ему ответил узнаваемый голос Медика. Вечный скепсис и легкая презрительная ирония из серии «я все про вас знаю» делали его несносным собеседником.

– Мы вторглись в закрытую экосистему. Зацени – индекс обитаемости подконтрольной зоны подскочил сразу на четыре процента. А теперь представь, насколько он упал в этом раю. Тут наверняка были эталонные двадцать один процент кислорода. Так что лучше эти березки сразу пустить на салаты, иначе осыплются они скоро жухлой листвой – ни себе, ни людям.

Я нахмурился. Медик, конечно, пессимист еще тот, но в данном случае он частично прав.

Разуваюсь на входе, не желая нести грязь в чистоту комнаты отдыха. Делаю шаг вперед, смахивая с обзора системное сообщение об «обнаруженной точке повышенной регенерации». Тщательно осматриваюсь, фиксируя все мелочи и ништяки, включая позабытый на диване порножурнал. Обнаженные красотки уже давно не шевелятся, не шепчут призывно и не источают ударную дозу феромонов. Стикер одноразовой батареи разрядился за первые пару лет непрерывного показа.

Заглядываю за бар-стойку. Снимаю с полок и передаю через порог пять бутылок спиртного и десяток пакетов каких-то орешков. Дополняю праздничный набор упаковкой шоколада – будет и девчонкам радость. Осторожно возвращаюсь по своим же следам – топтать еще зеленые виноградные грозди – это немыслимое варварство.

Не терпящим возражения голосом отдаю команду:

– Большой кислородный патрон сюда. Рассчитать объем подачи смеси согласно кубатуре помещения. Каюту – временно запечатать. Пластиком, грязью – чем угодно. Позволить растениям погибнуть мы не можем! Все, выполнять! Праздновать победу будем вечером!

Глава 12

Спустя два часа я стоял посреди главного зала, по-хозяйски поставив ногу на бронированную морду поверженного «Краба». Прямо античный герой, хоть статую вай! Судя по гордому виду и одобрительным взглядам Лины, она считала так же.

Рядом со мной суетились технари, крепя тяжелую ИМП-спарку на импровизированные салазки. Крышка от капсулы, полозья из труб, тяговые ремни из оптоволокну, плетеный камуфляж из мха и грязи. Инструментарий и выбор материалов невелики, но энтузиазм от обладания тяжелым вооружением и легендарная русская смекалка делают свое дело.

Техникам завидовали. Ведь именно в геометрическом центре зала стояла ребристая тушка регенеративного патрона, поглощающего углекислый газ и выделяющего кислород. Так что труженикам отвертки дышалось легче всех, почти комфортно.

Индекс обитаемости подскочил на девять пунктов, только вот патрон выгорал с невероятной скоростью – хватало его лишь на два часа.

Остальным пришлось тяжелее. В дальних углах загибался даже мох, отслаиваясь целыми пластами, скручиваясь в герметичные тубусы и впадая в спячку до лучших времен. Новую форму жизни уже изучал наш штатный алхимик, с восторгом пластающий разноцветные роллы и фарширующий их всеми доступными ингредиентами.

Как оказалось, закуклившийся мох вполне съедобен. Более того – приемлемо вкусен. Сродни сырой, чуть подсоленной картошке. В наших условиях – нямка несусветная! Первые подносы с роллами, а точнее, куски пластика со мхом, девчата уже разносили среди работающих бойцов.

Народ жевал на ходу и жадно поглядывал на импровизированный мини-бар. В самой безопасной нише уютно устроились на мягких ложах пять пузатых бутылок. Два вискаря, коньяк, водка и нечто совсем уж неопознанное – «Марсианский Элитик». Что собой представляла густая голубая жидкость, было непонятно, однако градусы на наклейке имелись, а гордая рекламная надпись убеждала, что напиток изготовлен «из настоящего марсианского сухополя. Доля суррогатной массы не более 98 %».

Объемный знак качества все еще крутил замысловатые кольца, временами разворачиваясь в рекламное окно и обещая пожизненную скидку на всю линейку бренда при добровольной установке

гипновнушения третьего порядка на «легкую тягу к продуктам с логотипом «МарЭли!».

Один из моих бойцов сидел под стеночкой с абсолютно стеклянным взглядом. Он имел неосторожность законектиться с отнюдь не безопасным стикером и качнуть себе скрипт «мозголомки». По текущим законам добровольная скачка является согласием на установку, и сейчас армейский фаерволл с трудом сдерживал натиск коммерческой мнемoproграммы. Корпорации имели возможность набирать себе в штат лучших пси-программистов, так что совершенно не стоило недооценивать уровень угрозы рекламного внедрения.

Наши девчата долбили универсальной балкой в едва живое силовое поле аварийной герметизации. Не особо уставших парней безапелляционно и нагло оттерли от инструмента. Теперь «тяжи» смущенно и недоуменно переглядывались, а девушки хозвзвода довольно слаженно бегали туда-сюда с титановой арматуриной. Никто не хотел отставать в прокачке...

Щит доживал последние минуты. Имплант замерял мощность поля в ключевых точках и довольно уверенно оценивал перегрузку эффекторов и выход из строя генераторов в течение десятой доли часа.

Бум... Бум... Бум...

Девчата смахивали пот со лба, сдували лезущие в глаза челки и вновь бросались вперед, игнорируя рассевшихся вдоль стен мужиков.

После очередного удара щит мигнул и исчез, а набравшие разгон девушки не успели затормозить и дружно ввалились в новый зал, освещенный красными аварийными огнями.

– Фрррррр! – прошелестела плазменная скорострелка, мгновенно вышибая назад кровавое облако и ошметки обугленного мяса.

Статус-маркеры хозвзвода погасли практически все, кроме одного, мигающего тревожным глифом: «WIA» – «ранена в сражении».

– Данг! – хлопнул контрольный выстрел, ставя жирную точку в истории женского подразделения.

От пяти до сорока минут на респаун. Ох и не везет сегодня девушкам...

Муром заглянул в проем при помощи импровизированного зеркальца – полированного куска металла на корявой ручке.

– Контрабордажная турель. Четыре ствола, левый нижний деформирован. Силового щита нет, броневой набор значительно поврежден. В дальнем углу помещения – сервисный дрон с каким-то короткостволом в манипуляторе. Шасси оплавлено, мобильность – на нуле.

Вроде все!

Капрал вопросительно глянул на меня, ожидая приказаний. Кое-какой авторитет я все же успел наработать. Приняв скриншоты от Муромца, я скормил их аналитическому модулю импланта и задумался сам.

«Альфа-прим» брезгливо отмел вариант с использованием спасательных скафандров в качестве штурмовых ББСов – три плазменных ствола перегрузят защитное поле менее чем за секунду. Потеря оператора, экипировки и вооружения гарантированы, шанс на подавление турели – мизерный.

Рекомендация импланта – свернуть полевой госпиталь и, укрывшись за пассивным щитом карантинщика, уничтожить оборонительные средства противника. Требуемое время огневого воздействия спарки «ИМПх2х0.25» – от двух до четырех секунд.

Я покосился на шатер ППГ. Вовремя. Продавив полог, наружу неуверенно вышла Ника – наш погонщик ботов, потерявшая в бою с «Крабом» обе ноги. Тактический модуль импланта определил ее ранение как критическое, записал в потери и цинично навесил таймер, отсчитывающий минуты и секунды до смерти: «2:46... 45... 44...» Нечем нам лечить такие раны, просто нечем!

А вот дроид ее спас, уберегая от мучений чистилища, а заодно сохраняя и так довольно скромный баланс баллов на УК. Ну сложно раскачиваться петоводу без своего главного оружия...

Сейчас в пациент-статусе ППГ светилась зеленая семерка. Вирт-клик по цифре разворачивал более подробный отчет. Имена находящихся на излечении, детализовка травм, время до возвращения в строй. Последнее наиболее важно на текущий момент.

Мобилизованный гражданский комплекс не тянул до уровня армейского планетарного госпиталя. Большинство процессов брало на порядок больше времени. Судя по докладу, работать ППГ предстояло еще семнадцать часов. Столько ждать мы не имели ни возможности, ни желания.

Регенеративные патроны заканчивались, мох вырождался, превращаясь в ценные, но не производящие кислорода запасы пищи. Температура рукотворного водопада все возрастала – несчастные слизняки валились с потолка как манна небесная в красных панцирях, словно вареные раки. Сложность сбора плавающих на поверхности бубликов все возрастала, вблизи источника вода буквально кипела под ногами. Однако вкусовые и лечебные качества слизняков значительно улучшились. Народ даже стал шутливо ворчать, требуя пива и укропа.

Как вывод из всего происходящего – нас настойчиво выдавливают из «ясель» стартовой локации, провоцируя на движение вверх по палубам. Никакого уюта и оседлого образа жизни обустроенного лагеря. Только вперед, как кочевники. Минимум имущества, максимум самодостаточности!

Так что со смешанными чувствами я отвергаю рациональный план «Альфы» и оглашаю собственное решение: используя пластины заводского обвеса «Краба», добронировать салазки с ИМП-спаркой, превращая ее в некий вариант «сорокапятки» – низенькой пушечки с противоосколочным щитком. Народное название орудия, печально известного в войсках как «прощай, Родина», намекало на срок жизни своего расчета.

Имплант быстренько обсчитал профиль щитка и наиболее рациональные углы бронирования, помножил сухие физические вводные на безалаберность необученных бойцов и вывел предсказание наиболее вероятного исхода боя: победа с шансами три к одному.

Цифра хороша, но все ж таки недостаточна. Спускаю запрос по отряду – нужны добровольцы для отвлекающего маневра. Смерть почти неизбежна, однако есть потенциал получения бонусных баллов и элитного шеврона «сержант Сэйлор».

Как ни странно, вызвалось больше дюжины парней и практически все девчата. Что стоит за их мотивацией – коллекционная страсть к медалькам, желание прокачаться любой ценой или простая скука, – не знаю. Однако это не мешает мне внести их в формулу боя и удовлетворенно кивнуть при виде предполагаемого результата: шансы на победу – восемьдесят девять процентов.

Лина неплохо сработалась с Макашкой. Именно ей как оператору вооружения предстоит вести огонь из спарки. Причем в режиме ручного управления, водя тяжелой двойкой стволов без помощи сервоприводов с микронной доводкой. Ну и малый профиль хрупкой фигуры позволял значительно уменьшить площадь щитка и облегчить общий вес ИМПа.

Девушка прикладывалась к рукоятям управления, примеривалась к зеркальному прибору наведения – прорезать прицельную щель было признано нерациональным – плазма имеет свойство расплескиваться по преграде и проникать в любые трещины.

Макар крутился рядом, все чаще задерживая взгляд на девичьих округлостях и на секунды выпадая из реальности. Нахождение в смешанном коллективе, не обремененном нормами морали, делало свое грязное дело. Плюс совершенно непонятно, какой фарм-терапией пичкали тело парня, лежащее в вирт-капсуле. Пункт о годичной «дойке» забыть

было невозможно...

Я не ревновал. Ревность – это слабость, неуверенность в себе как в лучшем и достойном мужчине. Женщины это срисовывают мгновенно, тем более Лина. Так что лучший вариант поведения – снисходительная улыбка и ответная провокация: партнер никогда не должен быть уверен, что ты не уйдешь уже сегодня. Это держит обоих в тонусе, вынося за скобки отношений тренировки с растянутыми коленями и домашние халаты с оторванными пуговицами.

Полтора часа аврала – и добронированная спарка была готова к бою. Стянув с лица ковбойский платок, защищающий легкие от пара и густой взвеси спор, я обратился к ударной группе с короткой хомяческой речью.

– Бойцы! Вперед, за ништяками, жизненным пространством и рарными нашивками в личном деле! Многих вам баллов на УК! К бою!

И народ рванул! Безумными зайцами добровольцы впрыгивали в зловеще-красный проем шлюза и метались изломанными непредсказуемыми траекториями под убийственным ливнем плазмы. Танец смерти казался хаотичным лишь стороннему наблюдателю. Объединенные в так-сеть импланты довольно успешно разводили людей в стороны, растаскивая внимание систем прицеливания и наводки турели.

Последней в проход втолкнули тележку со спаркой. Вражеская плазма как раз находилась в предельно неудобном положении – увлеченно добивала бойца, успевшего забиться в дальний угол зала.

Когда ИМП открыл кинжальный огонь в упор, турели понадобилось четверть секунды на обнаружение, оценку угрозы и смену целеуказания. Затем еще секунда на доворот стволов и параллельный цикл принудительного охлаждения хладагентом. За это время спарка выпустила порядка сорока боллов с твердым сердечником, добив и без того ушатанную броню и с удовольствием вонзив зубы из обедненного урана в нежное электронное нутро плазмогана.

– Шух-х-х-х! – разгневанными шмелями шелестели гиперзвуковые снаряды, кроша электронику, разбивая сервоприводы и выбивая искры из стальных элементов конструкции.

– Динь! – почти синхронно звякнули колокольчики, рапортуя об уничтожении цели, промаркированной системой как «очень сложная».

– Банг! Банг! Банг! – лупил я в темный проем, торопясь отстрелить манипулятор сервисному дроиду, вооруженному древним расхлябанным лазерником.

Ведь если позволить Лине переключиться на новую цель, то она его просто перемолотит в фарш. Никакой любитель «Лего» потом не соберет!

– Динь! – вновь звякнул интерфейс, констатируя полную зачистку помещения и предлагая приступить к установке флага отряда.

Опустив еще горячий ТТ, я поймал на себе вопросительный взгляд Мурома – капрал предусмотрительно не полез в бой. Для него в течение ближайших суток следующий визит в чистилище растянулся бы на двадцать минут. А кто добровольно пойдет на тысячу двести секунд стачивания зубов ржавым напильником и раскаленных игл под ногти? И это ведь еще не полная ассоциация с тем, что творится с бойцами в виртуальном отстойнике. Триста процентов боли – это реально «перебор», как говорит наш заядлый экс-игроман Сашка Бубна. Он и сейчас большую часть свободного времени посвящает крафту – мастерит карточную колоду из листов пластика.

Отрицательно качая головой:

– Ждем, пока воскреснут все участвовавшие в бою. Именно они, вместе с офицерским составом, займутся установкой флага. Ребята заслужили, а своих топов – тех, кто выделяется над общей массой душой, телом или званием, – следует прокачивать в первую очередь.

Муром согласно кивнул. Мы – из поколения, воспитанного смартфонами. Что такое клановый танк, рейдовый дамагер и какую роль играют топовые офицеры гильдии, знаем не понаслышке.

Нарушая мой приказ, в шлюз нырнул поисковый таракан ППГ. Буквально через секунду он тревожно запищал, обнаружив критически раненного бойца, а затем нутно загудел генератором силового поля, формируя носилки и готовясь к транспортировке очередного пациента.

Минута, и поисковик выполз из проема, таща за собой свернутый кокон с упрятым внутри раненым. За мутным, заляпанным кровью пузырем тарачил чернявые глаза испуганный Ара. На его животе пузырилась черная пена из пробитого нанобанка. В правой стороне груди зияло сквозное отверстие – подставился-таки наш орел под луч лазера.

Проводив глазами таракана с прицепом, я задумчиво почесал бровь грязным пальцем. Непривычная тут для меня система приоритетов в сортировке раненых. У нас ведь как принято? Легкие занимаются сами собой и друг другом, со средними возятся хирурги на операционном столе, ну а тяжелые предоставлены младшему медперсоналу и играют с судьбой в рулетку. За системой лежит жестокая правда статистики. Если уж ты решил возиться с одним тяжелым, будь готов к тому, что половина средних перейдет в эту же категорию.

Здесь все наоборот. Если ранение не критическое, имплант вытянет сам или сохранит жизнь бойцу на достаточный отрезок времени. Поэтому

помощь профи нужна в первую очередь тем, у кого система жизнеобеспечения бессильно опускает руки и шлет отчаянный «СОС» по широкополосному медицинскому каналу.

Ожидая респана добровольцев, народ изучал логи прорвавшихся вовнутрь помещения бойцов. Жадно выкрикивались показатели уровня обитаемости – целых тридцать девять процентов! Внимательно высматривалась добыча – нетронутые пласты драгоценного мха, восемь трупов разной степени мажорности и непонятные механизмы в центре зала. На сладкое – крупные ячейки сейфового типа, словно медовые соты, покрывающие три стены из четырех.

Сан Саныч, наш отрядный суперкарго, невесть зачем навязанный сборной солянке из истребителей и тяжелой пехоты, уверенно опознал назначение отсека.

– Артиллерийский погреб главного калибра. Клянусь своими портянками – в это корыто впихнули тунельник калибром не меньше трехсот миллиметров!

Я нахмурился.

– Впихнули. Причем сразу пару – каналы стволов проходят через центральную ось корабля. Спецификация «Марата» лежит в свободном доступе. Ты другое скажи – погреб БК рядом с медотсекком? А если детонация?

Сан Саныч отмахнулся:

– Нечему там детонировать – одни литые болванки из трансурановых элементов. При тех скоростях, что обеспечивает магнитный ускоритель, масса снаряда решает гораздо больше, чем любое взрывчатое вещество. Энергия, выделяемая при столкновении с вражеским судном, вполне сопоставима с мощностью ядерного взрыва. Е равно эм-це в квадрате, понимать надо!

Поморщившись фамильярности самого старого в отряде подчиненного – Сан Санычу не так давно стукнул полтинник, – я продолжил дожимать суперкарго на предмет информации:

– Расшифруй скрин. Что видишь? Железо это непонятное в центре, соты вдоль стен?

– Все просто! По центру – силовые захваты, карусель подъемника и барабаны скоростного заряжания. Индивидуальные соты – это хранилище БК, фонят они все-таки неслабо. Да и в случае близких взрывов и деформации отсека не стоит им позволять сжиматься в единый комок закритичной массы.

Я кивнул. В целом все понятно. Сплошная головная боль. Польза

от такой добычи сомнительна, а вот в случае нарушения герметичности хранилища мы все умрем. Не очень быстро, но очень болезненно.

С точки зрения добычи – основная надежда на затянутые мхом фигуры. Судя по солидным габаритам, некоторые из них одеты как минимум в пустотные скафандры. Снаряжение такого уровня нам необходимо просто край!

Рядом вполголоса шипел заемные ругательства Макарка. Турель смогла-таки навредить его творению – залившая лобовой лист плазма до белого цвета разогрела основание правого ствола спарки, что привело к нарушению геометрии оружия. Теперь ИМП не проходил встроенный селф-тест диагностики, выдавая целую страницу ошибок и требуя подключения к полноценному ремонтному стенду.

Макар зло щерился и обещал обойти заводские настройки, заменив сдохший ствол на запаску из второй огневой точки «Краба». Разобранный бот все больше походил на обглоданную тушу – вскрытая брюшина, торчащие ребра несущих балок конструкции, тугие кольца разноцветной требухи, залитой техническими жидкостями всех мастей.

Дышалось теперь значительно легче. Кубатура кислорода перемешалась, подняв ИО до терпимых двадцати четырех процентов, заодно снизив температуру с убийственности русской бани до слабосильного турецкого хамама.

Роскошные пласты мха, бесконтрольно расплодившиеся в новом помещении, жадно перерабатывали углекислый газ, выделяя столь нужный нам кислород. Мутировавшие от фоновой радиации растения гнуло к палубе под весом черных ягод.

Зал наполнился новыми запахами и расцветками – озон, яркая плесень и перламутровая пыльца, дарящая бодрость и опасно сужающая спектр зрения. Самые продвинутые хозяйственники уже обозвали порошок «кофе голимый, отечественный» и собирали его во все доступные емкости.

Наконец подоспели последние воскресшие. Ребята и девчата выглядели неважно, не помогла даже последняя минута перед реинкарнацией. Скоростная релаксация лишь частично освежала голову и размывала воспоминания о чистилище, сохраняя главную установку – умирать без отдельного приказа можно, но очень страшно!

Впрочем, кое-кто из добровольцев держался бодрячком. К тем, кому система выдала нашивку «смерть во благо Империи», чистилище повернулось своей новой гранью – чуть ли не райскими кущами. Сорок минут курорта с голубой водичкой тропической лагуны, теплым белым песочком и безотказными туземками, тянувшими на титул «Мисс мира»,

а то и вовсе – «Мисс Вселенная».

Оставалось лишь неодобрительно покачать головой – нас воспитывали по системе японских камикадзе, натаскивая на беспрекословное подчинение, проводя боевое слаживание подразделения и готовя к самопожертвованию в случае нужды и прямого приказа.

Закончились противокорабельные ракеты? Тарань вражеский крейсер! У тебя под ложементом сотня тонн композита, разогнанная до одной сотой световой! А уж размен «Шмеля» и одиночного пилота на корабль первой линии с двухтысячным экипажем всегда приемлем для флотоводца.

Выделяю всех избранных и даю отмашку – на захват, братва! Заслужили! Еще одна нашивка в личном деле, горстка балов на УК, пример пассивным и слабым волей...

Заходим в бункер БК главного калибра. Стараемся ставить ноги в оставленные плазмой проплешины – с некоторых пор мы бережем любую флору и органику, а заодно оберегаем конечности от ядовитых шипов и хищных растений. Заполучить пару миллионов спор алого мха в тривиальную ссадину на щиколотке – это очень экзотический способ умереть.

Парни и девчата рассаживаются колечком в центре, осторожно пробуя, а затем все быстрее закидывая в рот ягоды мшистого малинника.

Имплант учитывает наше количество, обещая установить флаг отряда за довольно скромные шесть минут.

Я обхожу массивный автомат заряжания, обнаруживая за ним пульт дежурного офицера. Покосившееся кресло занято – в ложементе покоится фигура старлея-артиллера в белоснежном пустотном скафандре.

Визуальных повреждений на теле не видно. Вероятно, офицера накрыли чем-то более хитрым, чем тривиальное железо. Атака нанитов через системы коммуникации, удаленный хак жизнеобеспечивающих модулей импланта или пучок жесткого излучения, мгновенно прожаривший плоть и вскипятивший кровь.

Сам пустотник находился в идеальном состоянии. Статус-шеvron тлеет салатным маркером, выводя радующие глаз диаграммы. Микрореактор приглушен и едва тлеет, тубусы расходников почти полны – труп не имел возможности нагрузить системы жизнеобеспечения. Салатовая нашивка нанитов внешней очистки все так же неторопливо ползает по композиту, вылизывая до блеска противолазерное покрытие.

В жесткой кобуре на бедре – тяжелый армейский «Сапсан». Несмотря на кажущуюся бесполезность короткоствола в современном бою против штурмовика в ББС или армейского дрона, «Сапсан» давал-таки своему

владельцу некоторый шанс.

В толстой рифленой рукояти прятался экранированный магазин, вмещающий всего четыре дорогуших патрона, созданных на пике текущих технологий. Тандемный боеприпас, в котором лидирующая часть заточена на пробитие силового щита, а основной заряд способен прожечь кумулятивной струей полтора метра стандартного броневоего листа. Против сэндвича композитного набора ТТХ патрона смотрятся уже значительно скромнее, да и чаще всего не остановить ки-мода одной-двумя дырками в брюхе, но все же, все же...

Не могу устоять перед соблазном – воровато оглядываюсь, снимаю с трупа оперативную кобуру и извлекаю массивный ствол на волю. БК полон, запасного клипа нет, идентификация для применения не требуется.

Пусть парни бухтят что хотят, но «Сапсан» не для рядового боя и не для хаотичной пальбы по шустрым сервам-уборщикам. Это козырь последнего шанса для бойца со стальными нервами.

Прижимаю кобуру к бедру, чувствуя, как охватывают ногу силовые ремни. Медленно шевелю конечностью, позволяя крепежу подстроиться к динамике движений и понадежней закрепиться на теле. Все, мое! Не отдам!

Негромко звякает интерфейс, рапортуя о захвате новой локации. Гораздо торжественней звенит виртуальными монетками менеджер Учетной Карты, щедро отсыпая бонусные баллы за все, что только возможно.

Улучшение индекса обитаемости, расширение ареала, руководство успешной операцией, выполнение обязательной и опциональной тактической задачи, а также завершенный сайд-квест «Судьба комендора» и россыпь шевронов всех трех степеней.

Отдельный поощрительный бустер упал от администрации учебки. По десятке баллов на курсанта и позорный обязательный для ношения стикер на плечо, метко прозванный воспитанниками «днище».

В чате отряда непривычное многоголосье – народ меряется плюшками. Чую – добровольцев для следующих операций у меня прибавится. Прокачка в мире амазонок – наше все. Именно она определит твое звание и физические характеристики по завершении курса обучения. Стартовую позицию в армейской карьере каждый создает себе сам.

Филонишь – попадешь в войска рядовым с отрицательным балансом на УК. Получишь самый ушатанный истребитель и полетное задание в один конец. И главное – не стоит обижаться. Ты сам себе деревянный робот.

Дисциплина в отряде все крепче – получать по жадным лапам не хочет никто. Бойцы неторопливо и аккуратно обходят новый зал, не мешая трофейной команде вести сбор лута и составлять опись находок. Это потом, на вечерних посиделках, наиболее отличившиеся получают право приоритетного отбора трофеев. Я, кстати, свое «право первой ночи» уже использовал. Успокаивающая тяжесть «Сапсана» приятно ощущалась на бедре.

Киваю группе официальных мародеров, разрешая стащить тело с кресла у пульта. Руки погибшего офицера приподняты, пальцы растопырены, как у пианиста, играющего в темпе «аллегро».

Ускоряя работу с массивами поступающей информации, артиллерист задействовал все возможные интерфейсы, включая связки жестов и виртуальную клавиатуру.

Пульт не заметил потери оператора. Эффекторы объемных экранов так и остались в свернутом положении, защитный полог лишь бессильно мигнул, пытаясь прикрыть сенсорные поля повышенной опасности.

Подошедший сзади Сан Саныч сочувственно хмыкнул:

– Энергия на нуле. Крутануть ему, что ли, генератор?

Я удивленно приподнял бровь:

– Реально? Куда тут кривой стартер вставлять?

Привычно побряхтев, суперкарго присел на корточки возле боковой панели и принялся ощупывать чуткими пальцами замысловатый узор системных разъемов и технических заслонок.

Клац-клац... «Вечные» защелки легко поддались, сдвигая в сторону светящуюся люминофором пластину, промаркированную пиктограммой «энергия».

Дальше все узнаваемо, даже для жителей двадцать первого века. Тяжелый штурвал ручного маховика, приводящего в действие динамо-машину с невероятным КПД.

Полсотни вращений, и бар зарядки аккумулятора дополз до скромных двух процентов. Однако этого вполне хватило для полной активации пульта. Эффект превзошел все ожидания!

Беззвучно развернулись объемные кубы 3D-экранов. Вспыхнуло дежурное освещение. В распахнувшейся технологической нише заворочался сервисный дроид, едва узнаваемый под толстым слоем паутины и пыли. В интерфейсе замигал сигнал обнаружения новой несущей частоты.

– Программный ИИ вспомогательного каземата главного калибра ТАК

«Марат». Комплекс в состоянии боевой тревоги! Статус команды: «KIA». Поиск линков связи с вышестоящими постами: «превышен лимит ожидания ответа»...

Краем уха я прислушался, как бойцы «тринадцатой» радуются каждому предмету добычи. «ZIG-плазма» – урррра! Легкий ББС «Песец» – хвала всем богам! Офицерский кортик с неуставным лезвием из монокристалла – тут технари сцепились с боевиками, соперничая за статус клинка. Что это – инструмент, способный распускать сталь на крупную стружку, или оружие, имеющее возможность пробить сочленения среднего бронескафа?

Матерные тирады Мурوما внушали уверенность – дело терпит, с лутом разберутся и без меня. А вот оживший командирский пульт так и манил к себе – разноцветными огнями, потенциалом возможностей, морф-ложементом оператора и требовательным сигналом вызова:

– Всем военнослужащим флота Империи и лицам с полным гражданством РИ! Приказ высшего приоритета, принудительная мобилизация!

– Задача эскадры – прикрытие эвакуации Нового Севастополя. Статус: провалена.

– Задача ТАК «Марат» – зачистка сектора пространства Q-19. Статус: в процессе, обнаружено 311 враждебных целей.

– Задача Каземата-2 – обеспечить бесперебойную подачу боеприпасов орудиям главного калибра крейсера. Статус: задержка! Последняя команда, поступившая из резервного Центра Управления Огнем: «отгрузка барабана БЗ в комплекте шестерки управляемых снарядов: америций (ББ) – америций (БФ) – америций (БЗ) – хассий (ЯФ) – хассий (ЯФ) – хассий (ЯФ)».

Я тревожно покосился на ячейки хранения. Ядерный фугас на основе трансуранового сверхтяжелого хассия – это смертельно опасно.

Затем задумчиво пожевал губу – стоит ли рисковать и светить перед амазонками свой статус действительного военнослужащего флота РИ? По крайней мере, именно так идентифицирует себя имплант «Альфа-прим», все настойчивей требуя занять место дежурного офицера и принять на себя командование отсеком.

Жму плечами – тоже мне, секрет Полишинеля. И вообще, это не баг, это фича!

Направленным мыслимпульсом сообщаю креслу о своем желании

усесться. Ложемент считывает мои антропометрические данные с открытого профиля, чуть вспухает, меняя форму и подстраиваясь под все мои косточки и прыщики. Услужливо разворачивается в мою сторону, приглашая располагаться поудобней и на ходу прогреваясь до комфортных тридцати шести.

Благодарно киваю, сажусь. Прикрываю глаза, сосредотачиваясь на инфопотоке между имплантом и пультом боевого контроля. Идет стремительное согласование протоколов обмена информацией, экспресс-тест характеристик и способностей, быстрый, почти неуловимый торг за уровни доступа и стартовое звание.

Скорее всего, где-то на данном этапе привычно обламывались особо умные курсантки первого года учебы, решившие превратить грудку мертвого железа в подконтрольный себе комплекс.

Мне же везет. Неохотно, но вынужденно ИИ отсека признает мои текущие капральские нашивки. При всем богатстве выбора другой альтернативы нет. Предполагаю, что я единственный гражданин Российской Империи на ближайшие несколько тысяч километров.

Защитная пленка беззвучно сползла с мануальных интерфейсов. Перестал тревожно взрыкивать таймер самоликвидатора, демонстративно крутивший цифры обратного отсчета во время переговоров с Искусственным Интеллектом.

Программный разум, посчитавший, что хитро обошел встроенные в него запреты и отыскавший послушную марионетку, разразился чередой приказов.

– Проверить главную и резервную энергоцентрality, срочно восстановить подачу всех трех видов питания в режиме форсажа.

– Продолжить рекрутинг бойцов и мобилизовать всех доступных серверов. Приступить к ремонту модулей в следующем порядке: аппарат заряжания, силовые захваты «гамма» и «дельта», средства контрбордажной обороны...

И так далее и тому подобное.

Я тихо охреневал от наглости одичавшего ИИ, едва успевая вчитываться в логи и доклады. Слегка ошарашенный имплант подсвечивал ключевое. Взгляд зацепился за строку:

– Отсек находится в состоянии боевой тревоги. В целях борьбы за живучесть на борт будет пущен вакуум. Экипажу срочно отработать

протокол «19-прим»! Оператору командного пульта – принудительная активация спас-комплекта.

Тут уже я не выдержал:

– Отставить! Беру командование на себя, требую визирование подписью дежурного офицера любых приказов ИИ!

Затем повернулся к удивленно замершим бойцам, собравшимся вокруг расцветшего огнями пульта, укутанного барьером последнего шанса – силовым щитом на четыре мегаватта.

– Отряд, слушай мою команду! «Тринадцатая» группа в полном составе мобилизуется на действительную службу во флот РИ, с сохранением текущих званий и параллельной прокачкой согласно таблицы о рангах Российской Империи. Послужим погибшей Родине, а, братва? Как вам роль последнего подразделения Великой Страны?

Глава 13

Локальная сеть виртучебки «Колизеум».

Сабуровень: «Зал Сов. Секретных совещаний».

Степень защиты канала: «Абсолют-дельта».

– Капитан, какого хрена у вас там творится? Что за восставший из Ада осколок Российской Империи?!

Стальная маска лица Люция Романоффа осталась абсолютно безучастной, и не виртуальность тому виной.

– Все претензии к лепилам из проекта «Хронос». Объекту 13–777 был установлен экспериментальный имплант производства РИ, класса «Альфа-прим». Рассчитанный, кстати, исключительно для высшего командного состава и слушателей Академии на Рязани-Звездной. А это – от полковника и выше, причем с обязательным дворянским статусом. Ориентировочная стоимость такого комплекта близка к затратам на производство эсминца XII серии, со всеми допами и дрон-крылом ближнего прикрытия.

– Видят боги, Лисса лишила их разума!

Капитан безразлично пожал плечами:

– Богиня безумия здесь ни при чем, просто фанатики от науки. Эпизод уже зафиксирован, и рапорт подан в вышестоящую инстанцию. Предполагаю, что по итогам расследования в «Инкубаторе» значительно прибавится низкосортных несушек...

Расплывчатая тень, предпочитающая анонимность очертаний даже в вирте, возмущенно колыхнулась:

– Танатос с ними! Нам-то что делать?! «Тринадцатая» рвет все шаблоны, скорость поступления баллов на УК превышает на порядок все мыслимые показатели! Чертов «Ганнибал» вывел их из-под нашей юрисдикции и зачислил в экипаж «Марата»! Пока еще мы способны держать происходящее в тайне, редактируя топ-таблицу учебки в ручном режиме. Но реальные данные нам неподвластны и идут прямоком в Министерство обороны!

Глаза Романоффа едва заметно сверкнули торжеством:

– Ничего не делать! Просто потому что это невозможно...

Тень яростно побагровела и почти истерично выкрикнула:

– Отключите их от системы!

Капитан качнул головой:

– Невозможно. Наши предки создали идеальную, полностью автоматическую Систему Обучения. С белоснежными кораблями-сеятелями, репликаторами, карго-носителями и тяжелыми дронами непосредственного охранения, рышущими в космосе в поисках локальных военных конфликтов. С методикой скоростного клонирования тел и атомарной телепортаций. Захватом сущности души и привязкой к свежему клону. Технология абсолюта! Вот только мы – всего лишь позабытый осколок колониальной Империи, который научился давить на десяток кнопок, обезьянничая действиям мудрецов и гордо надувая щеки...

– Капитан!!! – голос Тени буквально бурлил от злобы. – Вы забываетесь! Великий Рим никогда не покорился Медведю! Это был почетный союз двух равных держав! И не смейте скалить ваши алмазные зубы! Вставленные, кстати, за счет наших налогоплательщиков! Короче, делайте что хотите, но «тринадцатая» должна исчезнуть! Пусть даже вместе с этим ржавым корытом «Маратом»! Это приказ, выполняйте!

Фигура сверкнула и исчезла в ослепительной вспышке, демонстративно обжигая виртуальную аватару Луция Романоффа.

Киборг брезгливо скривился и сплюнул, затем бережно стер сажу с запястья и переключил зрение на «черный свет» – электромагнитный спектр ультрафиолетового излучения, используемый для взаимной идентификации лишь очень узким кругом посвященных.

Полюбовавшись на проступивший образ разлапистого двуглавого орла, попирающего девятнадцать звездных систем, он отдал честь и едва слышно прошептал: «Империя жива, пока жив ее последний солдат!»...

– Шевелитесь, рукожопы! – с натугой хрипел я.

Трехтонная болванка снаряда главного калибра крейсера была абсолютно не приспособлена для ручной транспортировки. Идеально гладкая туша, покрытая тонким слоем антирадиационного покрытия. И не дай бой поцарапать нежное напыление из драгоценного морфграфита!

– Раз-два, взяли! – давила на наши разумы девочка из хоззвода, пытаясь зачатками пси-способностей синхронизировать действия полутора десятков мужиков.

Я прикинул – три часа на снаряд, восемнадцать на полный барабан. Итого – часам к двенадцати ночи мы завершим невесть как полученный квест по приведению орудия к бою. Не знаю, что это нам даст, но уникальные задания подразумевают весомые бонусы.

ИИ каземата подбадривал и торопил нас как мог, параллельно руля десятком расконсервированных ремонтных сервов и приводя отсек в порядок. Вновь уничтожался драгоценный мох, змеилась по палубе временная проводка из оптоволокну, тужился в углу дрон мобильного склада, формируя из скудных запасов универсального вещества заказанную ИскИном деталь.

Лучше б силовой подъемник починил, зараза! А он, видишь ли, взялся за восстановление систем связи...

Да все я понимаю, связь на войне – первейшее дело. Но как же надоело кантовать эти неподъемные трансураны в совершенно немыслимых для двадцать первого века количествах!

Тем более что система неслабо штрафнула нас за вчерашние посиделки, быстро перешедшие в поминки. В бою с «Крабом» была повреждена спаун-капсула одного из пехотинцев. Сука-статистика показала ягодицы – кучная очередь из ИМП-турели контрабордажника вынесла одну из панелей внутренней стены зала и превратила укрытую за ней капсулу в грудку битой электроники.

Приписанный к капсуле боец так и не воскрес, а нам выпал очередной квест – отыскать резервный модуль и перепрограммировать его на индивидуальный код погибшего. Программный скрипт прилагается, ничейную капсулу ищите, где хотите. Опционально – используйте бокс менее нужного бойца группы. Нормально, да?

Вот и пили мы за легкое посмертие Кольки-Баюна, парня удивительно сильного, но тихого и вечно сонного, как зимний кот.

Незаметно для себя практически опустошили запасы найденного мини-бара и нехило испортили атмосферу главного зала. Ибо пить и не курить как-то не получалось, а сигареты с оранжевыми стикерами подсаживали на себя практически мгновенно, с третьей затяжки. Наш медбрат пренебрежительно отмахивался и обещал «снять зависимость за две минуты, только вот докурю». И правда – дымил больше всех, а заодно первый ушел в аут нирваны, где продолжил смотреть цветные мультики.

Короче, «тринадцатая» сорвалась с резьбы. И ваш покорный слуга оказался бессилем что-то предпринять. Когда я оторвался от *слияния чувствами* с Линой, группа была уже далеко за гранью приличий.

Страшный сон офицера – застать роту пьяной с боевым оружием в руках. Ну а если не можешь предотвратить – то возглавь!

Пришлось придать мероприятию официальный статус, за что был обласкан всеобщим обожанием и оштрафован системой на нехилые

полсотни командирских балов. «За нарушение семи статей дисциплинарного и трех пунктов корабельного устава».

Эдак я на всю жизнь останусь капралом...

Угомонились поздно. Но стоило лишь прилечь, как гребаный ИИ каземата поднял меня уставной гипнокомандой: «*Быстрое пробуждение в зоне БД*». У кого-то из нас двоих оказались сбиты часы внутрикорабельного времени.

Сноб-ИИ утверждал, что его процессор ошибаться не может, и все претензии к дефолтным установкам моего импланта, а также колониальной администрации Пятого Рима, возмнившей о себе невесть что.

Ведь всему прогрессивному человечеству давно известно, что сутки на кораблях РИ синхронизированы по древнейшему артефакту: часам Спасской башни, чудом уцелевшим после «Глобального Принуждения к Миру» и все еще отсчитывающим время пра-Москвы.

Сообщенная между делом новость выбила из меня все аргументы, а просевшие от пьянки персональные характеристики и отравленная нарко-сигаретами атмосфера окончательно испортили настроение.

– Рота, подъем!!! – зло проорал я и на десять секунд раньше, чем положено уставом, прибегнул к неспортивным командирским методикам.

Мысленная команда – и импланты бойцов простимулировали нервные узлы слабыми разрядами тока, выгибая спавших в замысловатые дуги и на корню пресекая глупые вопросы и ругательства.

После обязательных мыльно-рыльных процедур и скудного завтрака из псевдосуши и салатных клочков разноцветного мха бойцы хмуро, но споро принялись за работу.

Жизненное пространство расширялось, задач хватало всем.

По возможности укреплялся и добронировался зал реинкарнации. Капсулы мы теперь берегли пуще собственных жизней. Никто не желал зависнуть на неопределенное время в чистилище. Как выжить там сутки и сохранить разум – неясно даже самым волевым и нечувствительным к боли.

ИМП-спарка теперь грозно возвышалась у входа в Зал и настороженно шевелила тонкими щупами стволов. При ней постоянно находились двое дежурных, в том числе один в легком ББСе.

Еще пара тяжей, облаченная в трофейные доспехи, прокачивала базовые пехотные скилы монотонным фармом – отстреливая из ручного оружия спаунищихся сервисных дроидов, зараженных вирусом техноразумных. Ну, по крайней мере, так мы назвали это действо – охоту

на дронов, выныривающих из технологических туннелей и пытающихся прошмыгнуть в другие отсеки корабля.

Расход боеприпасов с трудом компенсировался скудной добычей, ребята выходили практически в ноль. Однако пехотинцев следовало тренировать, оттачивая им моторику и навыки владения оружием.

Техники вели тихую войну с ремонтными роботами Казематного отсека, принявшими активное участие в разборке поверженного «Краба». И, что самое неприятное, умыкнувшими несколько драгоценных сборок топливных элементов. У группы вновь намечался энергетический голод.

ППГ впал в спячку, требуя «линка к энергоцентралю мощностью не менее двух Мегаватт».

На шесть стволов отряда осталось три десятка клипов, что едва ли хватит на один плотный огневой контакт.

Нам снова нужна была экспансия. Ограниченные ресурсы умирающего корабля не поощряли оседлый образ жизни. Так что оставалось лишь добить все квесты локации и двинуться дальше, желательно в другой проекции – вверх по палубам, к более опасным монстрам и богатому луту.

Хотя тут мнения бывших игроков расходились – одни требовали раскачаться по максимуму, зачистив под ноль все помещения сектора и собрав все ништяки нуболокации. «Ясли» под то и заточены – обучение первым шагам в новом мире, поощрительные подарки и мотивирующие заманушки.

В пользу этой версии также указывало обнаружение тайника с внешним хабом на восемь линков и шестнадцатью мелкими зерг-дронами – шустрыми тварями размером с крысу, с острыми ядовитыми клыками и зарядом самоликвидации в четверть грамма неустойчивой взрывчатки. Много ожидать от них не стоит, но на мобильную противопехотную мину вполне потянут.

Ника, наш бот-мастер, была вне себя от счастья. Наконец-то и она сможет принести ощутимую пользу группе.

Вторая стратегия предполагала прыжок выше головы. Следовало любой ценой рваться наверх, получая буст-бонусы и стремительно экипируясь если не в топ, то в мидл сету.

Вариант рискованный, но как-то нужно было выбираться со дна таблицы рекордов учебки. Действуя шаблонно, идя по проторенным дорожкам, нам никогда не выиграть джекпот и не вырваться из серой статистической массы.

– Захват! – хрипел рядом Муром, упираясь спиной в тушу снаряда

и требуя от ИИ активировать магнитные замки барабана зарядания.

– На полтора миллиметра выше и на два градуса ровнее к нормали... – невозмутимо корректировал положение болванки псевдоинтеллект.

– Я твой микросхема имел... – корчился под запредельным весом Ара, выступающий в роли нештатного домкрата.

– Мля!!! – заорала Оксана, ощутившая, что финальное усилие грузчиков защемило едва отросшие волосы. – Приподнимите его на секунду!

– Ага, щас... – народ устало повалился на палубу.

Очередной снаряд знатно надорвал нам жилы. Хассий оказался значительно тяжелее и неудобней америция. Короткая жизнь изотопа требовала дополнительной экранировки и разбитие на кластеры докритичной массы.

Кто-то из наиболее сердечных и веселых бойцов бросил девушке кастомный клинок. Цех кустарных самоделок вышел на поток, и ножи перестали быть острым дефицитом.

– Режь! Новые скоро отрастут, регенерация у нас – дай бог каждому! Артемка вон, наверное, задолбался каждую ночь тебя девственности лишать. Уж сколько раз мы ему помощь предлагали...

Белобрысый Артем разъярено вскочил на ноги, желая заткнуть похабный рот.

Вмешиваюсь в конфликт, осаживая юмориста:

– Отставить! Лука, опять ты хохмишь? Язык жить мешает? Так я ему найду достойное применение. Наряд вне очереди на тестирование новых комбинаций мхов! А ты, Артем, сядь и не дергайся, а то пойдешь к нему вторым номером, за плечи будешь нежно поддерживать, пока наш хохмач блюет...

Затем повернулся к разъяренной девушке:

– Режь Ксана... – подтвердил я. – Захваты уже закрылись, хрен мы болванку с места сдвинем!

Ну, слукавил, а что делать? Может, асимметричная прическа опустит девушку на землю и она перестанет ощущать себя первой красавицей на деревне? Честно говоря, ее потребность сражать всех окружающих мужчин и болезненная ревность Лины начали нехило отравлять мне жизнь.

Девушка подергалась еще с минуту, а затем принялась пилить непослушные пряди, глотая злые слезы и осыпая нас многообещающими взглядами.

– Подъем! – скомандовал я от греха подальше. – Тянем предпоследний! И где, кстати, Макарка?! Помнится, он клялся,

что способен собрать телегу для перевозки?!

Спустя еще семь часов и тройку покалеченных бойцов мы запихнули-таки последний боеприпас в армированное стойло. Хищно клацнули фиксаторы, торжественно рявкнула сирена, отгоняя нежных гуманоидов от подвижных частей механизма.

Мгновение, и двадцатитонный барабан исчез в бездонном чреве автомата заряжания. Мы нетерпеливо переглянулись, кося глазами друг на друга и в логи, ожидая приятного звона упавших на учетку баллов и возможного падения новой кометы на шеврон. Шутка ли – уникальное задание и двадцать часов стахановского труда целого отделения!

Звякнуло. Да так, что палуба на мгновение ушла из-под ног, а затем с неукротимой силой лягнулась назад, ломая хрупкие кости ступней.

Мои универсальные ботинки самортизировали компрессионный удар. А вот тройке ребят не повезло – как подрубленные они рухнули на палубу, наполнив пространство криками боли и возмущенным матом.

Интерфейс замельтешил россыпью сообщений, но мне уже было не до того. Маневровые движки полумертвого крейсера ожили, доворачивая корпус в сторону невидимой нам цели, а затем вновь ахнули дуэтом главного калибра.

Опять удар по ногам – импульс вышедших снарядов осаживал судно, словно натянутая уздечка – резвого коня. Впрочем, если ожидать этой встряски – то не такая уж она и значительная, сродни прыжку с метровой высоты. Ноги сломать можно, но не просто. Главное – не чудить, пытаясь приземлиться на пятки там или на ребро стопы.

Неожиданно ожили динамики связи отсека. Хриплый, усталый и не верящий своему счастью голос контуженно орал:

– Каземат-два! Здесь резервный ЦУО! Кто бы там ни был – еще снаряд на подъемник! Давайте, миленькие, давайте родные! У нас на траверзе практически комплитно регенерировавший тяжелый карго-носитель техноразумных! Ну же, братцы! Еще десяток болванок, и я ссажу его с орбиты! Да я семерик лет за этой сукой через визор наблюдаю, дайте же сдохнуть социально!

ИскИн, получивший новую вводную, требовательно запищал и без приказа распахнул очередную ячейку БК. Перепрыгивая через корчащихся на полу раненых, к снаряду рванулся Муром. Хрипящая от натуги Лина уже волокла крепежные тали. Девчонки хоззвода дружно ухватились за тяжелые бруски катков, до крови срывая ногти, но торопясь выполнить просьбу неизвестного канонира. Столько в нем было надежды, мольбы и веры! Ну и главное – он говорил по-русски! Пусть с акцентом,

пусть со вставками не очень понятных слов, но на родном – великом и могучем!

Мое лицо окаменело – своих не бросаем!

Вбиваю команду в общий чат «тринадцатой»:

– Всем свободным от высокоприоритетных задач! Прибыть в Каземат, требуется помощь в погрузке БК!

Затем активирую иконку с изображением печального ребенка с глазами старца. Именно такую аватару выбрал для себя ИИ отсека.

– ИскИн! Дай связь с резервным Центром Управления Огнем!

В голосе программного интеллекта сквозит невозможное для электроники сожаление:

– Линк связи отсутствует. ЦУО задействовал альтернативные проводные линии – доступа к ним не имею. Существует трехпроцентная вероятность, что системы Центра работают только на прием. Продолжить выполнение приказа?

– Да!

– Готов к передаче по аварийному и общекорабельному каналу.

Размахивая руками и дирижируя набившимся в отсек народом, я спешно надиктовываю сообщение:

– ЦУО, здесь Каземат-2! Готовы к подаче БК, до поступления свежих вводных будем подавать одиночные снаряды согласно схеме последнего приказа. Цикл зарядки... – тут я на секунду запнулся, но с горечью продолжил: – Не меньше двух часов. Работаем в ручном режиме...

Тяжелые шаги за спиной заставили меня обернуться. В проем выбитого люка устало втискивался карантинный дроид, свернувший ППГ и вновь принявший мобильную форму. Следом за ним гордо вышагивал Макарка. Его глаза сверкали торжеством – обещанная тележка оказалась выше всяких похвал.

Дроид внимательно огляделся, оценивая фронт работ, затем демонстративно встряхнул манипуляторами и доложил:

– Готов ускорить цикл зарядки на два порядка. Предупреждение: при работе в форсированном режиме накопленных запасов энергии хватит менее чем на час.

Улыбка поневоле поползла на мое лицо. С трудом удержав себя от желания расцеловать грязно-белую броню бота, я вновь активировал связь:

– ЦУО, это Каземат! Поправка – подача снаряда каждые полторы минуты!

На канал несанкционированно вторгся Муром:

– Всыпь им за Севастополь! Мочи их, братишка!

Ответа не было. Возможно, канонир просто сжег последние крохи энергии архаичного проводного устройства связи, а может, техноразумные уже накрыли его ответным огнем.

Молчание лишь разъярило парней:

– Навались, взяли!

Теперь уже три независимые группы с муравьиным упорством волокли снаряды к механизму зарядания. На фоне деловито снующего дрона наши усилия выглядели смехотворными, однако желающих отсидеться в стороне не нашлось.

Движение на мгновение прекратилось, когда робот уложил на салазки подъемника первый боеприпас. Дойдет ли посылка до адресата?

Хищно чавкнула соскучившаяся по работе механика. Трансурановая болванка исчезла в недрах казенника, переместившись за доли секунды на нулевую отметку двухкилометровой разгонной шахты ствола.

– Огонь! – счастливо прохрипел болезненно худой человек в изрядно заношенной, но по-уставному чистой форме комендора флота РИ.

Он очнулся в наглухо заблокированной резервной рубке более пяти лет назад. Стазис-капсула сделала все что могла – преданно дожидалась команды спасения, оберегая человека от безжалостного времени. Из-за частичного поражения модулей памяти лавинообразно копились программные ошибки. Модуль перезагружался, обновлял ПО из встроенного бэкапа, но вновь и вновь вскипал красными строчками сбоев в системных логах.

В какой-то момент капсула посчитала – следующая перезагрузка может стать фатальной, деградация кристаллов добралась до бут-секторов. И тогда система пробудила последнего члена экипажа «Марата».

Как ни странно, но человек, обреченный на скорую смерть в замкнутом объеме изолированного отсека, выжил. Учили в Рязани-Звездной на совесть – долго, вдумчиво и с фантазией.

Он слизывал капли конденсата со стен, а затем построил свою собственную версию фонтана Слез.

Он оберегал и культивировал колонию слизняков, благо те размножались аномально быстро.

Он скрещивал и прививал мхи, добившись появления невероятно плодовитого, хоть и хищного вида. Спать теперь приходилось не более двух часов кряду, иначе добавка к рациону вполне могла схарчить своего

фермера.

И он долго и пристально наблюдал за окружающим космосом, с беспомощной ненавистью замечая, как системы саморемонта восстанавливают битые корабли техноразумных. Зерна смерти, из которых вот-вот возродится еще одно крыло Роя...

Не раз и не два он загонял их черные ребристые туши в нити прицельной сетки и бессильно давил на сенсорную гашетку спуска.

Чуда не происходило. Счетчик всех видов БК выдавал сиротливые нули. Но однажды... Однажды все переменялось!

Боги космоса сжалились над ним, пробудив вначале третьего цикла суточного сна. Почти позабытый зуммер автомата зарядания пропел намертво зазубренные комбинации. Тройной сигнал «Альфа» и тройной «Танго». Значит, в невесть откуда появившемся барабане – установленная тройка вскрывающих щиты клевцов из америция и столько же фугасов из нестабильного хассия.

Канонира мгновенно снесло с койки. На рефлексх подловив и оборвав тянущиеся к нему плети мха, он бросился к идеально чистому боевому пульта. Есть повторный сигнал! Значит, это не очередной сон-мечта, все взаправду!

Дальше он действовал на автомате. Все давно продумано до мелочей, орбиты судов изучены посекундно. Жаль только, что эскадренный авианосец с битыми движками сейчас по другую сторону планеты. Авиаматка – желанная и высокоприоритетная цель для дальнего рейдера «Марата», лишь от большой нужды поставленного в строй линейного боя.

Пять секунд на оживление пульта и экспресс-тест готовности. Минута на накачку энергии в бездонные конденсаторы разгонного туннеля.

Огромный и неповоротливый карго-носитель техноразумных уже давно захвачен системами целеуказания. Вокруг туши корабля кипит активная работа – последний год дроны тащат к нему все битое железо, до которого только могут дотянуться.

Первый выстрел пристрелочный. Оптические дальномеры выбиты еще в том самом страшном бою, а из беспилотных разведчиков внешнего наведения откликается всего одна пара, причем подающая на СУО совершенно разные цифры. Скромная по космическим меркам погрешность в полторы сотни кэмэ. Плюс-минус лапоть...

Карго-носитель, конечно, огромный, не меньше шести тысяч метров диаметром, но с таким целеуказанием попасть можно только случайно.

Выстрел!

Естественно, промах, однако система управления огнем мгновенно вводит в формулу нужные поправки и уверенно рекомендует «стрельбу на поражение из обоих стволов».

Техноразумные уже реагируют на угрозу. Вражеский корабль окутывается лепестками сегментного силового поля. Империи эта технология неизвестна, у людей другая физика АМ-щитов. Впрочем, для двух болванок главного калибра крейсера взлом такой защиты вполне по зубам.

Бум-бум!!! От инерционного импульса дуплета вновь содрогается туша крейсера. Канонир с тревогой прислушивается к глухим и натужным скрипам корпуса. Силовой набор рейдера поврежден, судно вполне способно развалиться от мощных толчков, к тому же обратных вектору движения.

Три тонны массы снаряда, помноженные на скорость в две тысячи километров в секунду, обладают достаточной кинетической энергией для того, чтобы просадить щит тяжелого транспорта поддержки не меньше чем на две трети.

На дистанциях стандартного космического боя, когда подлетное время снаряда порядка тридцати секунд, а цель активно маневрирует в трех измерениях, да еще ставит помехи и ведет контрбатарейную борьбу, второе попадание в погашенный сегмент маловероятно.

Но не сейчас, с расстояния кинжального выпада – каких-то жалких семь тысяч кмэ! Да по неподвижной туше, с повыбитыми кластерами ПВО! Бей на выбор!

Хочешь – в гостеприимно распахнутые шлюзы взлетной палубы. А хочешь – в уязвимое подбрюшье, проламывая переборки и стремясь добраться до бронированного сердца корабля.

Дуплет «клецов» вскрыл щит над ангарами внешней подвески, плотно обвешанными гроздьями дронов непосредственной обороны. Угрозу «Марату» следовало пресечь в первую очередь.

Вбитые в образовавшееся окно ядерные фугасы из хассия вспухли раскаленными одуванчиками стометрового диаметра.

Тревожный зуммер закончившегося БК выдернул канонира из боевого транса. Разъяренно покосившись на счетчик боеприпасов, он охватил взглядом россыпь огней на пульте и мгновенно вычислил основное. Ударом кулака активировал «связь последнего шанса» – резервные проводные каналы, связывающие основные узлы крейсера. Тройное дублирование – закон боевого флота РИ!

– Каземат-два! Здесь резервный ЦУО! Кто бы там ни был –
еще снаряд на подъемник!

Глава 14

– Бум!

Палуба привычно ушла из-под ног, амортизируя выход очередного снаряда из туннеля разгонника.

На два голоса зазвенели статистики учетных карт: Пятого Рима и открывшейся нам учетки военнослужащего ВКС Российской Империи.

Динг! УК амазонок отсыпало виртуальных фантиков:

– *Участие в космическом бою. Роль вторичной поддержки при уничтожении корабля противника 6-го ранга. Получено баллов: +41.*

– *Управление сводным соединением в бою. Координация с союзным подразделением. Использование нештатных систем вооружения. Получено командирских баллов: 239.*

– *Внимание! Набрано необходимое количество баллов для присвоения очередного звания: Сержант. Устанавливаем связь с младшим потоком ИИ «Ганнибал». Получено подтверждение, новый ранг утвержден.*

– *Поздравляем с очередной нашивкой! Многих тебе колец, сержант!*

Я смахнул со лба каплю пота и криво усмехнулся – это уже второе повышение за шестичасовой бой. Точнее, избиение. Раненый волк очнулся посреди спящего овечьего стада, спешно зализал раны и теперь резал, резал, резал...

Торжественно звякнули куранты:

– *Цель уничтожена: канлодка техноразумных, индекс комплектности: 48 %. Оценочная стоимость: 4 419 811 энергорублей. Бонус экипажа «За сбитый»: 1 %. Сержантский коэффициент: 1,05. Личная доля за вычетом налогов и обязательных платежей: 542 эра. Текущий баланс счета: 12 891 эр.*

Это уже были призывы от смены юрисдикции отряда. Теперь мы не просто кадеты Пятого Рима, а мобилизованные регуляры ВКС Российской Империи.

И это работало! Глаза парней горели огнем, плечи гордо развернулись, взгляды то и дело косились в угол интерфейса, где гордо реяла эмблема принадлежности соединения – золотой орел, попирающий созвездия.

Динамики отсека вновь разразились хриплой скороговоркой:

– *Отставить болванки, подавайте сегментные! Срочно, инкубаторную кюветку вашу за ногу! Авиаматка вот-вот выйдет из тени планеты!*

А на ней дронов – что зерен на початке кукурузы, только в три слоя!

Рядом многогласно ругается отделение Муром, бережно пристраивая на палубу недотасанный до казенника боеприпас.

Зря ворчат – сегментные снаряды, способные разделяться на полтора миллиона вольфрамовых игл, и литые болванки. Еще москитные силы противника, расположены гораздо ближе, чем ожидалось. Что логично – в ближнем бою счет может идти на миллисекунды.

Мимо тяжело прошагал карантинщик. Вот уж кто ударник труда и на самом деле проделал основную работу. Дрон все еще работоспособен – ради общего дела ИскИн отсека позволил разукомплектовать и обесточить своих сервов.

Рой функционален и не терпит задержек. Крепко битая техника так и осталась на орбите планеты, получив мизерный шанс выжить и переродиться в новое Крыло.

В принципе, техноразумные имели шанс. Век-другой, и будут освоены миллионы тонн металлолома, разбросанные в системе звезды. Еще сотня лет – и первые рудовозы потянутся к поясу астероидов и сбросят силовые ловушки в крону светила. Тысячелетие – и обновленный Рой, переполненный собственными техническими решениями и разработками, ляжет на крыло, отправляясь в путь с великой миссией – выжигать во Вселенной скверну биологического разума.

Однако кладбище мертвого железа, образовавшееся на месте гибели флота теплокровных, вдруг ожило, исторгнув из себя мятый рейдер под имперским флагом. словно легендарный ужас техноразумных – Эхо Первородного Взрыва, – он неторопливо и методично уничтожал все, до чего могли дотянуться орудия главного калибра. А били они далеко...

– Сегментный! – вновь прохрипел динамик. – Матка выпустила дронов еще до выхода из тени! Полуторный саб-рой на расстоянии в две тысячных астрономической единицы. Время до открытия огня – шесть минут! Время до выхода саб-роя на дистанцию уверенного поражения и оранжевой степени угрозы несущим конструкциям «Марата» – двадцать три минуты! Рвите жопы на кометный след, но выдайте мне по два барабана СГ на каждый ствол!

И мы рванули! Сказалась мотивация, замысловатый мат в динамиках и стимуляторы из резервного фонда отряда. Ну и сладкий перезвон энергорублей на личном балансе, куда ж без этого...

Амазонки уже перестали радовать нас бонусами, посчитав текущий бой то ли читом, то ли багом, однако по группе уже невесть откуда пошел слух, что именно на Родине у потомков можно купить за тысячу эров.

Выходило, что в сумму вписывался вполне себе бюджетный флаер сборки заводов «БМВ и Комаровы». А если не жаться и утроить бюджет, то хватит на престижную «Ладу Галактик» в люксовой комплектации – с возможностью выхода в открытый космос и «вечным» реактором «Чуб-900».

За сбитые дроны не баловали – давали крохи, даже с учетом того, что вместо двух тысяч экипажа призовые делились всего на семь десятков человек. Так, мелочовка в виде нескольких золотых и серебряных карточек с закапсулированной крупинкой изотопа берклия внутри.

Едва ли достаточно на ужин с нетребовательной дамой. Но... Лютый комендор жег вражескую технику пачками, вывешивая на пути техноразумных смертельные поля вольфрамовых облаков.

Ужины складывались, быстро превращаясь в элитные круизы, затем в крохотные однушки вблизи заводских секторов, а после во вполне себе достойные трешки в районах для лучших из худших.

Знать бы только, цела ли еще Новая Москва – невероятная голубая планета с фиолетовыми облаками и элитным индексом обитаемости в сто четырнадцать процентов.

До указанного срока мы отгрузили на-гора двадцать семь снарядов. Затем взвизгнула сирена «ближнего космического боя», а имплант почувствовал микровибрации стартующих противокорабельных ракет, трескотню скоростных АА-пушек и отстрел блоков активной брони. Остатки кластеров ПКО внесли в басы главного калибра звонкие ноты финальных аккордов.

Двадцать секунд игры в одни ворота, очередной светозвуковой маяк ревуна: «Приготовиться к импакту!» – а затем старичок «Марат» забился в судорогах частых попаданий.

Бум! И не донесенные до зарядного барабана снаряды разбрасывает по отсеку. Трехтонные катки легко сминают людей, крушат оборудование, играючи корежат переборки.

Бум! И весь механизм казенника сорвало с креплений и поволокло в дальний угол.

Бум! Вытанцовывавший неуклюжие па карантинщик не разглядел угрозу сзади и оказался вмят в палубу трансурановой болванкой.

Я лишь выл от бессилия, с трудом удерживаясь за балку шпангоута и глядя, как гаснут маркеры бойцов и союзной техники. Причем не ясно, что хуже. Люди хоть воскреснут, а вот верный дроид теперь годится только под разборку.

Минута огневого воздействия – и наступила долгожданная тишина.

Затем зашипела несущая частота связи с ЦУО. Тяжелое дыхание в динамиках прервалось надсадным кашлем с нехорошими булькающими хрипами. Затем смертельно усталый голос заговорил.

– Волна отбита. Выведено из строя четыреста семьдесят средних и легких платформ противника. Мы потеряли еще одиннадцать процентов массы крейсера, эклиптика орбиты нарушена, импакт с поверхностью Нового Севастополя – через три недели. ПКО и орудия ГК – списывайте в утиль. Спасайтесь – по возможности. Спасибо, ребята! С вами был гвардии старшина Владимир Пологов.

Пришибленный происходящим и услышанным, я с трудом отлепился от спасительной балки и прыгнул вниз. Оглядел себя на предмет повреждений. С разбитой головы капала кровь, большой палец вывернут под непривычным углом, свежие синяки и ссадины пестрели в самых неожиданных местах. В целом – легко отделался.

Над головой подозрительно зашуршало. Резко вскинув голову, разглядел невесть как оказавшуюся рядом Лину, по-кошачьи вцепившуюся все в ту же балку. Мы, как звери во время землетрясения, спасались на одних инстинктах, но все равно оказались рядом.

Вытянул руки:

– Прыгай, Линчик, подхватчу.

Девушка презрительно фыркнула:

– Палец вначале вправь, герой!

И легко прыгнула на палубу. Однако вопреки ироничному тону мгновенно сделала шаг ко мне и сочувственно заглянула в глаза:

– Погоди, я сама...

Молча кивнул. Иногда все же хорошо иметь ментальную связь. А то ходит мужик по дому, терпит молча адскую боль, а гордость или глупость не позволяют ему попросить помощи. Да и не ценит никто его стойкости...

А тут... Все как на духу. Я ударюсь мизинцем о рельсу, а Лина вскрикнет и погрозит мне кулаком...

Пока полевая имплант-медицина затягивает «многочисленные нарушения внутреннего покрова», я спешно листаю логи.

Потери отряда – девятнадцать процентов «двухсотых», остальные – «трехсотые» разной степени тяжести.

Дроид – все, спекся. Восстановлению не подлежит и списан с баланса «Марата».

Спарка – цела, хвала всем святым. Висела на ремонтных таях и раскачивалась, как качели, вместе с уцепившимся в нее Макаром.

В минусах еще две капсулы – «0841» и «1179». На их хозяев смотрели

как на смертников. Сами же ребята вид имели соответствующий – бледный и ошарашенный. Словно забрались в самые глубины враждебного подземелья и вдруг обнаружили, что осталась всего одна жизнь. Ни сохраниться, ни перезагрузиться...

Делаю пометку в личных делах – парней беречь, на передовую не выставлять. Шлю им сообщение о временном переводе в хоззвод, в тыл всех тылов. Теперь нам нужны уже три новенькие регкапсулы. Никто не знает, где достать? Кисло...

Логи учебки на удивление скупы и неинформативны. Быть может, система придавлена величию скачанного принудительно апдейта, обязательного для всех мобилизованных флота РИ.

Имперская учетка, напротив, дотошна до полного непонимания. Терабайты статистик, графиков, видео систем внешнего и внутреннего мониторинга и прочих информативный мусор, который будет изучен специалистами СИБ под микроскопом в случае твоего косяка или малейшего подозрения на таковой. Будь то оставление позиций или кража презервативов со складов в соседней части. Приватности в цифровом мире нет, приходится с этим смириться.

Впрочем, ее не было уже и в наше время. Просто мало кто это понимал. Уличные и внутренние камеры передавали тебя одна к другой, интернет-поисковики знали тебя лучше, чем ты сам, кредитная карта фиксировала покупки, смартфон – передвижение и контакты. Да еще и пользователи социальных сетей сами на себя составляли максимально полные профили, включая фотографии и полную карту личных и профессиональных связей. Кому надо – знал об этом и умело пользовался...

Я не стал углубляться в мультимедийные завалы и переключился на главную страницу профиля. Вот, так-то гораздо лучше!

Старший сержант ВКС РИ Павел «Счастливчик».

Основная специальность: пилот-истребитель.

Должность: Командир сводного отряда.

Баллов на Учетной Карте: 4199.

Оклад: 240 ЭР в неделю. Боевой коэффициент: + 200 %.

Состояние личного счета в «РусАрмБанк»: 37 413 ЭР.

Порт приписки: Пятый Рим, учебка «Колизеум».

Борт приписки: ТАК «Марат».

Удовлетворенно и ехидно киваю – это мы удачно юркнули под орлиное

крыло погибшей Империи. А впрочем... Погибшей ли? Если амазонки сумели выжить, то уж наши люди всяко покрепче будут, чем изнеженные псевдоевропейцы! Пусть даже через сердце РИ прошел техногенный Рой – эскадра-орда, растянувшаяся на полтора миллиона километров и знатно прореженная объединенными флотами союзников и вассалов Империи.

Вокруг начинается суета. Нервные смешки тех, кто выжил. Стоны и сдавленный мат травмированных. Новокаиновую блокаду способен обеспечить любой имплант, но придерживать руками вываливающиеся из распоротого брюха кишки – удовольствие ниже среднего.

Суется никак не умирающий медбрат – второй член нашей группы, которому так и не довелось познать все прелести посмертия. Есть у меня крепкое подозрение, что наш коновал втихую ширяется содержимым найденных аптечек и ингаляторов, резко повышая собственную живучесть. А может, просто осторожный и расчетливый везунчик, из тех, что всегда ставят между собой и опасностью одну-две широкие спины смельчаков и дураков.

Отрицательный отбор – с войны возвращается слишком много осторожных трусов. Герои и храбрецы гибнут в первых рядах...

Даю «добро» на использование медицины в полном объеме. Устал я от стонов и смертей, да и ребята заслужили нормальное отношение, хватит уже работать на склад!

По рукам пошли пищевые рационы и пакетики подсушенных ягод, косички лечебного мха и горсти разноцветных пилюль. Будем жить, братва!

В Каземате разгром – валяются болванки снарядов, снесена тумба зарядного механизма, вмяты и проломлены стены в соседние отсеки. Хорошо хоть, не фонит радиацией – запас прочности АР-покрытия боеприпасов потрясает.

Высылаю пешую разведку в свежие проломы. На ходу сочувственно треплю волосы рыдающему Макарке и сам на секунду замираю рядом с разбитым в хлам корпусом карантинщика. Жаль старика...

Макар хлюпает носом и торопливо роется в куче битой электроники. Затем радостно вскрикивает, выхватывает из металлолома небольшой оранжевый бокс, к которому тянутся шлейфы оптоволокну.

– Кристалл личности и блоки памяти! Вроде целы, хотя броня куба всего миллиметра три-четыре! Я подберу ему новое тело, можно ведь, командир?

Киваю, спешно отворачиваясь. В глазах предательски защипало. Почему среди вороха смертей и депрессняка постапокалипсиса меня так тронула привязанность мальчишки к дроиду?

Пошли доклады от разведки – прирост обитаемого объема незначителен, получен доступ в личные каюты команды Каземата, а также в технический отсек обслуживания систем подачи БК. В качестве лута нам светит россыпь мелких ништяков, но ничего серьезного, как и положено для нубо-яслей. Арсенал, склады вооружения, казармы тяжей – все это отделено от нас десятками, если не сотнями палуб.

Мои глаза задумчиво прищурены, я сверлю взглядом дыру в потолке. После срыва казенника нам открылся доступ в шахту канала ствола. Ширина прохода впечатляет размерами – благо калибр определяется не физическим диаметром снаряда, а магнитным полем, формируемым огромными кольцами из редкоземов. Так что сечение шахты сантиметров восемьдесят, не меньше.

Рядом присаживается бледный Муром. Получивший сержантское звание здоровяк баюкает сломанную руку. Перелом нехороший – кости наружу, мягкие ткани всмятку. Но... имплант справится.

Капли пота на лбу Мурома говорят о том, что он не позволил себе полностью купировать боль. Хочет сохранить полную ясность сознания. Достоин уважения...

Командир тяжей также косится наверх, затем недоверчиво смотрит на меня:

– Я даже не хочу знать, что ты задумал...

Криво усмехаюсь в ответ:

– А придется... Условия изменились – «Марат» свалится в гравитационный колодец через три недели. С какого бодуна – мне непонятно, ведь первый курс учебки рассчитан на полтора года. Но... Будем танцевать от того, что есть. Нам нужно попасть на летную палубу как можно скорее!

Сержант смахнул капли со лба и медленно, гася боль, выдохнул сквозь зубы:

– И куда нас выведет этот туннель? Неужели напрямик в ангары?

– Нет, это было бы слишком просто. Шахта проходит сквозь центральную ось корабля и вписана в силовой набор судна. Доступ из туннеля во внутренние помещения теоретически возможен едва ли в десятке мест, и не чаще чем один на тридцать палуб. Вероятно, это защита от таких умников, как мы. Прыгнуть с первого уровня на тридцатый – не более чем способ изощренного самоубийства. Это даже не чит, это просто глупость...

Муром лишь качает головой:

– Так кто мы – умники или глупцы?

Я медлю с ответом, рассеянно оценивая взглядом своих бойцов. Вполне возможно, что последних воинов Империи. Наконец произношу, причем угроза в моем голосе заставляет сержанта удивленно вскинуть брови:

– Не стоило загонять нас в угол, в такой ситуации даже крыса способна убить человека... А мы – мужчины двадцать первого века, прямые потомки и наследники Великой Империи. Не изнеженные геи-аристо из далекой колонии и не накаченные синтетическим тестостероном несчастные девчонки, притворяющиеся крутыми пехотинцами. К тому же у нас просто нет выбора. До ангаров еще сто семьдесят палуб. Изначально нам давалось три дня на палубу, что само по себе катастрофически мало – с первой попытки зачет получает меньше половины отрядов. Но сейчас нам определенно нужны нестандартные мувы...

Муром пожал плечами.

– Попытка не пытка. В крайнем случае сделаем в шахте ствола амбразуру и расстреляем из спарки все, что окажется в зоне видимости. Хапнем по-наглому бонусов и вернемся на свой уровень компетентности.

– ОК! План принимается к разработке. Штабу, совместно с так-сетью имплантов, проработать детали операции. На сегодня – отдых. Снимаем посмертные дебафы, чистим смежные помещения от ништяков, сжигаем за собой мосты – разрешаю вскрыть тактические запасы вкусняшек и выдать наркомовские сто грамм. Все, исполнять!

Через двенадцать часов отделение наших лучших бойцов стояло перед самодельным пандусом, ведущим к шахте ствола. Экипировали штурмовиков всем миром, не жалея и крысятничая. Вместо размазывания брони и вооружения тонким незаметным слоем по отряду мы собрали единый ударный кулак.

Для нуболокации – более чем достойно. Все в скафах или легких ББСах, часть дополнительно прикрыта спас-щитами. У всех в кобурах легкий ручной огнестрел и клинки стимпанковского вида. Дополнительная защита в виде уродливых нашлепок бронепластин, снятых с битых дроидов. При некоторой доле везения вполне может спасти нежную человеческую плоть. Мобильность, правда, снижается, но худо-бедно крутиться под ливнем плазмы могу только я, со своим внекатегорийным «Альфа-прим». Причем афишировать эту способность не стоит. Мало ли... Дуэль там нарисуеться или силовое смещение с должности... Люблю удивлять и иметь козырь в рукаве.

Командиром группы шел я сам, хотя возглавлял строй Муром. Он обнулил суточный счетчик смертей и к минутному пребыванию в вирт-

чистилище относился философски.

Мое место было перед замыкающим – управление отделением следовало сохранять до последнего момента.

За Муромом шла Ника, гонящая в передовом дозоре восьмерку зерг-дронов.

Нику прикрывала пара стрелков-пехотинцев – Николай и Кот, затем двигалась группа тяжелого вооружения – Лина и Макарка, волокущие ИМП-спарку на специальном крепеже. Третий номер расчета был нагружен коробами с БК – пятнадцать тысяч боллов в широкой номенклатуре. Плюс переносной бронешит на случай установки орудия на стационарную позицию.

Парень кряхтел, но терпел, не желая отвлекаться на бесполезные жалобы. Семьдесят кило расходников тянули его к центру искусственной гравитации. А ведь нам предстояло подняться по каналу ствола на добрых полсотни метров – высота шестнадцатизэтажного дома. Лестница из неодимовых колец – это вам не эскалатор лифта. Сорваться – проще простого.

Приказ – падать молча и не привлекать внимания к крадущемуся по чужой территории подразделению – бойцов не ободрял.

Начинаем движение. Пока мы отдыхали, технари вспороли обмотку магнитов и сплели из них ступени лестницы. Адский труд, который уже зачелся дополнительными баллами на УК и моей командирской благодарностью с занесением в личное дело. И это, кстати, не филькина грамота, а вполне весомый бонус для каждого бойца.

Медленно и упорно ползем наверх. В скафах это не просто, наша физика еще далека от оптимальной раскачки. Мышечная масса прирастает медленно, бицепс пухнет на полтора сантиметра в неделю, пиковый вес предельных нагрузок увеличивается еще на процент в сутки.

Над головой негромко цокают зерг-боты, сканирующие пространство во всех возможных диапазонах. Изредка их чуткие сенсоры улавливают вибрацию далекой стрельбы или эхо взрывов. Однако я спокоен. Толщина несущих конструкций двухкилометровой туши «Марата» такова, что без применения тяжелого вооружения взломать шахту ГК практически невозможно.

Правда, в некоторых местах конструкторы схалтурили или сэкономили, прикрыв канал ствола заемной броней спецотсеков. Именно к такому месту мы и стремились.

Резервный Командный Центр! Броневого кокон с системой двойного шлюзования и скрытым сервисным люком в шахту разгонника.

Подозрительно удобно!

Неужели это не косяк планировщиков, а скрытый метод эвакуации и перемещения по кораблю для старшего командного состава? Предположим, на случай бунта или абордажа? К сожалению, все офицерские документы и методички были нам недоступны, оставалось только гадать...

Ника резко остановилась, зафиксировала в петлях три конечности и тревожно вскинула руку:

– В предполагаемой точке выхода – стрельба. Плотность боя – высокая, я бы сказала – критическая. Бьют на расплав стволов. И это, командир... Я снимаю звуковую дорожку с микрофонов зерга. Судя по обрывкам команд, одна из сражающихся сторон – это наши старые знакомые, седьмая рота пси-снайперов. По крайней мере, порнушную хрипотцу Ливии Круз я не спутаю ни с чем...

Глава 15

ТАК «Марат». Резервный Командный Центр (работоспособность систем: 3,6 %, индекс обитаемости: 42 %). Установлен капчер-флаг Седьмой роты пси-снайперов.

Младший сержант Ливия Круз, лишенная одного кольца на шевроне за катастрофическое падение рейтинга подразделения, торопливо протерла глаз от заливающей его крови и, сверившись с тактической картой, зашептала скороговорку приказа в локальный чат «семерки».

– Отделение «Эпсилон» – возьмите на усиление последнюю роботурель и бегом в Радиальный коридор! Второй взвод выдохся окончательно...

– Отделение «Дельта» – окопайтесь в Штурманской! Через вас отступит «взвод-3», отсекайте преследование и держитесь сколько можете! Мины! Используйте по максимуму, сливайте все что есть! Через два часа отспаунится «Альфа», брошу вам на помощь!

Ливия беспомощно откинулась в кресле у пульта. Все, резервов больше нет. А проклятые аристо из училища Кадрового Резерва взяли за них всерьез. Золотая молодежь, получающая офицерское звание только лишь для подтверждения дворянского сертификата, уже дважды проваливала задачу курса и теперь по третьему кругу резвилась в нуболокациях.

Как не без основания подозревала Ливия, провалы были осознанными. Зачем рвать задницу и штурмовать верхние палубы «Марата»? Проще досконально изучить первые полсотни уровней и отыскать все секретные нычки. К тому же все давно были в курсе о недокументированном баге виртполигона – закладки и схроны, сделанные при прошлых заходах, остаются в игре.

Вот и стартовали аристо резко и красиво – с нештатными имплантами от лучших клиник планеты, богатыми закладками и великолепным знанием местности.

Невезучие соседи вырезались практически мгновенно, доводясь до капа – сутки на респаун, с последующим уничтожением стазис-капсул.

Затем следовал кровавый круг по нижним уровням – аристо удовлетворяли свои нездоровые инстинкты и набивали тысячи ачивок в личное дело, превращая его в героический иконостас и чуть ли

не автоматом получая наградной лейтенантский патент. Так проще и интересней.

– Твари... – вновь прошептала Ливия и бессильно ударила кулаком по переборке.

– «Взвод-6», отходите, сокращаем линию боестолкновения, оттягиваемся к рубке!

На глазах младшего сержанта набухали слезинки злобы и обиды.

Бесполезно, все бесполезно! Им не удержаться, все происходящее – не более чем агония. Полчаса, и их отожмут к залу респауна. Той самой рубке, где она сейчас находится, в окружении пустых капсул и стонущих тяжелораненых. Резервы малого ППГ задействованы на все сто, но явно недостаточны.

Интерфейс вновь завалило россыпью докладов со статусами «KIA» и «WIA».

Ливия покосилась на так-монитор и устало выдохнула:

– «Девятка», отходите! Подберите «9–4-ю», она еще жива.

Посидев еще с минуту, пустым взглядом наблюдая, как стремительно сжимается контролируемый ротой объем, она вздохнула, пожалала плечами и потянулась к верному импульснику.

Как командир она уже бесполезна, как снайпер – ничего не стоит из-за сбоя пси-настройки и отсутствия должной экипировки, оставшейся на местах смертей, перешедших под контроль противника. А вот лишних пехотинцев сейчас нет – каждый ствол на счету...

Спустя час Ливия Круз вновь оказалась в Рубке. Только теперь на ее голове зияла пугающего вида рана, слегка обработанная «фризом» и наспех стянутая серебряными скобами мед-степплера. Сержант стояла на коленях, вжавшись лбом в стену отсека. Ее руки были скручены за спиной, а остатки брони срезаны с тела.

Противник не заморачивался с крепежами и не желал нарываться на хитрый сюрприз «последнего привет» в виде пары грамм взрывчатки или капсулы с ядовитым аэрозолем. Техника работы с пленными была отточена до совершенства.

Вдоль стены стояли еще три десятка раненых снайперш и дюжина только что воскресших девчонок, сразу же попавших в жадные лапы победителей.

Не отходящий от пленниц хак-мастер перегружал командные цепи имплантов и блокировал любые попытки суицида. Армейская глушилка смотрелась на нижних уровнях несколько чужеродно, ее место на палубах «100+».

– Мажоры... – едва слышно прошептала Ливия, прощупывая окружающее пространство очнувшимся от стресса пси-даром.

В Рубке было тесно – полсотни бойцов в средней, тяжелой и кастомной броне занимали все свободное пространство.

Сержант удовлетворенно улыбнулась разбитыми губами, благо ее лицо было обращено к стене, и вызывающего поведения никто не заметил.

– А все ж таки человек пятнадцать мы завалили!

Размен один к десяти, даже при игре от обороны, она не считала позорным. Снайперы не созданы для ближнего боя с тяжелой дворянской ка-пехотой, да еще в узких коридорах древнего крейсера.

Их стихия – засады на один выстрел. Желательно на дистанциях от трех-четырех километров. И она не виновата, что первый курс учебки – общефизический, обязателен для всех.

Вон ребята из «К-9» считают за счастье пройти его с третьего раза. У них даже тактика специальная разработана, сознательно рассчитанная на два рестарта.

За спиной у Ливии загрохотала скидываемая на палубу броня и амуниция. Аристо загерметизировали отсек, выставили в наружную охрану дронов и сейчас спокойно разоблачались, снимая доспехи и готовясь к ритуальному празднику победителей.

Сержант вздрогнула и до боли закусил губу. Она выдержит! Любой день можно прожить от рассвета и до заката.

Их будут насиловать, не гнушаясь противоестественной связью высокородных с грязным плебсом. Затем пытками размывать грань между вирт-реальностью и вирт-чистилицем, а наигравшись и окончательно доломав очередную куклу, просто убьют. И так раз за разом, пока таймер респавна не покажет сутки.

Арбитр зафиксирует полное уничтожение отряда. Аристо получают очередной четырехзначный бонус и вновь закружат по нижним палубам, выискивая новых жертв...

В тяжелый пси-фон пьяных от крови и предвкушения высокородных вплелась свежая волна. Знакомая до боли и бабьей тоски аура мужчины, которого любишь или с которым была близка.

Счастливчик? «Тринадцатая»?! Откуда?!

Изменение фона почувствовала не одна Ливия. Снайперши зашевелились, закрутили головами. Пара встревоженных охранников вскинула стволы масс-нейротиков. Сержанту пришлось рывкнуть на ментальном канале, требуя замереть, слушать астрал и быть готовыми действовать.

– Одиннадцать... – шепнула про себя Ливия, пересчитав сияния сгустков разума.

Особой опасности не представляют – по-прежнему зеленые новички, пусть даже слегка пообтесавшиеся в трюмовых отсеках крейсера. Интересно, им уже удалось заполучить свой первый ствол или все еще бегают с палками-копалками, как ее седьмая рота в первый месяц после погружения в вирт?

Бесполезно... Все бесполезно... Разве что чуть развлекутся, подсматривая за тем, как высокородные препарируют девчонок...

Под веселый гогот на правило потянули комвзвода-2, миловидную Викторию. Чистота ее крови была под вопросом, а вот красота – несомненна. Насильников даже не смутило отсутствие правой кисти у жертвы.

Совсем рядом, за неожиданно тонкой стеной внутренней переборки (как туда вообще можно было залезть? Там ведь монолит несущей конструкции корабля?!) астрал вскипел ненавистью. Оно и понятно. То, как аристо начали «беседу» с Викторией, вряд ли может понравиться хоть кому-либо...

За стеной звякнуло железо, посыпался какой-то мусор. Ливия болезненно поморщилась: тихушники из салаг никакие. Однако высокородные, увлеченные запретным в реале действием, не обратили внимания на алармы имплантов.

Скрип давно несмазанных петель. Один из конвоиров недоуменно покосился на переборку, начал медленно поднимать ствол.

Раскачанная интуиция мгновенно бросила снайперш на палубу. Спустя полсекунды фальш-панель стены буквально вынесло ливнем гиперскоростных боллов.

Очереди ненадолго вцепились в караульных, легкомысленно поднявших забрала шлемов, но все же оставшихся в броне и представлявших наибольшую угрозу. Полсекунды на бойца, затем щедро, крест-накрест – по залу, вышибая кровавую взвесь из тощих фигур ошарашенных аристо.

Ливия крутилась по полу, легко предугадывая действия неопытного оператора вооружения. Искра «пси» сержанта пылала как никогда ярко, она видела будущее на бесконечные две секунды вперед. А это, между прочим, норматив для гвардейских частей!

Причем, судя по тому, как легко танцевали со смертью ее подчиненные, схожая волна идеальной подстройки под астрал накатила и на них.

Ливия короткими бросками передвигалась к присмотренному на палубе плазмогану, при этом успевая совершенно четко и ясно мыслить:

– Тяжелый ротный ИМП. Скорее даже пара. На максимальной скорострельности – полсотни снарядов в секунду. Святая Юнона, откуда у них ТАКИЕ стволы?!

Собственный уровень контроля над пси-энергетикой поражал. Девушка уже лупила короткими двойками по забившимся в щели аристо, параллельно нащупывая разум товаров, синхронизируя мыслительные процессы и выстраивая идеальную двенадцатилучевую пси-звезду. Практически единый организм, доступный лишь экспертам и грандам.

Двадцать секунд ада, в котором ИМПы разрядили большие короба-тысячники, а танцующая пси-звезда скупое добила раненых и притворяющихся таковыми. Если в тепловизор прицела все тела абсолютно одинаковы, то энергетику живого мозга не скрыть показушной неподвижностью.

Послав неизвестному оператору спарки мысле-глифы: «Свои! Прекратить стрельбу!» – Ливия позволила себе подняться с залитой кровью палубы и оглядеться.

Пятьдесят шесть трупов аристо и семь погибших от дружеского огня или случайных рикошетов снайперш. Величайшая победа, которая войдет в устный легендарный учебки!

Тонкие щупы стволов исчезли в темноте скрытого прохода. По характерным косым дульным срезам сержант опознала спарку «ИМПх2-дроид стационар» – и как только модифицировали под ручную стрельбу? Там ведь электронное управление, полное отсутствие человеческой эргономики и систем наведения. Неужели лупили с открытого прицела, как в древние времена континентальных войн?

Выбив остатки фальш-панели, в зал стремительно ворвался высокий широкоплечий боец в обычном пустотном скафандре. Сердце Ливии взволнованно застучало, имплант удивленно сообщил о появлении в крови целого букета гормонов.

Счастливчик, а это был именно он, на мгновение остановился, похозяйски оглядел груды аккуратно сложенной самими аристо экипировки и довольно потер руки. Да, знатная добыча!

С трудом оторвав горящие глаза от эпик-лута, командир пришедшего на помощь подразделения пробежался взглядом по девушкам, стоящим среди заваленного трупами зала.

Угрозы они не чувствовали, наоборот – несмело и призывно улыбались, неожиданно смущаясь под взглядами истинных мужчин.

Первобытных, агрессивных, сохранивших идеальный геном и не испорченных веками профессиональной мозгомойки от политиков, социологов, пиарщиков и прочих любителей объяснять, что именно тебе нужно покупать, любить и ценить и как, где и с кем ты должен жить.

Опознав старую знакомую, Счастливчик бросился к Ливии, обнял ее за плечи и звонко расцеловал в обе щеки.

Девушка едва слышно охнула, внизу живота томительно заныло, а ураган пси-энергии развернулся на добрых полсотни метров, словно она была экспертом, готовящимся к переходу на уровень гранда.

Сержант едва осознала обращенные к ней слова:

– Привет, Ливия! Мы вовремя?

Взяв под контроль ватные конечности, она вымученно улыбнулась. Уловив на себе ироничный и ревнивый взгляд стоящей за спиной парня девушки, Ливия с трудом выпрямилась и благодарно кивнула:

– Более чем. Я переведу на твой счет весь резервный пулл командирских поощрительных баллов. Там немного, около двух тысяч, но все же. И, естественно, я не претендую на трофеи, они ваши. Прошу права бартерного выкупа части нашей экипировки... – тут Ливия покраснела и уже тише добавила: – В долг, под проценты...

Увидев, как скривилось лицо парня, сержант еще крепче прижала к груди плазмоган и спешно затараторила:

– Мы обязательно раздобудем что-нибудь нужное для вас! У вас ведь был взвод абордажников? Я знаю один ремкомплекс на сорок третьей палубе, там проводили техобслуживание тяжелых ББС! Дай нам только немного встать на ноги, и мы добудем тебе эти скафы!

– Ливия! – негромко прервала ее скороговорку Виктория. – Им не нужны проценты, они и так оставят нам экипировку, ведь так, ребята?

Сержант недоуменно наморщила лоб и только затем вспомнила о собственных талантах. Недопустимая оплошность!

Натянув на глаза полог «пси», она повторно взглянула на стоящих перед ней бойцов.

Веселье, сочувствие, желание защитить, страсть, сила, уверенность в себе...

В животе снова заныло, дыхание перехватило. Стоящий рядом Счастливчик дружелюбно улыбнулся и кивнул:

– Оставим. Солдат ребенка не обидит. А может?.. – оглянувшись на свою подругу, парень перебросился с ней десятком мысле-фраз-образов.

Несмотря на невысокий уровень искусства, сила энергетики и степень

экранировки приватного канала – поражали.

Ливия даже вздохнула от зависти. Ей всю жизнь приходилось рассчитывать исключительно на филигранность владения «пси», так как собственный астральный резервуар оказался очень скромнен – едва-едва хватило для поступления в учебку из второго списка престижности.

Хотя сейчас, когда рядом бьет фонтан дикой мужской энергетикой, она впервые ощутила себя по-настоящему могущественным псиоником, легендарной Лерой из популярнейшего виртшоу, того самого – с правом присутствия и воздействия на происходящие события.

И вновь, окунувшись в собственные мысли, она привычно и бережливо свернула полог восприятия.

А зря! Опять эта настырная Виктория!

– Никаких «может»! Однозначно и безоговорочно – да!

Миниатюрная светловолосая девушка закинула за спину трофейный пакетный дробовик и, решительно тряхнув короткой челкой, подошла к невысокому пареньку, жмущемуся к грозной Имп-спарке.

Встав на цыпочки, она обвила его шею руками и неумело, но страстно впиалась в губы жарким поцелуем.

– Да если у меня будет третьим номером вот этот красавчик, – парень зарделся, но гордо развернул плечи, – то я одной лишь сырой «волной» смогу задавить тяжелого штурм-дрона!

Ливия напряглась – поправление всех социальных норм! Мужчины для блуда бесконечно дороги, зачастую неприкосновенны и практически никогда не бывают бесхозными.

Денежный и социальный штраф, понижение в правах, а то и вовсе вызов на дуэль. Вот минимальный набор неприятностей, которые можно огрести, если игнорировать гасящие цикл и обязательные к приему препараты и следовать зову собственной похоти!

Однако стоящие напротив мужчины лишь весело заулыбались, заулюлюкали и даже захлопали в ладоши! Им нравилось, и они одобряли происходящее! Такого не бывает, это просто сказка, сродни бабушкиным рассказам о далеком прошлом.

Дюжина исходящих тестостероном и свободной энергетикой самцов! А из темного провала люка уже лезут все новые и новые бойцы, похозяйски оглядывающиеся, присматривающие себе валяющиеся на палубе стволы и рефлекторно бросающие жадные взгляды на стройных курсанток в изрезанном исподнем.

И да простит всех нас святая Юнона, что происходит с ее девочками?! Они втягивают животики, выпячивают грудь, стреляют глазками

и принимают выгодные позы, словно заранее отработанные перед зеркалами в казарменном сортире.

Подошедший к Ливии Счастливчик непонятно зачем протянул ей раскрытую ладонь.

– Ну что ж, мои люди тоже не возражают. Поодиночке нам не выжить – осталось слишком мало времени, а мы всё еще бесконечно далеки от цели. Так что, по рукам?

Перед глазами Ливии всплыла стандартная форма годовичного контракта:

- *Внимание! Отряд «13» предлагает создать временное соединение.*
- *Принять или отказать?*

Сквозь грохот собственного сердца в ушах девушка услышала голос парня:

– И что ты там говорила про армейские ББС? Они нам были бы очень кстати. Еще нужны чистые стазис-капсулы, стэки управляемых дронов, тяжелое и стационарное вооружение...

Семнадцать дней спустя

ТАК «Марат». Летная палуба «190». Флаг принадлежности – «техноразумные», «бордовый» уровень опасности.

– «Омега» на позиции, – прозвучал в голове доклад тактика соединения «13–7».

Я автоматически скинул глиф «ОК», продолжая рассматривать территорию огромного ангара. Позиция у штабной группы идеальная – на технической галерее, под самым потолком, в тридцати метрах над палубой.

Рарный модуль «Хамелеон» прикрывал нас практически во всех диапазонах, в том числе по всей длине светового спектра. Однако зарываться не стоило, общение вели исключительно по пси-каналу.

Мало нас, слишком мало! Да и зубастость цели такова, что аналитический имплант не видит победных сценариев без привлечения дополнительных сил в виде полнокровного батальона «тяжей». Совсем сдурела железяка, так и не осознала за эту пару недель потенциал слияния пси-снайперов и мужского отряда с идеальным геномом.

Не стоит тупо складывать стволы, мы усилились кратно, на порядок! Девушки расцвели, гормональный фон зашкаливает, энергетическая буря

способна выносить переборки и шлюзовые двери отсеков.

Как говорит Ливия – ее подразделение теперь не то что в гвардию, но и в спецназ Имперской Безопасности оторвут просто с руками. Даже странно, что их до сих пор не отключили от симулятора.

Впрочем, расставаться со своими мужчинами девушки отказываются, вплоть до увольнения из рядов. Что на самом деле не так уж и просто, после образования временного соединения его юрисдикция осталась за ВКС Российской Империи. Нужно было видеть лица девушек, когда над их электронным профилем расправил крылья золотой орел. Шок и трепет!

Правда, сейчас уже пообвыкли и даже втайне гордились. Статистика запросов и время самолюбования личной аватарой мне видна как командиру отряда и обладателю офицерского импланта.

– Группа «Сигма» на позиции!

Вновь отбиваю «ОК».

Кольцо вокруг летной палубы сжималось медленно, метр за метром, под прикрытием всех доступных нам средств маскировки. Ах, недаром мы обнесли склады РЭБ на 112-й палубе и зачистили базирующихся там связисток третьего курса! Славная была драка! Связистки порвали все шаблоны – не штабные очкастые крысы с сытыми мордами, а волчицы матерые, не раз жизнью битые. Встречу в реале – с удовольствием пожму руку и поставлюсь пивасиком.

Впереди снайперских троек шли террор-ульи «Домовых» и «Баньши», садящиеся на коммуникации противника и подменяющие данные систем безопасности, готовые в любой момент дать левые засветки и ввергнуть в хаос вражеский штаб.

Ника и Стелла, наши бот-мастера, держали на коротких поводках свору элитных дронов, готовых рвануться в смертельную отвлекающую атаку. К сожалению, тяжелых машин добыть не удалось, несмотря на весь потенциал соединения. Нам тупо не хватало времени!

Мы и так рвали все шаблоны, атакуя внекатегорийные цели и стремительными рывками прорываясь сквозь несколько палуб сразу. Даже курсанты пятнадцатого года обучения не могли противостоять полусотне слаженных пси-троек уровня эксперт или гранд.

Честно говоря, наше подразделение вполне достойно вписывалось на дивизионный, а то и армейский уровень.

Группа Муромы кралась второй волной, следом за снайперами. Активированные стелс-модули тяжелых ББС «Умка» превращали бойцов в некое подобие инопланетных Хищников. Размытые, практически

прозрачные тени, липнущие к потолочным панелям и ждущие своего часа.

Техники шли третьей волной. Их задача – минировать все и вся, включая боковые проходы, служебные и технические туннели. На особо опасных направлениях ставить роботизированные турели, захваченные нами в старых казармах контрабанджников.

Все. Больше резервов нет. Так, мелкие козыри в виде больших пушек, мажорных девайсов и крупного разлапистого орла РИ на броне, вгоняющего врагов в ступор и вселяющего суеверный ужас. Оживший легендарium!

– Время... – отзывается в моей голове горячий ментальный шепот Лины.

Молча киваю и шлю ответную волну тепла. Моя родная половинка...

Активирую скрипт начала операции.

Первые секунды, как обычно, идут по плану. Затем начнется противодействие противника, нить реальности разветвится, сработают наши домашние наработки в виде ответных мер.

Минута – и уже потребуется мое вмешательство для оперативной реакции на изменившуюся обстановку. Вторая – и от первоначального плана останутся одни лишь намерения и направления...

– Вормы пошли... – отчитывается ИИ-тактик, одно из главных сокровищ отряда, спасенный из разгромленного серверного зала крейсера.

– Ставим активные помехи по вектору отвлекающего удара...

– Обнаружена активация резервных средств наблюдения, наведения и подавления... Работаем... работаем... работаем... Гарантия ослепления систем противника – 84 %... 85 %... 86 %...

– Дроны пошли!

Я почти явственно слышу плач Ники, посылающей в последний бой собранную по крупицам и тщательно модернизированную элиту нашего технопарка. Дополнительные системы вооружения, модули добронирования, экранирование уязвимой электроники и убийственные ранцы самоликвидации...

В правый угол экрана падают пятнадцать глифов: «Аве, Цезарь!» Символично...

Последний дрон, с любовью расписанный под хохлому, остается рядом с операторами – охранять их нежные задницы и драгоценные мульти-хабы управления.

– Огневой контакт!!!

Пошла потеха! Теперь глифы сыпятся пачками, складываясь в стеки по типу: живая сила противника, уничтоженные юниты, потери союзников.

Столбики растут, меняют цвет, дополняются цифровыми показателями, приобретая наглядный вид раскладки текущего боя.

Пока что количество обнаруженных противников растет лавинообразно. Техноразумные лезут из всех щелей. Валит передовая волна скоростной мелочи, затем показываются более солидные середнячки – штурм-боты, дроны непосредственной поддержки, мобильные постановщики щитов и прочие порождения чуждого разума.

Срабатывает сюрприз «больших пушек» – над головами штурмующих проносятся пакеты ГСР, изъятые нами совсем неподалеку, в ангаре технического обслуживания истребителей.

Систем управления гиперскоростными ракетами у нас нет, пусковые блоки заранее навели вручную – на кого бог пошлет. Радует одно – их много. Расстраивает другое – противника еще больше.

Вот оно, старое и доброе русское понятие: «метнуть жребий», где жребий – это свинцовая картечь, забитая в пушки. Лупишь в толпу – и кому какой жребий выпадет. Без обид.

Мелочь повыбило знатно, благо заряды у ГСС подходящие, сегментные. С остальными поражающими факторами взрывов было сложнее – ксеноразумные пустили в отсек вакуум, так что взрывной волны и пожаров не предвиделось.

Средних тварей помяло меньше – сегментный ГСС в целом штука скорее пэвэошная, призванная создавать взвесь осколков на пути нежных и небронированных целей вроде тяжелых торпед или противокорабельных ракет.

Наши дроны уже несли первые потери. Несмотря на то что огонь по ним ведется в основном мелким калибром, но уж очень он плотен.

Ника гонит своих подопечных по ломаным траекториям, решая одновременно две взаимоисключающие задачи – не потерять робота и максимально быстро ворваться в ряды противника.

– Снайперы в деле.

Под шумок отвлекающей атаки открыли фланкирующий огонь наши девчата. Вторые номера подсвечивали и маркировали цели согласно приоритетам, стрелки лупили из тяжелых снайперских комплексов по уязвимым местам подставившихся ксеноразумных – сочленениям, решеткам теплоотводов, хрупким сенсорам или просто в слабобронированное подбрюшье.

Третьи номера – бойцы «тринадцатой», постоянные партнеры в сложившихся тройках. В их присутствии пси-способности девчат максимальны, а сами мужчины служат «батареями последнего шанса».

– Семь дроидов вошли в соприкосновение с противником. Восемь подбиты, из них трое по-прежнему на связи... Продолжаем движение, углубляемся в построение врага... Минус еще двое, телеметрия идет с одной машины. Достигнут оптимум для самоликвидации. Подрыв!

Ослепительные вспышки синхронизированных взрывов слизнули контрнаступающие цепи противника. Холодная плазма выжгла стационарные огневые точки и упростила до минимума рельеф местности. Все, что способно плавиться при температуре в миллион кельвинов, стекло на керамическое покрытие палубы, призванное выдерживать выхлопы взлетающих на форсаже истребителей.

– Зерг-раш!!!

Сигнал к общей атаке прозвучал голосом Муромы на общем канале. Во фланг и тыл ошарашенного врага ударила наша элита – тяжелая пехота в топовой экипировке.

Палуба вибрировала под ногами, однако бой продолжался в иррациональной тишине. Вакуум честно не передавал звуков, тут вам не киношка о звездных войнах, где космические истребители с ревом заходят в атаку.

«Тяжи» жгли боекомплект с умопомрачительной скоростью. Все то, что удалось собрать, отжать или изредка обменять, сливалось в одном боеконтакте.

Максимальная скорострельность, максимальная плотность огня. Стена, вал! А за спиной работают полсотни стрелков поддержки – не знающие промаха снайперши, вошедшие в транс и ведущие огонь с закрытыми глазами. На инстинктах, чутьем и чудом!

И враг дрогнул. Скорее всего, просто сжимая линию боеприкосновения и желая прикрыть наиболее ценные участки локации – фабрику полного цикла, склад сырья, непонятные стальные пирамидки и полусобранную тушу чего-то гигантского размером с канонерку.

Пятились тяжелые дроны, искрящие от частых попаданий, теряющие навесное оборудование, оптику и выступающие блоки вооружения.

Корчились на палубе немногочисленные средние боты, не имеющие достаточного бронирования для ведения боя такой плотности. Слишком точный огонь, со всех направлений, без тыла и прикрытых флангов. Подавлены системы внешнего целеуказания, зашумлена линия связи со штабом, ослеплены и уничтожены сенсоры прямого обзора.

– Потери «тяжей» – 42 %. Снайперов – 9 %. «Техники» – 38 %. Остатки БК: «тяжи» – четверть носимого, резервов не имеем. Снайперы: 30 %, складских запасов не имеем.

- Прогноз?! – практически выкрикиваю я самый актуальный вопрос.
- Поле боя останется за нами с вероятностью в 77 %... 78 %... 79 %...

Предварительный дальнейший прогноз: уничтожение соединения в течение суток из-за отсутствия боеприпасов к основным видам вооружения. Рекомендация: тактическое отступление на нижние уровни.

- А вот хрен тебе! – улыбнулся я.

Сегодняшний вечер соединение планировало провести в реале, за грандиозной пьянкой, в связи с досрочным завершением курса. По крайней мере, более опытные девчата из «7-й роты» уверяли нас в обязательности такого сценария.

Выполнил миссию – свободен. И не важно, что ты завалил главного босса последним патроном, а за спиной у тебя висит еще сотня голодных тварей. Правила игры, селяви. Простите монстрики. Хе-хе...

Спустя час отспаунившиеся и заметно потрепанные бойцы «137-го» соединения собрались в центре закопченного ангара. Взгляды большинства были прикованы к таймеру обратного отсчета, а губы беззвучно шевелились в такт последним секундам.

- Установка флага группы через: 8... 7... 6... 5... 4... 3... 2... 1... 0!
- Поздравляем, Летная Палуба захвачена сводным отрядом «13–7»!

Громогласное «Ура-а-а!» подхватили даже прирученные амазонки.

Наши еще ликовали, когда на лицах девушек появилось недоумение, довольно быстро сменившееся тревогой.

– Что-то не так? – нахмурившись, спросил я у своего зама – мастер-сержанта Ливии Круз.

– Интерфейс учебки! Он молчит... И вообще – недоступен! Какого черта?! Нас уже должны были вытаскивать из капсул!

Звонко ударили легендарные куранты УК Российской Империи.

- Поздравляем с досрочным завершением первого курса.

– Финальный результат соединения в таблице рейтинга учебных заведений ВКС РИ – 1 из 1. Согласно правилу 78233–11-прим, лучший поток года премируется внеочередным званием!

– Внимание! Присвоение внеочередного звания: Лейтенант. Устанавливаем связь с младшим потоком ИИ «Ганнибал». Ожидайте... Ожидайте... Ожидайте... Получено подтверждение, новый ранг утвержден.

- Поздравляем с первой нашивкой! Многих тебе звезд, лейтенант!

– Активация офицерского интерфейса... Разблокирование скрытых опций... Разархивация запароленных блоков...

Текущий статус:

– Должность: командир сводного соединения «13–7».

– Оклад: 450 ЭР в неделю. Боевой коэффициент: + 200 %.

– Состояние личного счета в «РусАрмБанк»: 51 445 ЭР.

– Порт приписки: Пятый Рим, учебка «Колизеум».

– Борт приписки: ТАК «Марат».

Внимание! Обновление статуса!

– Как старший офицер на борту вы назначаетесь временно исполняющим обязанности командира ТАК «Марат».

– Оклад: 3450 ЭР в неделю. Боевой коэффициент: + 300 %.

– Установка закрытого канала связи для загрузки ключей управления и обновления цифровой подписи... Ожидайте... Ожидайте... Ожидайте...
Получено подтверждение, информация обновлена.

Я удовлетворенно улыбнулся и хищно раздул ноздри. Родина оценила наши достижения, вот теперь – повоюем!

Только вот отдохнем немного и начнем со свежими силами осваивать трофеи и ставить на крыло ястребки. А может, и вовсе – откачаем умирающий «Марат» и рванем к звездам? Задачи второго курса достаточно свободны, методы выполнения – опциональны. Налет энного количества часов, боевой коэффициент не ниже чем, ну и так далее.

Активирую офицерский интерфейс, победно подмигиваю встревоженным парням и девочкам. Уверенно ввожу капитанский код и вбиваю команду:

– Выход из вирта!

Читаю ответ, и улыбка медленно сползает с моего лица.

– Выполнение команды невозможно. Вы уже находитесь в реальности. Курсор еще мигает несколько секунд, а затем выдает совсем неожиданное:

– Удачи тебе, сынок.

И подпись:

– Министр Обороны Российской Империи, Главный поток ИскИна «Ганнибал».

Глоссарий

А

«Альфа-прим» – имплантат Счастливчика (либо тип/уровень классности имплантата).

Альфа-самцовость – тип поведения доминантных мужчин.

Антиграв – тип двигательной установки, основанной на антигравитационном поле.

Апать – улучшать.

Андейт-патч – программное обновление.

«Армавир» – линкор Российской Империи.

Арт – артефакт.

Ачивка – достижение.

Б

Баг – ошибка. В основном – программная.

«Баньши» – контрдиверсионный улей нанитов, состоит на вооружении Пятого Рима.

Баф – игровой термин, обозначает временное усиление игрока, как правило, под действием специального заклинания.

ББС – боевой бронескафандр.

БД – боевые действия.

«Берсерк-6» – боевой коктейль из аптечки ББС.

Биотерминатор – тип оружия массового поражения.

БК – боекомплект.

Боллы – боеприпас для ведения огня из импульсника.

Большое Содружество – совокупность человеческих государств на разных планетах Галактики. Пятый Рим – одно из них.

БП – боеприпас.

Бэкап – резервная копия.

В

Вангую – предсказываю.

«*Варяг*» – тип боевых нанитов Роя.

ВВ – взрывчатые вещества.

«*Ветер Тайги*» – стимулятор.

Вирт – виртуальная реальность.

ВКС – Военно-космические силы.

«*Волант-9*» – пилотский имплантант, один из самых простых в установке. Минус – слабые боевые возможности.

Г

«Ганнибал» – ИскИн, и.о. Министра Обороны Солнечной системы. Также визирует повышения званий курсантов в училищах ВКС.

Глиф – иконка, пиктограмма.

Грумбридж – звездная система, входящая в РИ (Российскую Империю. РИ – часть Большого Содружества). Две терраформированные планеты и главная база флота РИ, крупнейшие верфи в зоне человеческой экспансии. Все было уничтожено при вторжении Роя.

Д

Дампы – резервные копии баз данных.

Дебаф – то же что и баф, только с негативным эффектом.

«Диана» – семейство тяжелых авианесущих крейсеров РИ, в частности ТАКР «Марат» построен по этому проекту.

«Домовой» – контрдиверсионный улей нанитов, состоит на вооружении Пятого Рима.

Заспамить – завалить большим объемом несущественной информации.

«*Звездная пыль*» – высококачественная нано-масса, используется имплантатами как рабочий материал. Крайне дорога.

Зерг-раш – стратегия атаки в компьютерных играх. Нападение с использованием большого кол-ва низкоуровневых союзников, петов, фамилиаров и т. д.

И

Игровой ивент – игровое событие, мероприятие.

ИИ – ИскИн, Искусственный Интеллект.

ИИ-Мордор – ИскИн, автор фразы «РИ-коммунизм, это прежде всего – контроль и учет!».

ИИ-Пирогофф – медицинский ИскИн.

ИМП – импульсник. Личное оружие для боя на средней и близкой дистанциях.

ИМП «Скорпион» в модификации «Псионик-плюс» – вид ручного импульсника. Калибр: 1 мм, скорострельность: переменная, до 1800 выстрелов в минуту. Виды боеприпаса: травматические боллы, керамический БП, вольфрамовый БП.

ИМП-К-1х2 – спарка противобордажной обороны.

«ИМП-К-1х2» – импульсник корабельный, калибр 1 мм, двуствольный.

«Интерлингв» – основной язык Пятого Рима. Смесь английского, итальянского и немецкого.

К

KIA – «убит на задании».

Кампитъ – игровое. Находится в засаде.

Канлодка «Елена» – во время боя в системе Грумбридж протаранила крейсер ПКО Роя. Сознательно или случайно – неизвестно.

Кап – ограничение характеристики по максимальному значению.

Капчер-флаг – захват флага.

Карго-носитель – тип космического судна. Транспортник.

«Кассандра» – аналитический модуль имплантата Счастливого.

Кастомное – самодельное.

Квест – задание.

Ки-мод – кибернетически модифицированный организм.

Клановый танк – игрок в клане, способный держать на себе внимание монстра и максимально долго не умирать под его ударами.

«Колизеум» – одно из училищ ВКС Солнечной. Не самое престижное. В нем учится Счастливчик.

«Комар» – одноместный истребитель.

Комбатант – участник боевых действий.

Комэск – командир эскадрильи.

«Кочевник» – тип боевых нанитов Роя.

Крафтинг – игровой термин. Процесс изготовления предметов в игре.

Кроки – план местности, сделанный наскоро, небрежно, неточно.

«Кронос наш!» – марка сигарет. Содержат наркотик «таежная пыль», стимулирующий нервную деятельность.

«Крыса» – легкий бот пехотной поддержки Роя. Масса: 740 кг. Вооружение: спаренный курсовой рейлган калибром 3 мм. Лаунчер ГСС. Фростер ближнего боя. Возможно наличие пассивного щита.

Ксеноморф – чужой, инопланетный монстр. Пусть даже разумный.

Ксенофауна – инопланетная жизнь.

«Кубинка-дигитальная» – виртуальный полигон училища Колизеум.

Л

Лаунчер ГСС – оружие. Система запуска гиперскоростных снарядов.

«Лепесток» – активный силовой щит, используется на «Марате».

Линк – канал связи.

«Лис-4.7-браво» – тип планшета, производимого в РИ. Крайне дорог. Более не производится по причине уничтожения завода-производителя и утери технологии.

Логи – цифровые архивы.

«Лошадиная Сила» – стимулятор в виде аэрозоля. Для ночных удовольствий.

Лупанарий – публичный дом в Древнем Риме.

Лут – игровое. Добыча.

«Марат» – тяжелый авианесущий крейсер, был подбит во время боя в системе Грумбридж. Его виртуальная модель была использована в первом учебном задании Счастливчика. А впрочем, виртуальная ли?

Мидл-сет – комплект экипировки среднего качества.

«Митсуми Эйр» – устаревший дыхательный аппарат со сменными фильтрами.

«Мордобой от дяди Васи» – стимулятор боевых возможностей.

Морфпластик – материал, меняющий форму по желанию пользователя. Крайне дорог.

Муз – игровое действие.

Мэйлбокс – почтовый ящик.

Н

Найтмаре – «кошмарный» уровень сложности боя.

Наниты – роботы, размером сопоставимые с молекулой (менее 10 нм), обладающие функциями движения, обработки и передачи информации, исполнения программ.

Нано-вормы – то же что и Наниты.

Нанотерминатор – общее название компьютерных вирусов, распространяемых боевыми нанитами Роя.

«Немезида» – комплекс контрабордажной обороны ТАК «Марат».

Новая-4 – планета, известна очень красивыми минералами.

Новый Севастополь – одна из обитаемых планет системы Грумбридж.

«Ночная Сила» – стимулятор, увеличивает потенцию.

Нуболокации – игровое. Первичная локация в игре. Относительно безопасна.

О

«Овод» – тип тяжелого истребителя. Цена в максимальной комплектации – 40 000 000 кредитов.

ОЗУ – оперативное запоминающее устройство.

«Оса» – тип тяжелого истребителя.

П

Панцер – танк.

ПЗУ – постоянное запоминающее устройство.

«*Пилум*» – зенитно-ракетный комплекс активной обороны крейсера «Марат».

ПКР – противокорабельная ракета.

Планетарники – планетарная пехота.

Постап – постапокалипсис.

Пробойник – сложное устройство, замаскированное под бриллиант весом в 256 карат. Основная функция – захват души владельца, открытие временного канала и переброска добычи в будущее. Побочная функция – регенерация организма.

Профа – профессия.

Псевдо-ИИ.

Псионик – человек, обладающий псионическими способностями, способный силой разума воздействовать на материальные объекты либо на других разумных.

Пятый Рим – империя и столичная планета «новых амазонок».

Р

Рарность – редкость.

Реакторная блоха – опасный паразит, внедряет личинку в мягкие ткани человека.

Регуляры – регулярные воинские подразделения.

Рейдовый дамагер – игрок, специализирующийся на нанесении максимального количества урона за минимальное время.

Рейлган – оружие, сходное с импульсником. В целом импульсный электродный ускоритель масс.

Рой – пришельцы из космоса, враги человечества.

Рэндом – случайный выбор.

С

Саппорт – поддержка.

Сервоботы – служебные, не боевые роботы.

СИБ – Служба имперской безопасности.

«*Сизиф*» – тип гравикомпенсатора крейсера «Марат».

«*Сияние*» – система РЭБ крейсера «Марат».

«*Сияние-М2*» – универсальный реакторный блок. Используется на кораблях Российской Империи.

Скилл – умение.

Спаун – появление или генерация монстров в определенных точках.

СР – Служба Реинкарнации.

Статы – характеристики персонажа.

Стелс – невидимость.

Стэк – пачка однотипных предметов.

Стэнд-бай – режим ожидания и низкого энергопотребления в приборах.

СУО – Система управления огнем.

Суперкарго – второй помощник капитана на судне, отвечающий за прием и выдачу карго, а также наблюдающий за состоянием трюмов (фант., косм.). Должность на космическом корабле, аналогичная судовой.

Т

«*Таежная пыль*» – наркотик, содержится в сигаретах «Кронос наш!».

ТВЭЛ – тепловыделяющий элемент (твэл) – главный конструктивный элемент активной зоны ядерного реактора.

Тим-киллер – игрок, убивающий союзников.

«*Тишина*» – система радиоэлектронной маскировки крейсера «Марат».

«*Тор-2х8*» – пассивный силовой щит «Марата».

«*Торнадо Мк-21*» – тип двигательной установки ТАК «Марат».

«*Точка Юпитера*» – максимальная дистанция, на которой можно достать противника, имеющего нулевую относительную скорость. Сто пятьдесят тысяч кмэ для тяжелых ПКР. И в два раза дальше – для многоцелевых ракет, но МКР используются исключительно для ударов по крупным планетарным целям и орбитальным сооружениям.

«*ТТ-плазма*» – ручное оружие для боя на ближней и средней дистанциях, аналог пистолета.

у

УК – учетная карта. Личное дело, кошелек и главный документ гражданина в электронном формате.

«Укор-3» – тип прыжкового двигателя ТАК «Марат».

Ф

Фаерволл – система защиты от вирусов и хакерских атак.

Фапать – гуглите сами.

Фарм – монотонное убийство монстров ради добычи или опыта.

Фришная – бесплатная.

Фростер – линейка оружейных систем (ручное, стационарное и т. д.)
чье действие основывается на взрывной заморозке объектов.

Х

Хаб – устройство для объединения дроидов в группу и управления группой одним оператором.

Хелс-монитор – прибор, следящий за здоровьем пациента.

Хитпоинты – единицы жизни. Когда равны нулю – герой умирает.

«*Хомяк*» – многоцелевой десантный бот.

Хэдшот – выстрел, удар или попадание в голову.

Ц

ЦУО – Центр управления огнем.

Ч

Читерство – мошенничество в сетевых играх.

ЧСВ – чувство собственного величия.

Ш

«Шмель» – тип тяжелого истребителя.

«Штурм-рой» – тип боевых нанитов Роя.

Шузы – обувь.

Шутер – игра-стрелялка.

Щ

«Щеки» – на летном жаргоне так называются короткие рудиментарные крылья, предназначенные не для атмосферных полетов, а в качестве пилонов для установки вооружения.

Э

Эвтанировать – добровольно-принудительно подарить легкую смерть.

Эксперимент «Хронос» – проект по извлечению пушечного мяса из прошлого.

Ю

Юзательна – доступная для использования.

Я

«Як» – легкий одноместный истребитель.

«Ямато» – линкор ВКС. Имя взято у японского линкора Второй мировой.